Игорь Егоров

ПРОЕКТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО:

реальная утопия

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

ББК 63.3(2)
УДК 316.3

Игорь Егоров, Проект Человечество: реальная утопия, 2026

ISBN 978-5-6054409-3-2

В книге анализируются перспективы товарно-денежных систем и связь внутреннего преобразования общества с возможностью космической экспансии. Рассматриваются причины отчуждения, одиночества, коммерциализации науки и образования, а также роль собственности, религии и искусства в воспроизводстве существующего порядка. Предлагается модель альтернативного общественного устройства как социального эксперимента в противовес капиталистическим моделям. Работа также включает исторический обзор утопических проектов, философское обоснование подлинного выбора (с опорой на экзистенциализм) и рациональные аргументы в пользу сотрудничества (на основе теории игр).

УДК 316.3
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-6054409-3-2

Моей маме, жене, дочери и сыну
посвящается эта книга.

Эта книга не была бы ни написана, ни издана без моей жены Кати. Её вера в мои мечты даже в самые тяжёлые дни отчаяния давала мне силы двигаться вперёд и продолжать жить этим текстом. Её беспощадная критика сметала сомнения в слабости отдельных мест и заставляла снова и снова возвращаться к абзацам, чтобы отшлифовать их до блеска. А её стальное упорство не позволяло отложить перо в сторону и спрятать рукопись в стол.

Моя дочь Василиса сейчас совсем малышка. Но я надеюсь, пишу и дышу тем миром, в котором вижу её будущее. Спасибо тебе, дочка, за веру в это будущее.

Катя. Спасибо тебе за эту книгу.

PS. И мне ничем не восполнить те долгие часы дней и ночей, которые ты провела за вёрсткой, корректурой и редактурой этих страниц.

Оглавление

01 ЧАСТЬ: НАЧАЛО

17 **ВВЕДЕНИЕ**

В котором автор приглашает читателя усомниться в «норме», отложить реализм на пару глав и представить мир, устроенный не ради систем, а ради людей.

21 **ГЛАВА 1. ИДЕАЛЬНЫЙ МИР**

В которой рисуется мир, где будильник не вызывает паники, труд не обменивается на выживание, а время перестало быть валютой — и страх перед будущим исчез, как тень при восходе солнца.

23 **ГЛАВА 2. КТО СКАЗАЛ «НЕЛЬЗЯ»**

В которой автор напоминает: цивилизация началась не с оружия, а с сросшейся бедренной кости — и спрашивает, кто сказал, что «нельзя» строить мир на заботе, а не на страхе.

28 **ИНТЕРЛЮДИЯ**

В которой автор просит на миг представить себя пришельцем из будущего — и честно взглянуть на наш мир не как на данность, а как на объект диагноза.

02 ЧАСТЬ: АНАТОМИЯ УПАДКА

31 **ГЛАВА 3. КУЛЬТУРА ОДИНОЧЕСТВА**

В которой одиночество оказывается не личной трагедией, а системным продуктом: общество, где время — деньги, делает подлинную связь роскошью, а цифровое общение — её дешёвым суррогатом.

38 **ГЛАВА 4. ВОСПИТАНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЯ**

В которой показано, как ребёнок с первых шагов учится не жить, а выбирать; и как его внутренний свет превращают в бренд, а игру — в инвестицию, лишая права на по-настоящему человеческое.

49 **ГЛАВА 5. НАУКА В ПЛЕНУ ПРИБЫЛИ**

В которой наука, рождённая свободным любопытством, оказывается в плену логики прибыли, а её прорывы вытесняются грантами, патентами и отрицательным отбором, где побеждают не гении, а приспособленцы.

62 ГЛАВА 6. СОБСТВЕННОСТЬ КАК ИЛЛЮЗИЯ

В которой частная собственность предстаёт как иллюзия, разделяющая вещь на «друга» — основание жизни — и «господина» — символ власти, за которым человек гонится, не замечая, что стал рабом.

76 ГЛАВА 7. КРИТИКА РЕЛИГИИ

В которой религия предстаёт как древний договор у костра: чтобы выжить, племя изобрело бога, а вместе с ним — закон, власть и право одного говорить от имени всех.

94 ГЛАВА 8. ИСКУССТВО ПРЕДЧУВСТВИЯ БУДУЩЕГО

В которой западное кино хоронит будущее в киберпанковом дожде, а забытая советская фантастика светится верой в завтра, которое можно построить вместе.

111 ИНТЕРЛЮДИЯ

В которой деньги — тихий тиран, переформатирующий экономику и природу отношений, чтобы стереть знание о том, как можно жить иначе.

03 ЧАСТЬ: ОТВЕТНЫЙ УДАР

117 ГЛАВА 9. ПРОВАЛЫ ПРОШЛОГО

В которой одиночество оказывается не личной трагедией, а системным продуктом: общество, где время — деньги, делает подлинную связь роскошью, а цифровое общение — её дешёвым суррогатом.

126 ГЛАВА 10. ФИЛОСОФИЯ БЕЗ ЛИЦА

В которой философия возвращается к человеку — противоречивому, свободному даже в аду, и достойному быть основой любого будущего.

136 ГЛАВА 11. МАТЕМАТИКА СОЛИДАРНОСТИ

В которой теория игр доказывает, что сотрудничество — это стратегия развития и победы, а конкуренция — тупик, ведущий к мёртвому равновесию.

147 ИНТЕРЛЮДИЯ

В которой автор отряхивает прах утопий прошлого и напоминает: человек не добр и не зол по природе — он становится тем, кем позволяют быть внешние условия.

04 ЧАСТЬ: НОВАЯ НАДЕЖДА

153 **ГЛАВА 12. КОСМИЧЕСКАЯ МИССИЯ**

В которой космос перестаёт быть только мечтой о звёздах, но становится и экзаменом на зрелость. А общество, отменившее дефицит, конкуренцию и краткосрочную выгоду, получает шанс выжить — и стать человечеством Космоса.

173 **ГЛАВА 13. ПРОЕКТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО**

В которой описывается жизнь без денег и собственности. Эксперимент, демонстрирующий, что другой мир не только возможен, но уже работает: здесь каждый становится настоящим человеком — и этого достаточно.

199 **ГЛАВА 14. ПОЧЕМУ НЕТ**

В которой Проект Человечество играет против утопий прошлого, создавая условия, где доверие и сотрудничество единственный ответ на достойную жизнь.

205 **ГЛАВА 15. КАК НАЧАТЬ**

В которой автор напоминает, что идеи не ждут идеальных условий, а начинаются там, где хватает смелости перестать ждать. Если ждешь, пока всё станет «готово», то никогда не начнёшь. А Проект Человечество уже начался — с первого, кто сказал: «Давайте попробуем».

213 **ГЛАВА 16. КРИТИКА ПРОЕКТА**

В которой автор не защищает идею, а подставляет её под огонь собственной честности. Здесь признаётся: да, Проект уязвим, но именно потому, что он не боится быть проверенным, он может быть. Потому что настоящая критика не убивает идею. Она делает её живой.

221 **ЗАКЛЮЧЕНИЕ**

В котором автор завершает круг от критики мира, вывернутого наизнанку, — к приглашению перевернуть его обратно. Здесь есть ясный выбор: либо продолжать верить, что «устроено так, как устроено», либо признать — зрелость человечества начинается там, где кончается страх быть иначе.

232 **ЭКСПЕРИМЕНТ «ЖИВАЯ КНИГА»**

В котором читатель теряет пассивную роль и становится соавтором всего Проекта.

От автора:

Пока мы считаем любую идею о лучшем мире «невозможной утопией», а ее сторонников — «опасными мечтателями», мы сами добровольно отказываемся от будущего. Мы становимся «мыслеполицией» для самих себя. Это и есть диктатура нового уровня. Не цензура с дубинками, а цензура нашего сознания. Нам не запрещают мечтать. Нам внушили, что мечтать — стыдно и глупо.

Предисловие

Эта книга Игоря Егорова, любезно показанная мне автором в последние дни 2025 года стала для меня одним из лучших новогодних подарков. Достаточно был первого беглого взгляда на её оглавление и чтение первых страниц, чтобы понять, что это именно то, что сегодня больше всего важно и нужно. Эта книга — начало и продолжение множества доверительных и очень личных бесед с людьми различных языков, культур и кредо о вопросах, которые нас сегодня объединяют. По крайней мере для меня её чтение напомнило о близких друзьях из разных стран, бесконечные ночные споры с которыми как бы сошли со страниц книги Игоря.

Для чтения этих текстов важно выйти из комнаты с действующим телеэкраном, закрыть компьютер и отложить подальше мобильный телефон (даже если он используется для записи полезных мыслей). Необходима внутренняя тишина, так тщательно и повсеместно разрушаемая шумом несущей нас в пропасть мировой капиталистической машины. Излагаемые здесь мысли — не лозунги или скрижали, а строительный материал завтрашнего дня, поэтому достаточно бессмысленно просто с ними соглашаться или не соглашаться

и тем более вести вечные концептуальные дискуссии, смысл этой книги в критическом анализе нашей действительности и её мифов для коллективного строительства великой гуманистической утопии. Ради того, что когда-то вывело нас из пещер в поисках света и познания мира и что всегда было смыслом жизни лучших людей всех эпох и народов.

Эта книга — ещё один инструмент для выравнивания линии горизонта, скрытого от наших глаз нагромождением ненужного хлама. И просто не могу не процитировать здесь слова замечательного уругвайского писателя Эдуардо Галеано об утопии, то есть, об этой книге, сказанные им за десятилетия до её рождения: «Она всплывает на горизонте. Я делаю к ней пару шагов и она на пару шагов отступает. Я прохожу ещё десять шагов и горизонт отходит опять ровно на столько же. Сколько бы я ни прошёл, я никогда её не достигну. Зачем тогда нужна утопия, если она недостижима? Наверное, только для этого — чтобы нам двигаться вперёд».

Олег Ясинский

Часть I: Начало

Введение

«Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем».

Экклезиаст, 1:9

Эта книга не претендует на откровение. Многие из идей, которые в ней прозвучат, уже не раз высказывались в философских трактатах, в утопических проектах, в тихих кухонных разговорах и в забытых строках старых манифестов. Но, возможно, сейчас они прозвучат иначе. Не потому, что мир вдруг изменился раз и навсегда, а потому, что всё чаще где-то внутри возникает вопрос, который редко кто задаёт вслух: а точно ли то, что мы называем «нормой», — это и есть то, к чему стоило стремиться?

Во-первых, у нас осталось очень мало времени. И хотя апологеты системы уверены, что рынок всё отрегулирует, следующие главы покажут, почему его логика ведёт

к кризисам — экологическому, энергетическому, социальному, — которые уже маячат на горизонте.

Во-вторых, сколько бы ни утверждалось, что человек по природе эгоист, я с этим не согласен. И в следующих главах, обращаясь к теории игр и психологии, я покажу, что способность к сотрудничеству и справедливости — такая же фундаментальная черта нашего вида, выстраданная эволюцией, как инстинкт самосохранения.

В нашем обществе связь между трудом и выживанием кажется неизбежной. Одиночество маскируется под личное пространство. Зависимость от рынка называют свободой выбора. А доброта и честность порой становятся карьерными рисками. При этом никто особо не выбирал такой уклад жизни. Он просто сложился сам собой как результат множества решений, принимавшихся не ради людей, а ради систем: экономических, политических и идеологических.

Да, в книге содержится критика капитализма, неолиберализма и даже социализма — всех систем, построенных на товарно-денежном учёте. Какими бы ни были их временные успехи, в долгосрочной перспективе такие структуры ведут к одному: к разрушению окружающей среды, к деградации психики и к утрате способности человечества выживать за пределами кризисов.

Мы живём в мире, вывернутом наизнанку. Ценности перевёрнуты, решения принимаются по абсурдным причинам, а нормой стало то, что раньше казалось кошмаром. И живём мы таким образом настолько долго, что привыкли называть белое чёрным. Наш мозг научился воспринимать негатив как данность, а позитив считать наивным отклонением. При этом многим в этом мире уютно, несмотря на невидимые кандалы, которые теперь называют свободой. А тех, кому неуютно, объявляют проблемой. Семьсот миллионов голодных людей в Африке и Азии — это «проблема», конечно. Давайте скинемся на зерно. Как будто справедливость — это благотвори-

тельность, а не основа общественного устройства.

Конечно, можно сказать, что такова природа человека, так устроена реальность и таковы законы рынка. Но откуда взялись эти законы? Действительно ли они вечны? Или просто действовали так долго, что никто не осмеливался их переписать? А если бы мы попытались сделать это сейчас с теми знаниями, что у нас есть, — что бы тогда получилось? Должно ли то, что мы называем нормой, быть нашей окончательной судьбой? Поэтому речь пойдёт не о морализаторстве, а о перестройке условий. О том, как убрать причины, по которым человек вынужден быть зверем не ради спасения души, а ради выживания.

Книга состоит из четырёх частей. Первая посвящена тому, каким мы хотим видеть мир, если снять все ограничения, кроме одного: он должен быть построен людьми для людей. Во второй части мы посмотрим внутрь и увидим, почему даже самые гуманные формы существующего порядка неизбежно воспроизводят одиночество, отчуждение и краткосрочное мышление. Третья часть анализирует провалы прошлого не для того, чтобы отвергнуть их, а чтобы понять, где именно ломалась связь между идеалом и реальностью. Четвёртая — это не утопия, а проект: с территорией, ресурсами, людьми и первым шагом.

Сейчас перед вами только приглашение. Приглашение читать эту книгу не только как критику, но и как гипотезу. Гипотезу о том, что человечество способно на большее, чем просто выживать в рамках устаревших правил.

Перед тем как начать, я прошу вас как бы приглушить внутренний белый шум, голос «реализма», который шепчет: «Это невозможно». Отключите его. Хотя бы на две главы.

Я бы не стал писать всё это, если бы не верил в две вещи. Если вы дадите моей книге шанс и прочтете ее, не делая поспешных выводов о ее утопичности, то для меня

и таких же, как я, это станет надеждой, что мечта об идеальном мире возможна. Может быть, он начинается именно с этого момента: с вашего сомнения, с вашего «а вдруг?», с той самой детской, но не наивной веры, что добро сильнее зла не только в сказках.

Нас на этой планете восемь миллиардов. Даже если в новый мир поверит одна сотая процента, это восемьсот тысяч человек. А ведь экспансия из Африки сто тысяч лет назад началась гораздо меньшим числом.

Глава 1

Идеальный мир

Представь себя в идеальном мире. Просыпаешься без тревожного пиканья будильника, без мысли, что сегодня последний день, чтобы заплатить за квартиру, без страха, что заболел и теперь не сможешь работать, а просто потому, что день начался. Свет мягко ложится на подоконник, за окном слышится смех детей и пение птиц, и в голове нет ни одной беспокойной мысли. Ни одной. Нет самой главной тревоги о том, что ждет в будущем. Потому что в этом мире всё необходимое — это не предмет борьбы и не привилегия для избранных, а естественное условие жизни, как воздух или вода.

Ты встаёшь с постели с удивительной лёгкостью, потому что выспался, тело и разум в согласии, ты готов к новому дню. Делаешь зарядку не ради какого-то протокола или в попытке подогнать себя под инстаграмный шаблон, а потому что приятно чувствовать, как разгоняется кровь, мышцы отвечают на нагрузку, достигается новый личный рекорд. Принимаешь душ, одеваешься в удобную одежду, которая тебе нравится, а не в рабочую робу офисного сотрудника. Потом завтрак: можешь приготовить сам, не впопыхах с телефоном в руке, а медленно, с удовольствием, или в общем пространстве дома, где уже пахнет свежим хлебом и кофе, где гудят разговоры соседей, друзей, просто знакомых, или в уютном кафе, где можно посидеть в одиночестве и полистать новости.

После завтрака ты не идешь на работу. Ты идешь заниматься любимым делом. Не тем, что ты терпишь ради зарплаты, где каждый день — это маленькая смерть от унижения и бессмысленности. Твое дело — не карьера и не источник дохода, а то, что ты делаешь, потому что это важно тебе и обществу, в котором ты живешь. Мо-

жет, ты учишь детей, может, проектируешь дома, может, выращиваешь еду, может, пишешь музыку или занимаешься клинингом. Главное, что это не обмен времени на деньги, а участие в жизни общества. И если вдруг захочется попробовать что-то новое — никто не спросит: «А как же твой стаж?» или «Кто тебя там ждёт?». Ты просто начнёшь. Потому что в этом мире образование, ресурсы, поддержка доступны каждому, всегда.

Время не валюта в этом мире, его «не тратят», «не экономят», «не теряют» — с ним просто живут. Да, люди тоже торопятся: врач — к больному ребенку, ремонтник — на аварию на заводе. Время перестало быть ресурсом, как и еда, и жилье, и одежда. Все они стали доступнее воздуха, навсегда удалив из жизни страх.

Этот мир не идеален в смысле безупречности. В нём тоже бывают трудности, ошибки, болезни, потери. Но в нём нет страха перед трудностями — страха перед будущим. Ты знаешь, что если тебе понадобится помощь, то тебе её окажут. Не из милости или жалости, а как часть естественного процесса в сообществе, где отвечать помощью на нужду одного из ее элементов. В таком мире нет подковёрных интриг, потому что нет смысла в борьбе за место под солнцем — солнце светит всем. Эмпатия, открытость здесь норма общения, а воспитание — это не только набор правил, но и умение уважать чужое время, труд и границы.

Здесь можно быть одиноким лишь по очень сильному желанию побыть одному, для возникновения которого потребуется очень серьезная причина. Здесь искусство и творчество открыты для всех не только для потребления, но и для участия — все могут писать картины, сочинять музыку, снимать фильмы, создавать скульптуры или создавать синтез всех видов искусства. Этот мир относится к тебе как друг, прощает ошибки, поддерживает в неудачах, радуется успехам.

Глава 2

Кто сказал, что «нельзя»

«Есть одна только врожденная ошибка: убеждение, что мы рождены для счастья».

Артур Шопенгауэр

Цивилизация началась не с каменного топора, огня или наскального рисунка — цивилизация началась со сросшейся бедренной кости человека. Это значит, что когда-то давно люди стали настолько разумны, что смогли заботиться о пострадавшем родиче столь долго, что его сломанная бедренная кость успевала срастись. Кто-то носил ему воду, защищал от хищников, делился едой — неделями, месяцами. Без такой поддержки человек с переломом ноги просто не выжил бы. Эта теория принадлежит антропологу и палеонтологу Маргарет Мид. Сострадание и сотрудничество — вот с чего началась цивилизация.

Но древние римляне не имели счастья посещать лекции знаменитого антрополога, для них естественным состоянием цивилизации была формула homo hominin lupus est (человек человеку волк) — то есть люди, по мнению римлян, изначально являются врагами друг другу. Эта формула породила многочисленные вариации, была подкреплена философскими трудами Платона, Аристотеля и многих-многих других, дожила до наших дней и не только не рухнула, но и обросла многочисленными доказательствами психологов, социологов и экономистов.

Есть такое понятие — «программирование личности». Грубый пример: если человеку все вокруг с раннего детства будут внушать, что он дурак и ничего не умеет, то, даже будучи умницей, человек станет вести себя в соответствии с заданным шаблоном. Подробно это описано у Эрика Берна («Транзактный анализ»), Мартина Селигмана («Выученный оптимизм»). Такое же программирование может совершать над собой целая нация, цивилизация, даже все человечество. Повторяемый и внушаемый нарратив меняет институциональную структуру общества, отношения и связи между людьми и общественными группами. Об этом писали, например, Бергер и Лукман («Социальное конструирование реальности»).

В XVIII веке экономист Бернард де Мандевиль в своей «Басне о пчёлах» утверждал, что именно пороки — жадность, тщеславие, зависть — делают общество процветающим. Добродетель, по его мнению, ведёт к застою. Он привел в пример улей, который был богат и процветал, пока все пчелы были жадными потребителями, но зачах, когда все пчелы стали добродетельными. Пока пчелы были жадными и стремились к роскоши, они стимулировали производство, а как только стали добродетельными — рынок схлопнулся. Эта мысль была подхвачена и переработана известными экономистами Адамом Смитом и Дэвидом Юмом. Они развили ключевую концепцию Мандевиля в идею о том, что преследование личных интересов может невольно служить общественному благу.

В XIX веке Герберт Спенсер, отец социал-дарвинизма, прямо заявлял: «Выживает сильнейший — и это хорошо». Он считал, что помощь бедным и больным — преступление против эволюции. Его идеи вдохновляли не только промышленных магнатов вроде Рокфеллера, утверждавшего, что «рост крупного бизнеса — это просто выживание сильнейших… Это не что иное, как работа законов природы и Божьих законов», но и законодателей, которые сворачивали социальные програм-

мы под предлогом «естественного отбора».

Эти идеи легли в основу классического либерализма и до сих пор — здесь недостаточно сказать «имеют право на существование» — нет, они определяют все существование человеческой цивилизации. Джеффри Пфеффер в работе «Страх и лидерство» показывает, что крупные компании используют страх увольнения для повышения производительности сотрудников на коротком горизонте (на длинном это приводит к выгоранию). Также используются техники вроде ранжирования и отсева, поощряется внутренняя конкуренция, намеренное разжигание конфликтов между сотрудниками, чтобы каждый из кожи вон лез в попытке доказать свою нужность и эффективность.

Теперь задумайтесь. Наша цивилизация назвала черное белым, заявив, что это хорошо, и живет по этому принципу. Пороки индивида (жадность) ведут к процветанию общества, как сказал Бернард де Мандевиль. Естественный отбор и отсев слабых ведут к прогрессу нации, развил его мысль Герберт Спенсер. Страх и внутренняя конкуренция ведут к росту производительности и прибыли, сделали вывод корпорации. Эти установки, штампы, шаблоны насаждались веками, если не тысячелетиями.

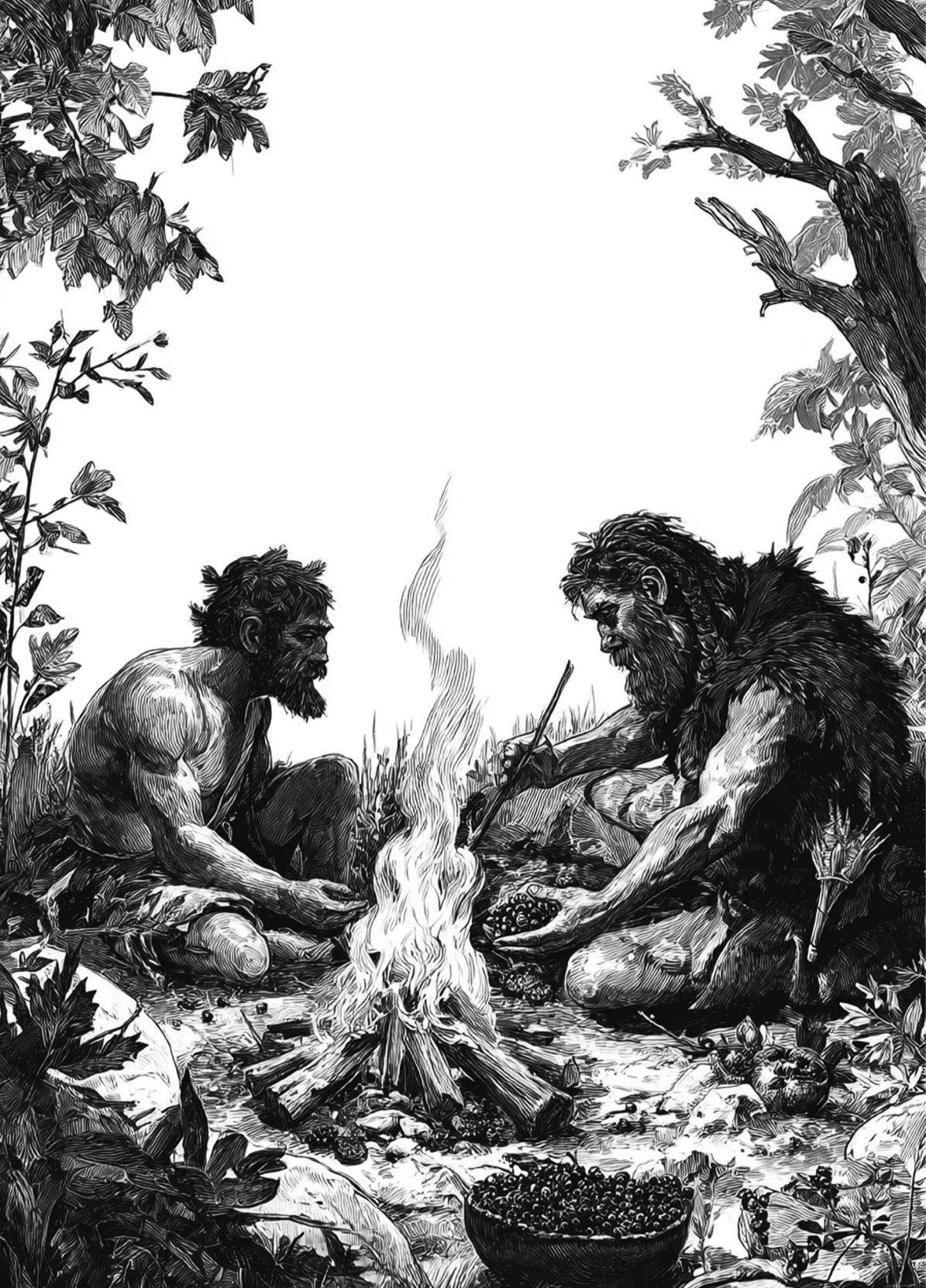
Езда на лошадях входит в наш культурный архетип, она стала частью когнитивного бессознательного. Мы видим картинки с всадниками, фильмы, лошадей в реальной жизни. Поэтому большинство людей, сев впервые на лошадь, чувствуют себя естественно, привычно, пусть с некоторым внутренним напряжением, но все же более естественно, чем управляя в первый раз автомобилем. Эту особенность даже называют генетической памятью, что не совсем верно с точки зрения науки. Установка, что человек человеку волк, действует три тысячи лет и подкрепляется примерами из жизни, книг, спектаклей, выступлений политиков и предпринимателей. Этот нарратив столь мощный, что просто удивительно, как мы до сих не переубивали друг друга. Может

быть, не переубивали из-за сросшейся бедренной кости, из-за того, что сотрудничество и поддержка — еще более мощные и более глубинные установки, чем навязанная нашей цивилизации римлянами.

Запрограммированный с самого детства человек не обязан до конца дней быть дураком, неудачником и неумехой. Существуют практики, которые помогают снять навязанные шаблоны. Человеческая психика очень пластична, старые программы можно стереть, наложить новые, дать возможность написать свои. Если человек просто попадет в другую среду, дружелюбную и любящую, поддерживающую, его штампы о себе самом рассосутся со временем, станут не ранами, а старыми шрамами. То же самое со всей человеческой цивилизацией и практически с любой ее группой: достаточно изменить условия, чтобы привычные установки изменились на противоположные. Не мгновенно, конечно, но за разумное время. Как показывают исследования по кооперативной эволюции (например, у Мартина Новака), кооперация не только возможна — она эволюционно устойчива, особенно в условиях повторяющегося взаимодействия. И больший шанс выжить имеют именно скооперированные группы.

Вся наша история — это не манихейская битва добра и зла, а противостояние двух фундаментальных эволюционных стратегий, Волка и Бедренной Кости, конкуренции и кооперации. И тот факт, что вы читаете эти строки во время все еще идущей борьбы между ними, означает, что Бедренная Кость — любовь, дружба, поддержка и взаимовыручка — еще не опустила руки. Мы еще живы.

P. S. Шопенгауэр, кстати, сам жил в довольно уютной квартирке с пуделем Ату, чье имя в перевод с санскрита означает «мир» — такая вот ирония философа, считавшего весь мир страданием. Даже самые мрачные мыслители не лишены чего-то светлого.

Интерлюдия. Переходя к главному.

Вы только что прочитали описание мира, в котором, возможно, захотели бы жить. Не думайте сейчас о его реализуемости или устойчивости — речь здесь не столько о будущем, сколько о кризисе настоящего.

Многие утопии рисовали идеал, но терпели крах уже на подступах к нему. Снимем с повестки вопросы, можно ли вообще построить такой мир и как к нему идти. Главное, стоит ли уходить от мира, в котором мы уже живём? И чтобы ответить на этот вопрос честно, нужно снять очки иллюзорной привычки и вымученной благодарности за «стабильность». Просто посмотрим на нашу повседневность без прикрас: на её достоинства и недостатки, перспективы, устойчивость. Представьте, что вы пришелец из того, нового мира и изучаете нашу жизнь как социолог. Ведь если этот наш сегодняшний мир действительно хорош, тогда мечты о другом — всего лишь мечты. Однако если в его основе лежит не свобода, а иллюзия выбора, не развитие, а бег по безысходному кругу, — тогда даже самый несовершенный черновик иного пути становится реальной необходимостью.

Следующая часть книги посвящена не самому капитализму как системе, а тем разрушительным тенденциям, которые он порождает в обществе. Если уж мы заглянули в желаемое будущее, пора взглянуть в лицо тому, от чего пытаемся уйти.

Часть II: Анатомия упадка

Глава 3

Культура одиночества

«Ад — это другие».

Ж.-П. Сартр, «За закрытыми дверями»

В 2018 году Великобритания совершила шаг, показавшийся многим странным: она учредила пост министра по одиночеству. На первый взгляд, это противоречило самой природе современного мира: мы живём в эпоху, когда связь кажется повсеместной и мгновенной: можно связаться с кем угодно, в любое время суток, практически из любой точки планеты, кроме специальных мест для съемок фильмов ужасов. И всё же парадокс налицо: чем больше возможностей для контакта, тем меньше эмоционального наполнения имеет каждый контакт. В итоге мы окружены людьми, но чувствуем себя одинокими.

Можно, конечно, обвинить во всем цифровизацию, блоги и социальные сети — и отчасти это будет справедливо. Действительно, они поощряют клиповое мышление и культуру мгновенного потребления информации, где глубина и нюанс приносятся в жертву скорости и виральности. Внимание становится фрагментированным, а общение — всё более поверхностным и ситуативным.

Однако было бы ошибкой считать это корнем проблемы. Это скорее симптомы, обостренные технологиями. А главная причина в том, что неолиберальная идеология стала доминирующим культурным кодом, который взаимодействует с технологиями, политикой и глобаль-

ной экономикой, формируя специфическое отношение ко времени и отношениям. Эта система ценностей, ставящая во главу угла эффективность, продуктивность и личную выгоду, транслирует нам негласный императив: рассматривать любой акт, в том числе эмоцию, как инвестицию, и оценивать любые инвестиции, включая эмоциональные, с точки зрения их окупаемости.

Главная опасность этого императива в том, что он усваивается на уровне подсознательной установки. Он становится осколками зеркала Снежной Королевы, попавшими и в глаз, и в сердце, как мальчику Каю из сказки Андерсена. Через эту искривлённую призму мы начинаем автоматически оценивать окружающих: не с позиции «интересен ли мне этот человек?», а с вопросом «что мне это даст?». То есть мы подменяем уникального собеседника и цель общения на функциональный элемент нашей жизненной стратегии: «клиента» нашей личной истории (подписчика), «партнера» по сетевому обмену или «конкурента» за ограниченные ресурсы внимания и статуса. Возникает один из серии парадоксов: будучи гиперсвязанными, мы становимся все более взаимозаменяемыми друг для друга, потому что логика тотального рынка поощряет не глубину привязанности, а эффективность и простоту «сделки» именно с точки зрения заменяемости.

Ключевым ресурсом в этой системе расчетов становится время. Именно через его призму окончательно кристаллизуется инструментальное отношение к другому. Капиталистический этос с его центральным нарративом «время — деньги» превращает часы и минуты в универсальную валюту, которую можно и нужно инвестировать с максимальной отдачей. В результате рождаются специфические страхи: страх потерять время на другого человека и страх эмоциональной вовлеченности в проблемы другого человека, которые на деле являются страхом совершить невыгодную инвестицию.

Это трансформирует саму природу общения. Мы уже не столько против общения как такового, сколько против его цены. Каждую минуту, потраченную на диалог, мы неявно сопоставляем с альтернативными инвестициями: временем на себя, потреблением контента, профессиональным развитием или простым отдыхом. Когда цена времени на общение (его эмоциональная и временная затратность) начинает превышать субъективную ценность отдачи, мы отказываемся от «сделки».

Так рождается новая, условная и расчетливая форма отношений. Другой человек оценивается по критерию эффективности: сколько он берет и сколько возвращает — вниманием, поддержкой, пользой, развлечением. Если баланс нарушается, если партнер по общению требует слишком много или не оправдывает ожиданий, контракт расторгается. Общение перестает быть пространством взаимного открытия и соединения, где ценен сам процесс. Оно становится актом калькуляции, где каждый участник одновременно и товар, и оценщик.

Интересно, что эта установка часто воспринимается как естественная. Многие молодые люди говорят: «мне комфортно в одиночестве», «я сам себе компания», «просто времени не хватает». Но именно эта фраза, «времени не хватает», говорит о многом. Это не просто отсутствие часов. Это осознанный отказ от них ради других ценностей: производительности, комфорта, личной эффективности. Ценностей, которые превращают жизнь в процесс учёта и монетизации.

Исследования в области социальной психологии подтверждают: страх потерять время на другого человека напрямую влияет на способность к глубокому разговору, на готовность брать на себя эмоциональные обязательства. Уже в середине XX века Джон Тибо и Гарольд Келли в своей теории социального обмена, опиравшейся на принципы теории игр, показали: люди склонны оценивать отношения по балансу «вознагражд-

дений» и «издержек», выбирая те связи, которые обещают максимальную выгоду при минимальных затратах. Сегодня это повседневная практика. Одиночество выросло из самой логики системы, которая формирует нас как индивидов, а не как участников сообщества. Капитализм не спрашивает у человека о личных связях и психологическом климате, капитализм требует производительности, личной эффективности. Он внедряет простую, но разрушительную метрику: если ты не приносишь прибыль или не способствуешь достижению цели, то ты временно бесполезен или вовсе лишний. Это просачивается даже в личные отношения.

Речь, разумеется, идёт не обо всех без исключения, но о всё более явной тенденции, которая проникает в самые глубины человеческого взаимодействия. Мы наблюдаем растущую замкнутость даже на физическом уровне. Современный человек живёт внутри строго очерченного психологического пространства, концепция которого восходит к работам антрополога Эдварда Холла о проксемике. Такая невидимая психологическая оболочка имеет неприкосновенную границу, а её нарушение равно вторжению в дом.

Этот феномен выходит за рамки простого страха быть физически раненым. Это более фундаментальный страх: быть увиденным и вовлечённым против своей воли. Мы бессознательно ретушируем себя в реальном времени, и у этого поведения есть глубокие корни. Психология окружающей среды исследует, как скученность и анонимность города ведут к сенсорной перегрузке. Чтобы сохранить психические ресурсы, мы развиваем «не-вовлеченность» — стратегию, при которой окружающие люди воспринимаются как фон, а их индивидуальность игнорируется. Мы опасаемся чужого взгляда, задержавшегося на секунду дольше положенного, случайного прикосновения чужой кожи, даже вдыхания чужого воздуха. Отчасти это закономерная реакция на мир,

перенасыщенный угрозами: от карманников и мошенников до невидимых инфекций. Мы самоизолируемся, потому что считаем мир опасным.

Однако здесь кроется очередной парадокс: наша оборонительная изоляция не просто защищает нас от потенциальной опасности, но активно конструирует ту самую реальность, которой мы боимся. Этот механизм является классическим примером самоисполняющегося пророчества, как его описал социолог Роберт Мертон: коллективная вера в опасность и безразличие окружающих заставляет нас отказываться от спонтанных актов солидарности. Классический эксперимент социальных психологов Бибба Латане и Джона Дарли по оказанию помощи в критических ситуациях показал: чем больше пассивных свидетелей вокруг, тем меньше вероятность, что кто-то один вмешается («эффект свидетеля» или «апатия очевидца»). Когда из страха подставы никто не решается помочь упавшему на улице, когда боязнь вовлечься заставляет каждого молча отводить взгляд, тогда общество теряет саму ткань неформальной солидарности и взаимопомощи. Социальная среда, лишённая этих мириад мелких, необязательных актов внимания, неизбежно остывает и черствеет. Таким образом, наша превентивная оборона от бездушного мира в конечном счёте и превращает его в то самое враждебное место, от которого мы пытались отгородиться.

Всё это разнообразные формы нашего одиночества. Чтобы понять их происхождение, стоит вернуться к тому, с чего мы начали: существующие попытки объяснить растущее отчуждение такими причинами, как рост личностной тревожности, процессы урбанизации или природа цифровых технологий, оказываются несостоятельными. Они принимают за причину то, что на деле является следствием системной организации общества, основанного на рыночной рациональности. Однако эти причины едва ли возникли в вакууме. Инди-

видуализм и тревога закономерные продукты общества, где конкуренция вытесняет солидарность. Рост урбанизации не стихийное бедствие, а требование гибкого рынка труда. Цифровая коммуникация обретает свои отчуждённые формы во многом потому, что они оказываются наиболее монетизируемыми. Таким образом, все три подхода несостоятельны в своих претензиях на основную причину, поскольку они лишь описывают производные эффекты от единого системного источника.

В капиталистических обществах создан уникальный спрос. Не технологии вытеснили живое общение, а предварительно обесцененное «дороговизной» общение создало гигантскую нишу для его технологических суррогатов. В обществе, где время стало валютой, подлинная связь, требующая временных затрат, эмоционального риска и уязвимости, стала восприниматься как непозволительная роскошь.

Именно здесь и рождается дихотомия современного одиночества: общение становится одновременно необходимой потребностью и непозволительной роскошью. Человек инстинктивно стремится быть частью целого, но отказывается платить за это подлинной валютой: временем и эмоциональным участием. Возникает гигантский рыночный вакуум, и с развитием технологий он заполняется товаром-заменителем. Рынок предлагает решение, от которого невозможно отказаться в системе, где время — деньги: суррогат общения, дешёвый аналог связи, не требующий настоящей цены. Социальные сети, мессенджеры, подписки на «личности» — всё это действует по принципу витаминных таблеток вместо полноценной пищи: техническая функция выполняется, но исчезает вкус, текстура и сам процесс. Таким образом, капитализм, спровоцировав эпидемию одиночества, предложил ей «лечение» в виде гомеопатических таблеток цифрового общения, которые не только не исцеляют болезнь, но и усугубляют её, создавая иллюзию решения.

Философ Бернард Стиглер называл внимание «движением души» — даром, который мы преподносим другим людям, особенно тем, кто нам важен, не ожидая ничего взамен. Однако капитализм переосмыслил это движение как инвестицию, требующую гарантий окупаемости, и постепенно лишил нас способности дарить внимание просто так. В этих условиях не цифровизация создала одиночество, она стала его идеальным проводником, доведя логику системы до предела: превратив побочный эффект — дорогое в плане времени общение — в главный товар. Теперь рынок предлагает связь без явного риска, контакт без подлинной встречи. И тогда общение превращается в статью расходов в виде абонентской платы за программу, а общество распадается на изолированные единицы, вежливо обменивающиеся сигналами в цифровой пустоте.

И любой глобальный кризис с беспощадной ясностью покажет, что одиночество, которое мы культивировали как личный выбор, станет коллективным приговором. Мы сами готовим для себя мир, где не останется и тени нас.

Глава 4. Воспитание потребителя

Как среда учит выбирать, а не жить

«Земля стала маленькой, и по ней прыгает последний человек, делающий все маленьким».

Ж.-П. Ницше, «Так говорил Заратустра»

Современное воспитание сегодня по-прежнему зависит от родителей и школы. Их вклад весом, но все больше становится не так значим, как фон, который задает социальная среда. Ребёнок не учится быть потребителем: он вдыхает эту роль с первой игрушкой, упакованной как бренд. В этом заключается главная хитрость капиталистической парадигмы: она не навязывает потребление — она делает его естественным состоянием бытия.

Школа, некогда считавшаяся храмом знаний, давно утратила и авторитет, и реальную власть над формированием сознания. Интернет, соцсети и искусственный интеллект предоставляют знания быстрее, доступнее и зачастую в более увлекательной форме. Учитель больше не сеятель «разумного, доброго, вечного», а наёмный работник в сфере услуг, вынужденный балансировать между требованиями стандартизированных программ, административной отчётности и родительских ожиданий. Роль «сеятеля» ушла в прошлое вместе с индустриальной эпохой. Его голос тонет в шуме гораздо бо-

лее мощного воспитателя — окружающей культурной среды, которая не даёт уроков и не выставляет оценок. Она просто показывает: вот как выглядит успех, а вот как звучит счастье. Среда сразу предлагает готовые, рецепты счастья с мощным визуальным концептом: поезжай в Италию и сними вот такое красивое видео для своего блога, купи одежду этого бренда и сделай селфи стильного и крутого парня, сфоткайся рядом с этой крутой тачкой с элитным номером. И этот поток идёт непрерывно — через рекламу, сериалы, блоги, конкурсы, праздники, игрушки, через одежду, даже через язык, которым говорят взрослые.

Особенно коварно то, что эта среда не отменяет творчество и не запрещает игру. Напротив, она всё это охотно принимает, при условии что всё будет оформлено в форму достижения. Психологические исследования, начиная с работ Эдварда Деси и Ричарда Райана в рамках теории самодетерминации, неоднократно подтверждали: как только в деятельность, изначально мотивированную внутренним интересом, вводится внешнее вознаграждение, будь то грамота, кубок или даже похвала за «талант», — сам интерес к этой деятельности угасает. В знаменитом эксперименте дети, которые рисовали просто потому, что им нравилось, переставали браться за карандаши, как только им начали обещать награды за «хороший рисунок». Награда превратила игру в сделку.

Конкурсы, фестивали, олимпиады, выставки — всё это, при всей своей благородной оболочке, работает по тем же правилам, что и рынок: есть победители и проигравшие, есть стандарт качества, есть эксперты, есть зрители, есть спрос. Ребёнок учится не слушать себя, а угадывать ожидания. Он учится не выражать то, что внутри, а производить то, что будет принято.

И даже если он выигрывает, то он проигрывает, потому что теряет связь с тем, ради чего всё начиналось: с удивления перед миром, с желанием исследовать,

а не демонстрировать. Творчество перестаёт быть способом бытия и становится инструментом самопродвижения. Происходит систематическая подмена внутренних ориентиров (любопытство, радость процесса, самовыражение) на внешние (достижения, статус, награды). Среда не уничтожает творчество и игру, она их обезвреживает и ставит на службу логике производительности и потребления, лишая их самой сути — бескорыстной радости и свободы. Спонтанная, бесцельная игра, чистое творчество ради процесса, неоцениваемый интерес — все это становится бессмысленным для системы, построенной на метриках и KPI (Key Performance Indicators). Деятельность обретает ценность только будучи измеренной, оцененной, оформленной в результат, достижение, контент. Подобное воспитание формирует не творцов и исследователей, а оптимизаторов собственного резюме и социальных профилей, чья мотивация хрупка и зависит от вечного потока внешних подтверждений их успешности.

Сегодня эта логика масштабирована на всю культуру. Ребёнок может рисовать, петь, танцевать, строить модели, писать стихи, разбирать часы, наблюдать за облаками, но только до тех пор, пока это остаётся «просто для себя». И вот в этой, казалось бы, безобидной оговорке скрыта вся суть подавления. За фразой «просто для себя» в действительности скрываются следующие смыслы: «это не принесёт дохода», «это не сделает тебя кем-то в глазах мира». Именно так, мягко и с любовью, взрослые обозначают границы допустимого. «Пусть это будет твоим хобби», — говорят они, не замечая, что тем самым превращают живое увлечение в побочную деятельность, в утешение для души, уставшей от настоящей жизни — той, что происходит «взаправду». «А жить ты на что будешь?» — звучит как забота, но на самом деле это вопрос, лишающий ребёнка права строить жизнь, в которой смысл не измеряется доходом.

Взрослые, выросшие в условиях, где ценность чело-

века определяется его полезностью, не просто не допускают мысли о выходе за рамки этой логики — они даже не видят самих рамок. Для них мир уже скукожился до набора штампов: есть «серьёзные профессии» и «хобби», есть «успешные пути» и «рискованные мечты», есть «стабильность» и «иллюзии». Они искренне верят, что защищают ребёнка от разочарований, но на деле уберегают его от возможности быть собой. Их тревога — не личная слабость, а симптом системного поражения: они сами когда-то были детьми с внутренним светом, но этот свет погас под давлением тех же самых вопросов: «а на что будешь жить?», «а кто это оценит?», «а как ты будешь конкурировать?». Теперь взрослые люди повторяют их как заклинание, чтобы уберечь близких от боли, которую сами когда-то испытали. Но в этом повторении и заключается передача цепи: не через жестокость, а через любовь.

Родители не говорят напрямую слова «ты должен оправдать ожидания», но это всегда висит в воздухе, дети своих родителей знают, что родители в них вкладываются, лишают себя благ и удовольствий, оплачивают дорогостоящее образование и направляют на карьерный путь, потому что ожидают от своих детей, что лишения и труды воздадутся. Это маскируется в нашем обществе под заботу, под веру в потенциал, под призыв к ответственности. Однако на деле они лишают ребёнка права на собственный путь. Эти убеждения оставляют иллюзию свободы выбора — ты можешь выбрать между музыкой и программированием, между медициной и юриспруденцией, между блогерством и предпринимательством, но только в рамках заранее утверждённого поля «приемлемых» жизней. Выбор вне этого поля означает быть поэтом без аудитории, ремесленником без рынка, мыслителем без цитируемости и воспринимается как провал, как эгоизм, как отказ от долга. Таким образом, свобода превращается в ловушку: ты свободен,

но только до тех пор, пока твой выбор остаётся полезным, видимым, успешным в глазах других.

Эта логика не ограничена Западом. В Южной Корее, Китае и Японии подростки сталкиваются с рекордным уровнем выгорания и суицидов на фоне гиперконкурентного образования, где ценность человека измеряется баллами на вступительных экзаменах. В Китае государством всё активнее поощряется «креативность» и «инновации», но исключительно как ресурс национальной конкурентоспособности, а не как право ребёнка на внутреннюю жизнь. Даже в странах с сильными традициями коллективизма логика рынка проникает в самую суть воспитания: ребёнок становится не носителем культуры, а человеческим капиталом, который нужно оптимизировать. И это уже не культурная особенность, а глобальная система, язык которой понятен в Токио, Сан-Паулу, Берлине и Дели одинаково хорошо.

Логика глобального неолиберального капитализма, которая стала доминирующей операционной системой для общества в большинстве стран мира независимо от их политического строя, экономизирует человеческую жизнь, превращая ее в проект по управлению капиталом; инструментализирует воспитание — теперь это процесс производства конкурентоспособных единиц; подменяет ценности с внутренних ориентиров (любознательность, радость, призвание) на внешние (баллы, рейтинги, капитализация); создает универсальный язык успеха и провала, понятный от Пекина до Парижа.

Родители, сами выросшие в этой логике, часто искренне хотят дать детям «всё лучшее»: кружки, секции, репетиторов, поездки, гаджеты. Но в их стремлении ко «всему лучшему» уже заложено предположение, что ценность опыта измеряется его результатом. Они хвалят не за старание, а за победу. Их любовь, самая искренняя и безусловная, всё равно проходит через фильтр культурной среды, в которой даже забота становится частью системы

оценки: «ты молодец, потому что ты успешен». А если ты не успешен — ты всё равно молодец, но с оговоркой, с тревогой, с надеждой, что «в следующий раз получится».

Эта среда не ограничивается семьёй или школой. По данным Американской психологической ассоциации, к началу 2000-х годов средний ребёнок в США ежегодно видел около сорока тысяч рекламных сообщений. Сегодня, в эпоху алгоритмов и персонализированного контента, эта цифра, несомненно, выше. И здесь важно сразу уточнить: речь идёт не о том, что ребёнок увидит весёлых мишек или зайчиков и от этого получит травму. Сам по себе образ, даже коммерческий, не обязательно вреден. Проблема в том, какой смысл в него вкладывается. Если мишки учат делиться, заботиться, дружить — это социальная реклама, это воспитание человечности. Но если зайчики рекламируют не просто зубную пасту, а именно пасту такого-то бренда, если мультфильмы строятся вокруг игрушек, которые можно купить только в определённом магазине, если радость героя напрямую связана с обладанием конкретным товаром — тогда даже самая яркая и добрая картинка становится инструментом формирования зависимости. Вся детская реклама, кроме социальной, — зло, потому что она учит не быть, а иметь.

Исследователи из университета Ланкастера в Великобритании проанализировали тысячи писем детей Деду Морозу за последние три десятилетия и обнаружили тревожную тенденцию: если в 1990-х годах дети просили «велосипед», «куклу» или «конструктор», то сегодня они просят «велосипед Specialized», «куклу Barbie Dreamhouse» или «конструктор LEGO Technic Ferrari». Уже к трём–четырём годам дети начинают идентифицировать бренды и выражать предпочтения не на основе личного опыта — им ведь ещё не с чем сравнивать! — а под влиянием маркетинговых образов. Желание формируется не изнутри, а извне. И самое страшное, что система

подсовывает ребёнку замену счастья в виде бренда.

Обладание даже самой прекрасной и уникальной вещью в мире не приносит счастья. Не надо путать состояния счастья и удовольствия. Удовольствие — мимолётно, оно требует повторения, зависит от внешних стимулов. Счастье — внутренне состояние, глубокая удовлетворённость жизнью.

А теперь попробуйте объяснить разницу между счастьем и удовольствием миллиарду детей, которые уже выбрали Nike и Pepsi, которые верят, что их счастье в том, что они носят, пьют, смотрят и лайкают. Попробуйте, пока они ещё не превратились во взрослых, тратящих жизнь на погоню за следующей покупкой, за следующим «хочу», за следующим доказательством того, что они «достойны». Пока ещё не поздно вернуть им право на внутренний свет.

Ситуацию усугубляет сама нейрохимическая архитектура цифровой среды: бесконечная лента, лайки, уведомления и спонтанные покупки встроены в платформы не как побочные функции, а как центральный механизм удержания внимания, основанный на манипуляции дофаминовой системой — той самой, что в естественных условиях эволюции связывала мотивацию с реальным усилием и завершённым действием. Сегодня же эта система поощрений работает на микросекундных интервалах, создавая цикл быстрого дофамина, где каждый новый кадр, комментарий или импульсная покупка вызывает кратковременный всплеск ожидания награды, за которым неминуемо следует спад — то самое «дофаминовое голодание», при котором мозг, не получив удовлетворения, требует новой дозы. Возникают «дофаминовые качели», на которых человек проводит часы и дни, бесконечно прокручивая ленту в поиске того, что уже не приносит даже удовольствия, а лишь временно заглушает тревогу пустоты. Привыкнув к этим коротким циклам, мозг начинает воспри-

нимать любое ожидание или паузу как невыносимую скуку или личную неудачу. Эта тревога, в свою очередь, подпитывается FOMO (Fear Of Missing Out) — страхом упустить что-то важное, интересное или выгодное, который стал постоянным фоном сознания. В результате долгосрочные цели, медленное освоение навыков, глубокие отношения — всё, что требует терпения, неопределённости и внутренней мотивации, — вытесняется импульсивным поиском немедленного подтверждения собственного существования.

Из этого и вырастает хроническое чувство «недостаточности»: ребёнок, ежечасно сталкивающийся с идеализированными образами сверстников усваивает убеждение, что его внутренний мир, если он не может быть продемонстрирован, не имеет ценности. А поскольку эти образы тщательно отбираются, ретушируются и продвигаются в интересах коммерческих структур, заинтересованных в том, чтобы неуверенность стала вечным двигателем потребления, чувство «я не дотягиваю» перестаёт быть ошибкой восприятия и становится рациональным выводом.

Можно ли вырасти в таких условиях без глубоких установок на собственную несостоятельность? Теоретически — да, но лишь при условии, что рядом окажутся взрослые, способные не просто любить, но и противостоять всей этой логике, создавая внутри семьи или ближайшего круга пространство, где ценность человека не ставится в зависимость от его способности соответствовать внешним стандартам. Но таких взрослых, самих не излечившихся от установки «я должен быть кем-то», становится всё меньше. А дети, как всегда, расплачиваются за кризисы взрослых — на этот раз за тот, в котором даже любовь проходит через фильтр эффективности и резюме.

Этот кризис не остаётся в частной сфере. Опрос Amnesty International 2021 года выявил тревожную тенденцию:

более 60% подростков в возрасте 16-25 лет считают, что «человечество обречено», а 75% говорят, что будущее вызывает у них страх. Этот экзистенциальный пессимизм находит благодатную почву в том самом воспитании, где тебя учили выбирать из предложенного, но никогда не мечтать о невиданном. Если с детства тебе внушали, что твоя задача соответствовать, а не создавать, то в момент глобального кризиса у тебя попросту не оказывается внутреннего «языка» для надежды, способного противостоять отчаянию.

Выстраивается железная логическая цепь. Капиталистическая парадигма делает потребление и успех естественным состоянием бытия. Социальная среда (цифровая, медийная) становится главным «воспитателем», который не учит, а показывает готовые, идеализированные образцы успеха и счастья. Школа и родители теряют авторитет и часто сами становятся агентами этой системы, требуя оправдать ожидания в рамках узкого коридора приемлемых достижений. Творчество и игра кооптируются системой и превращаются в инструмент для создания достижений, вытесняя внутреннюю мотивацию. Ребенок оказывается в ловушке иллюзии выбора, где его ценность условна и зависит от соответствия внешним навязанным стандартам. Результатом этого конвейера и становится та самая «глубокая экзистенциальная неопределённость» и хроническое чувство «недостаточности».

В результате даже саморазвитие перестаёт быть путешествием внутрь себя и превращается в ещё один вид потребления — на этот раз самого себя. Взрослые записываются на курсы актёрского мастерства не ради искусства, а чтобы «раскрепоститься»; ходят на арт-терапию не ради творчества, а чтобы «сбросить груз»; платят за ретриты не ради тишины, а ради того, чтобы стать «лучшей версией себя». Эти практики, при всей их благородной оболочке, работают как предохрани-

тельные клапаны в перегретой системе: они позволяют человеку выдохнуть, не разрушив машину, в которой он заперт. Они не возвращают ему утраченную целостность — они лишь смягчают боль от её отсутствия.

И закладывается этот паттерн ещё в детстве. Внутренний импульс «мне это интересно» постепенно вытесняется внешней мотивацией: «а что мне это даст?».

Ребёнок учится не слушать себя, а искать одобрение внешнего мира. В целом, получение одобрения и признания это эволюционный механизм выживания и психологическая потребность каждого челоовека, но развитом обществе ребенок может получать это безусловно. Без этого опыта присутствия, без права на бесполезную деятельность человек всю жизнь ищет себя в зеркалах, которые ему подают другие: работодатели, алгоритмы, тренеры, бренды. И даже когда он заплатит за «открытие себя» на курсе в выходные, он будет лишь на несколько часов забывать, что его настоящая жизнь проходит мимо — в ожидании разрешения быть собой.

В этом мире нет места процессу ради процесса, нет места неэффективному, бесполезному, бессмысленному, а ведь именно в этом «бессмысленном» и рождается подлинное человеческое. Именно в игре без цели, в разговоре без вывода, в рисунке без выставки, в песне без записи — формируется способность быть собой, а не версией себя для других. Но такая возможность исчезает всё раньше, вытесняемая логикой достижения, которая учит: если ты не можешь это показать — этого не существует.

Так человек оказывается в ловушке двойного отчуждения: он отчужден от самого себя, потому что его внутренний мир перестал быть значимым без внешней оценки, и он отчужден от будущего, которое видится ему лишь как продолжение настоящего, вечная гонка за доказательством своей состоятельности. Эта гонка не оставляет ресурса ни на сомнение в правилах, ни на воображение иной игры. В результате способность

к подлинному мечтанию, к смелому проектированию иных миров и смыслов, атрофируется как невостребованный мускул. А ведь именно способность удивляться миру, быть захваченным интересом, и называется «по-настоящему жить». Общество, состоящее из людей, разучившихся жить, теряет не просто креативность, а саму способность к эволюции.

Без людей, способных просто жить, а не только демонстрировать жизнь, никакое иное общество невозможно — потому что в нем просто некому будет мечтать и думать.

Глава 5

Наука в плену прибыли

«Ведь где много мудрости — там много печали; кто умножает знания — умножает и скорбь».

Экклезиаст, 1:18

Наука в том виде, в каком мы её сегодня понимаем, возникла не в вакууме, а в особом социальном и духовном пространстве — пространстве, где ценность знания не измерялась его полезностью в ближайшем квартале. В эпоху, когда ещё не существовало ни грантовых комитетов, ни индексов цитирования, ни требований к «коммерческой применимости», учёный мог посвятить десятилетие вопросу, который не обещал ни славы, ни признания, ни даже уверенности в том, что он вообще имеет решение.

Так поступал Кеплер, перебирая сотни геометрических моделей движения планет, прежде чем прийти к эллиптическим орбитам; так работал Фарадей, ставя опыты с электромагнетизмом без чёткого представления о том, как это знание будет использовано; так размышлял Гёдель, чьи теоремы о неполноте не только не имели практического применения, но и подрывали саму веру в возможность полной формализации истины. Эти люди не были изолированы от мира — напротив, они глубоко в нём жили, но их работа не подчинялась логике немедленной отдачи. Когда у Фарадея спросили,

какой толк от электромагнетизма, он ответил: «А какой толк от новорожденного ребенка?»

Свобода людей науки была структурным условием самого существования науки как формы коллективного разума. Без неё невозможно ни сомнение, ни ошибка, ни долгое молчание перед прорывом, а без всего этого наука превращается в техническую инструкцию. В университетах XIX века даже в условиях ограниченных ресурсов профессора имели право на, скажем так, «научный отпуск» — время, в течение которого они не обязаны были публиковать, преподавать или оправдывать свою деятельность. В советской системе, несмотря на идеологические ограничения, существовали закрытые институты, где десятилетиями велись фундаментальные исследования без требования практического выхода. Даже в капиталистических странах середины XX века — в эпоху, когда корпорации уже активно вкладывались в исследования, — существовала договорённость: часть бюджета направляется на «любопытство-ориентированные» проекты, потому что именно из них рождались самые неожиданные прорывы. Лазер, транзистор, интернет — всё это выросло не из заказа на продукт, а из свободного исследования, не обременённого ожиданием прибыли.

Однако с конца 1970-х годов, особенно после неолиберальных реформ, эта договорённость начала разрушаться. Наука всё чаще стала рассматриваться как инвестиционный актив. Университеты теперь оценивались не по качеству мышления, которое они формируют, а по объёму привлечённого финансирования и количеству патентов. Государственные программы сокращали финансирование фундаментальных дисциплин в пользу прикладных направлений с «ясной дорожной картой». Корпорации, в свою очередь, стали требовать от исследовательских лабораторий не просто результатов, а результатов, которые можно монетизировать в течение трёх–пяти лет. Постепенно изменилась сама культура научной работы: вместо

долгих размышлений — ускоренные циклы публикаций; вместо глубоких гипотез — безопасные, легко проверяемые утверждения; вместо сотрудничества — конкуренция за ресурсы, в которой каждый ученый вынужден защищать свою «нишу» как территорию.

Сегодня эта тенденция достигла своего логического завершения. Учёный всё чаще оказывается в положении не исследователя, а менеджера проекта, чья главная задача — не открыть неизвестное, а убедить комитет в том, что его исследование «минимизирует риски» и «максимизирует выход». Это не означает, что учёные перестали стремиться к истине — многие из них по-прежнему работают в условиях, близких к героическим, сохраняя верность своему призванию. Но система, в которой они вынуждены существовать, всё чаще поощряет не смелость мысли, а адаптивность к требованиям рынка. Исследования, не обещающие быстрой отдачи, остаются без финансирования. Молодые специалисты, видя, как их коллеги тратят годы на написание заявок, выбирают более «стабильные» пути — в ИТ-индустрию, в консалтинг, в администрирование. А те, кто остаётся в науке, вынуждены подстраивать свои вопросы под форматы, приемлемые для грантодателей, и постепенно утрачивают способность задавать те вопросы, которые действительно важны, но не вписываются в рамки «измеримого воздействия». В такой системе возникает серьезный риск негативного отбора: она может отталкивать молодых, независимо мыслящих исследователей, которые не готовы подчинять свой творческий поиск жестким бюрократическим требованиям. Одновременно система может невольно поощрять и отбирать тех, кто в совершенстве овладел навыками ее формального воспроизводства — написания грантов, отчетности и следования мейнстримным трендам, — иногда в ущерб научной смелости и оригинальности.

Становится все сложнее совмещать выживание в ака-

демической среде с верностью подлинно новаторским, рискованным исследовательским программам.

В этом и заключается подлинный кризис: не в том, что наука стала менее технически продвинутой (она, напротив, достигла невиданной мощи), а в том, что она утратила свою автономию как форма критического сознания. Когда-то наука была той силой, которая ставила под сомнение устоявшиеся представления — будь то геоцентрическая модель мира или идея о неизменности видов. Сегодня же она всё чаще оказывается втянутой в подтверждение существующего порядка: разрабатывая алгоритмы для таргетированной рекламы, создавая технологии для мониторинга поведения, оптимизируя производственные цепочки ради роста прибыли. Это не злой умысел отдельных учёных — это системный эффект, при котором знание, лишённое этического горизонта и свободы от экономического давления, становится инструментом воспроизводства того самого мира, делающего невозможным его дальнейшее развитие.

И всё же в этом положении нет фатальности. Потому что сама природа науки содержит в себе иммунитет против полного подчинения логике прибыли. Научный метод, по своей сути, предполагает открытость, проверяемость, готовность отказаться от гипотезы в пользу новых данных — а это качества, несовместимые с закрытостью коммерческих секретов и краткосрочным мышлением. Поэтому даже в условиях, когда наука находится в плену экономических интересов, в ней продолжают существовать очаги сопротивления: исследователи, которые публикуют свои работы в открытых репозиториях, несмотря на давление издательских домов; лаборатории, которые отказываются от военных контрактов; университеты, которые сохраняют кафедры по фундаментальной математике или теоретической физике, даже если они «не приносят дохода». Именно в этих очагах — не в громких декларациях, а в повсед-

невной практике — заключена возможность другого будущего, где наука снова станет не инструментом власти или прибыли, а формой человеческой ответственности перед миром и перед будущими поколениями.

Если представить развитие науки как непрерывное движение по дороге, то эта дорога давно перестала быть ровной. Она превратилась в спираль, каждый виток которой требует всё большего напряжения, всё более сложных инструментов и всё более многочисленного сообщества тех, кто способен не просто идти по ней, но и прокладывать новые участки. Всё дело в том, что научное знание не накапливается линейно — оно размножается экспоненциально. Каждое открытие не закрывает вопрос, а раскрывает целую сеть новых загадок, и каждая из них требует собственного исследования, собственного языка, собственной методологии. Когда Ньютон сформулировал закон всемирного тяготения, он не завершил развитие физики — он лишь обозначил границу, за которой начиналась новая эпоха: эпоха поиска природы массы, структуры пространства-времени, квантовых полей и тёмной энергии. Когда Уотсон и Крик раскрыли структуру ДНК, они не решили тайну жизни — они открыли дверь в лабиринт генной регуляции, эпигенетики, протеомики и синтетической биологии, каждая ветвь которого ведёт к новым, ещё более сложным вопросам.

Эта особенность науки — порождать больше вопросов, чем ответов, — делает её развитие не просто трудоёмким, а всё более ресурсоёмким в геометрической прогрессии. Чтобы понять современную теорию струн, недостаточно знать классическую механику — нужно владеть дифференциальной геометрией, топологией, квантовой теорией поля и рядом других дисциплин, каждая из которых сама по себе требует десятилетий обучения. Чтобы интерпретировать данные крупнейших коллайдеров или телескопов, нужны не только физики

и астрономы, но и специалисты по машинному обучению, инженеры, программисты, статистики — целые коллективы, координирующие усилия на протяжении лет. А чтобы проверить гипотезу в области нейронаук, может потребоваться не один эксперимент, а сотни, проведённые в разных условиях, с разными моделями, с учётом этических ограничений и методологических критериев, которые сами постоянно эволюционируют.

Именно поэтому количество научных публикаций, по данным ЮНЕСКО, удваивается примерно каждые десять–двенадцать лет. Это не свидетельство бурного прогресса, а скорее признак нарастающего давления: чтобы просто оставаться в курсе того, что происходит в своей области, учёный должен читать не десятки, а сотни статей в месяц. Чтобы внести свой вклад, приходится не только освоить существующий корпус знаний, но и найти в нём пробел, который ещё не закрыт, — а таких пробелов становится всё меньше, потому что они всё глубже и специфичнее. В 1960-е годы один исследователь мог прочитать практически всю литературу по своей теме и предложить новую идею, опираясь на собственное понимание. Сегодня даже узкий подраздел дисциплины — скажем, когнитивная нейровизуализация при принятии решений — порождает столько публикаций, что для их систематизации требуются отдельные метааналитические проекты, финансируемые как самостоятельные исследования.

Следствием этого является растущая потребность не просто в большем числе учёных, а в большем удельном весе научного сообщества в обществе. Если в середине XX века, в эпоху космической гонки и атомных программ, развитые страны поддерживали значительную и растущую долю исследователей в населении, то сегодня при экспоненциальном росте объёма знания прежние масштабы поддержки уже недостаточны. Гонка ведётся за «критическую массу» научного сообщества.

- Россия, по данным Росстата (2023), насчитывает около 238 исследователей на 100 тысяч населения (всего ~348 тыс.), что почти вдвое меньше, чем в конце советской эпохи. При этом львиная доля занята в прикладных и административных сферах.

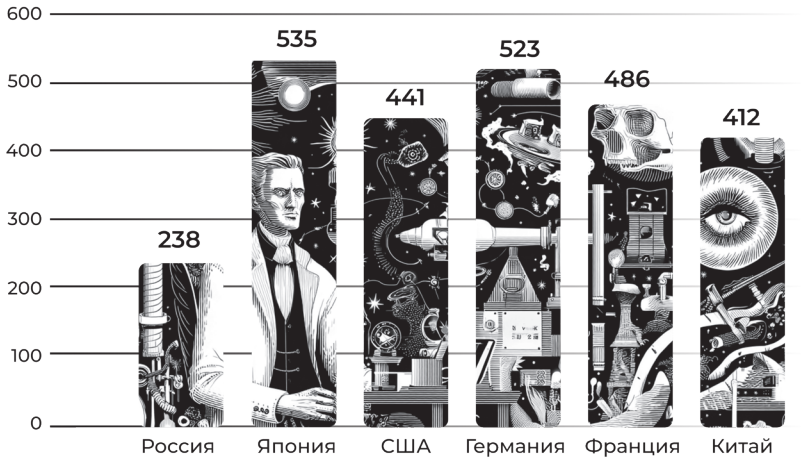
- Япония демонстрирует высокую плотность — около 535 исследователей на 100 тысяч (2022). Однако, как верно отмечено, с конца 1990-х годов акцент сместился на разработки с немедленным коммерческим выходом, что привело к сокращению доли фундаментальных исследований в корпоративном секторе.

- США имеют один из самых высоких абсолютных показателей, но в относительных цифрах это около 441 исследователя на 100 тысяч (2021). Американская система, исторически сильная в фундаментальной науке, сегодня также сталкивается с растущим давлением в сторону прикладных и оборонных исследований.

- Германия является одним из европейских лидеров с показателем 523 исследователя на 100 тысяч (2022). Германия сохраняет мощную поддержку фундаментальной науки через Общество им. Макса Планка и другие организации, но и здесь идёт постоянная дискуссия о балансе между «свободным поиском» и стратегическими приоритетами.

- Франция имеет схожий с Германией показатель — около 486 исследователей на 100 тысяч (2022). Франция активно инвестирует в крупные национальные исследовательские агентства, пытаясь сохранить научный суверенитет.

- Китай совершил колоссальный рывок: с 2000 года число исследователей выросло более чем в 5 раз. Сегодня это около 412 исследователей на 100 тысяч (2022) в относительном выражении, а в абсолютном — крупнейший в мире научный коллектив. Долгое время инвестиции действительно направлялись на адаптацию технологий, но сегодня Китай целенаправленно наращивает вложения в фундаментальные исследования, стремясь к технологическому лидерству.

исследователей на 100 тысяч населения

Так возникает парадокс: человечество производит знания быстрее, чем когда-либо, но способность осмысливать и развивать эти знания отстаёт. Мы как общество продолжаем инвестировать в науку в объёмах, соответствующих линейной модели прогресса, тогда как сама наука давно перешла в режим экспоненциального роста. Это всё равно что пытаться разогнать ракету, используя двигатель от велосипеда: хотя внешние признаки движения есть — дым, шум, вибрация, ускорение

не достигается, потому что мощность системы не соответствует требованиям задачи. И если раньше наука могла продвигаться вперёд усилиями энтузиастов и небольших групп, то теперь для поддержания даже текущего темпа необходима системная, долгосрочная, бескорыстная поддержка.

Однако именно этой поддержки капитализм не может предоставить.

Это не просто недостаток воли или ошибочная политика отдельных правительств. Проблема лежит глубже — в самой архитектуре капитализма как способа организации общества. Капитализм функционирует через постоянное превращение всего — времени, природы, отношений, знаний — в товар, то есть в объект, способный приносить прибыль. В такой системе любая деятельность, не поддающаяся монетизации, оказывается в подозрении: она должна либо оправдать своё существование через будущую выгоду, либо исчезнуть. Наука же, особенно фундаментальная, по своей сути антикоммерческая: она требует времени без гарантии результата, свободы без контроля над исходом, коллективности без приватизации открытий.

Более того, капитализм устроен так, что его движущей силой является не развитие как таковое, а конкуренция за прибыль. Это означает, что инвестиции направляются не туда, где они наиболее необходимы для человечества, а туда, где они могут принести наибольшую норму прибыли в кратчайшие сроки. Отсюда систематическое игнорирование исследований, направленных на решение глобальных проблем: изменения климата, устойчивого сельского хозяйства, профилактики пандемий, — если эти исследования не открывают путь к новым рынкам. Фармацевтические компании вкладывают миллиарды в препараты для похудения или роста волос, но десятилетиями избегают разработки антибиотиков нового поколения, потому что последние

не приносят устойчивого дохода. Энергетические корпорации подавляют исследования в области возобновляемых источников, пока те угрожают их текущей модели.

Капитализм также требует постоянного сокращения издержек, включая интеллектуальные. А это означает давление на продолжительность исследований, на размер научных коллективов, на уровень финансирования «неперспективных» направлений. В условиях, когда каждый грант должен окупиться, а каждый исследователь — «производить результат», наука превращается в потоковую линию: быстро, дёшево, предсказуемо. Но прорывы не происходят по графику. Они возникают в зонах неопределённости, в паузах между проектами, в разговорах за обеденным столом, в ошибках, которые нельзя запланировать. Капитализм, стремящийся к оптимизации каждой минуты и каждого рубля, уничтожает именно ту среду, где рождается новое.

Наконец, капитализм приватизирует знание. Патенты, коммерческая тайна, закрытые алгоритмы — всё это нарушает фундаментальные условия научного прогресса: открытость и воспроизводимость. Когда открытие становится собственностью корпорации, оно перестаёт быть достоянием человечества. Оно больше не может быть проверено, развито, оспорено другими. Оно замыкается в логике конкурентного преимущества, а не в логике коллективного поиска истины. Таким образом, капитализм не просто недофинансирует науку — он искажает её саму, превращая из общего дела в частный ресурс.

Именно поэтому система, построенная на логике прибыли, не может поддержать экспоненциальный рост знания, который требует всё большей щедрости, всё большей общности, всё большей веры в будущее, не обеспеченное контрактом.

Капитализм, по своей природе ориентированный на краткосрочную прибыль и измеримую отдачу, структурно неспособен обеспечить условия для экспоненци-

ального роста науки, требующего всё возрастающих инвестиций в знание без гарантии практического применения. Научный прогресс сегодня упирается не в недостаток идей, а в нехватку ресурсов для исследования тех направлений, которые не обещают коммерческой выгоды в ближайшей перспективе — будь то теоретическая физика, нейробиология сознания или экосистемные модели будущего. Каждый новый уровень понимания требует не просто больше учёных, но и больше свободы, больше терпения, больше готовности рисковать — а эти качества чужды логике рынка, где риск должен быть застрахован, а время — монетизировано. В результате система, способная генерировать миллиарды на развлечения и рекламу, оказывается бессильной перед задачей финансирования исследований, от которых зависит само выживание цивилизации. Капитализм может ускорять технологию, но он тормозит науку — потому что наука требует не эффективности, а щедрости: щедрости мышления, времени и ресурсов по отношению к будущему, которое ещё не умеет платить за себя.

Эта утрата условий для подлинного прорыва проявляется не только в замедлении темпа открытий, но и в глубинной трансформации самого научного сообщества — трансформации, которую можно назвать отрицательным отбором. Если раньше наука была сферой, где преимущество получал тот, кто видел дальше, мыслил глубже, рисковал смелее, то сегодня система всё чаще отдаёт приоритет не тому, кто способен открыть новое, а тому, кто умеет управлять ресурсами, выстраивать связи, подавать проекты в выгодном свете и соответствовать ожиданиям административных и финансовых структур. В условиях, когда успех измеряется не глубиной прозрения, а объёмом привлечённого финансирования, количеством публикаций в рейтинговых журналах и умением вписываться в «дорожные карты», преимущество получают не гении, а адаптанты — люди, чьи главные

качества — гибкость, осторожность и готовность подстраиваться под требования внешней среды.

Настоящий гений, как правило, не обладает теми софт-скиллами, которые сегодня считаются обязательными для карьерного роста. Он не стремится к согласию, не избегает конфликтов ради сохранения репутации, не умеет «продавать» свои идеи в формате трёхминутного питчинга. Его мышление нелинейно, его речь не всегда гладка, его интересы редко совпадают с модными трендами. Он может годами молчать, пока не созреет идея, и тогда начнёт говорить так, что окружающие не сразу поймут, о чём речь. Такие люди не становятся эффективными менеджерами проектов, не пишут заявки по шаблонам, не строят карьеру как стратегическую игру. И в мире, где наука всё больше напоминает корпорацию, они оказываются в невыгодном положении — не потому, что их идеи слабы, а потому, что они не умеют играть по новым правилам.

В результате лаборатории и кафедры всё чаще возглавляют не те, кто способен вести за собой мысль, а те, кто умеет вести за собой бюджет. Институтами управляют не провидцы, а приспособленцы, чья главная заслуга — умение сохранять статус-кво, избегать скандалов и поддерживать отношения с грантодателями. А настоящие исследователи, чьи вопросы слишком глубоки, чьи методы слишком нестандартны, чьи выводы слишком неудобны для существующего порядка, оказываются на периферии — на временных контрактах, на нижних ступенях иерархии, в полузаброшенных кабинетах, где их работа остаётся незамеченной, потому что она не вписывается в логику «измеримого воздействия». Одни уходят в индустрию, где их талант находит применение, но в рамках узких задач. Другие замыкаются в себе, продолжая писать статьи, которые никто не читает. А третьи — те, кто не выдерживает разрыва между внутренней уверенностью в своей правоте и внешним

равнодушием мира, — действительно прозябают, теряют веру, спиваются или уходят из профессии, оставляя после себя лишь неопубликованные черновики и незавершённые гипотезы.

Это и есть отрицательный отбор: система, которая не просто не поощряет гениальность, но активно вытесняет её, заменяя на управляемую, предсказуемую, безопасную посредственность. Не потому, что общество не ценит великие умы — оно ведь по-прежнему восхищается Эйнштейнами и Кюри, — а потому, что оно устроено так, что не может их вместить. Капитализм требует от каждого участника системы доказывать свою полезность здесь и сейчас, а гений по своей природе работает в горизонте, который ещё не наступил. Он не доказывает — он предвидит. И в мире, где всё должно быть подтверждено метриками, предвидение становится подозрительным, почти опасным.

Так наука постепенно лишается своего самого ценного ресурса — не данных, не оборудования и даже не финансирования, а человеческой способности видеть дальше. И пока мы продолжаем верить, что колесо познания вращается благодаря грантам и благотворителям, мы не замечаем, что на оси этого колеса уже нет тех, кто способен задать вопрос, изменяющий всё. Не замечаем, что пройденный колесом путь становится всё короче с каждым десятилетием. Не замечаем начавшейся стагнации.

Глава 6

Собственность как иллюзия

«Собственность должна быть частной, но пользование — в известной мере общим... Люди заботятся больше о том, что принадлежит им лично, чем о том, что является общим».

Аристотель, «Политики» (Книга II, гл. 5), 322 год до н. э

«Первым, кто, огородив участок земли, подумал сказать: „Это моё", и нашёл людей достаточно простодушных, чтобы поверить ему, — тот и был истинным основателем гражданского общества. Сколько преступлений, войн, убийств, сколько бедствий и ужасов избавил бы род человеческий тот, кто, вырвав колья или засыпав ров, воскликнул бы своим ближним: „Не слушайте этого обманщика; вы погибнете, если забудете, что плоды земли принадлежат всем, а земля — никому!"»

Жан-Жак Руссо, «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми», 1755

«Где блага частны и везде деньгами всё управляется, там, по-моему, едва ли возможно, чтобы государство управлялось должным образом; разве только если считать должным, чтобы всё наилучшее доставалось наихудшим.»

Томас Мор, «Утопия» («Первая книга беседы, которую вёл выдающийся муж»), 1516

Между цитатами в эпиграфе — пропасть более двух тысячелетий. За это время человечество перепробо-

вало почти всё: от общин, где земля считалась даром природы, до империй, где даже люди были чьей-то собственностью. И по сей день спор не утихает. С одной стороны — страх: «Если всё будет общим, никто ни за что не будет отвечать. Общие автомобили сломаются за неделю, общие дома превратятся в руины». С другой — мечта: «Если отменить частную собственность, исчезнет жадность, зависть, эксплуатация».

Однако в этом споре упускается самое главное: частная собственность — не единое понятие. Под одним и тем же словом — «собственность» — скрываются совершенно разные виды отношений между человеком и вещью, настолько разные, что их объединение в одну категорию не просто неточно, а вводит в глубокое заблуждение. Представьте: один человек говорит «моя земля», имея в виду участок, который он сам возделывает, чтобы сажать картофель для своей семьи, и не мыслит себя вне этого труда. Другой говорит «моя земля», имея в виду сотни гектаров, которые приносят ему доход, потому что на них работают другие. Третий понимает под этим место, где родился, где могилы его предков, память его богов. Четвертый купит участок на Луне и тоже будет называть его своей землей, хотя никакой абсолютно связи, кроме недолговечных чернил на бумаге, с этим кусочком суши он не имеет.

Подход к собственности как к чему-то, что либо «есть», либо «нет», — глубоко ошибочен. Это всё равно что судить о воде, не различая дождь, реку, лужу и океан.

Да, можно составить длинную классификацию: производственная, личная, интеллектуальная, недвижимость, движимое имущество… Но для целей этой книги я хочу выделить две полярные формы, столь же противоположные, сколь и взгляды Аристотеля и Гегеля. Назовём их условно — Собственность-друг и Собственность-господин.

Собственность-друг — это то, что вы используете в своей деятельности, для жизни. Земля, чтобы растить

огород. Ящик инструментов, чтобы чинить дом. Компьютер, чтобы творить и отдыхать. Автомобиль, чтобы перевозить людей и вещи. О собственности-друге вы заботитесь, ухаживаете, лелеете, чтобы огород не заполнили вредители, инструменты не заржавели, компьютер не запылился. Над собственностью-другом вы порой дрожите, как над любимым ребёнком, потому что вложили в неё свою душу, время, талант и умения. По сути, это даже не имущество — это продолжение ваших рук или дополнительные руки.

Такая собственность не существует «ради себя». Она не требует, чтобы её выставляли напоказ, не теряет ценности, если её никто не видит, не становится «устаревшей», пока она исправно служит. Её износ — не порок, а след жизни: царапины на верстаке, потёртости на руле, следы пересадок на грядках. Это не дефекты, а биография труда.

Именно поэтому отношение к такой собственности — не владение, а соучастие. Вы не «владеете» своим молотком, вы с ним работаете. Он не ваш «актив», он ваш союзник в деле. И если вы его запустите, он перестанет быть тем, чем был. Не потому, что «потеряет рыночную стоимость», а потому что перестанет работать. А раз он не работает, он перестаёт быть вашим в подлинном смысле. Связь разорвана.

Эта истина была известна всем, кто когда-либо создавал что-то своими руками. Средневековый кузнец знал: молот, которым он куёт, должен лежать в правильном месте, иметь правильный вес, «чувствоваться» в ладони. Он не покупал новый молот каждый год, он воспитывал его как ученика. Японские плотники передают стамески по наследству как живые инструменты, которые «привыкли» к руке мастера. Русский крестьянин не «использовал» соху, он знал её: где трещина, где слабое место, как она ведёт себя на тяжёлой почве. Это была не вещь, а партнёр в выживании.

Может показаться, что это поэзия, но на самом деле это физиология человеческого восприятия. Когда человек длительное время взаимодействует с инструментом, будь то стамеска, плуг, руль трактора или даже компьютерная мышь, его мозг перестаёт воспринимать этот предмет как «внешний». Вместо этого он включает его в так называемую «телесную схему», внутреннюю карту собственного тела, по которой нервная система ориентируется в пространстве. Нейробиологи называют это сенсомоторной интеграцией: рука, инструмент и задача сливаются в единый акт. И наоборот: когда человек лишается такой собственности, он теряет не «имущество», а способ быть в мире. Исследования бывших фермеров, вынужденных покинуть землю из-за аграрной политики, показывают: у них развивается то, что антропологи называют «экзистенциальной дезориентацией» — ощущение, что ты больше не знаешь, кто ты и зачем ты нужен. Не потому, что нет денег. А потому, что нет дела, в котором твой труд обретает плоть и назначение.

Собственность вторая — собственность-господин. Эта собственность всегда приобретается. Всегда. Да, конечно, собственность-друга вы тоже можете купить: тот же молоток, ту же землю. Но вы можете и сделать её: выковать, вырастить, собрать, построить. Собственность-господина нельзя сделать. Её можно только купить, унаследовать или выменять. Она не рождается из труда, она рождается из обмена. Она не связывает человека трудом, напротив, она от труда освобождает. Владелец особняка не чинит крышу. Владелец акций не знает, как устроены станки на заводе. Владелец бутика не шьёт платья. Его связь с собственностью юридическая, а не физическая. Он не чувствует её в руках, он видит её в отчётах.

И всё же собственность-господин требует заботы. Только не той, что вкладывается в дело, а той, что вкладывается в статус: следить за модой, обновлять интерьер, менять автомобиль до того, как он сломается,

продавать «вовремя», чтобы купить новый. Это забота о символе, который предоставляет владельцу вещь.

Именно поэтому такая собственность имеет гораздо меньшее значение в жизни, чем собственность-друг, но гораздо большее значение в обществе. Её легко забыть, сломать, выбросить, потому что она не нужна не то что для выживания, даже для жизни. При этом её нельзя игнорировать, потому что без неё ты теряешь положение. Она не служит. Она требует служения.

Так было не всегда. Собственность-господин — это исторически сложившаяся форма, чьё торжество напрямую связано с возникновением капиталистического способа производства во время Промышленной революции. Впервые в истории производство стало не просто удовлетворять потребности, но и систематически создавать их. Когда фабрики достигли предела естественного, утилитарного спроса, перед системой встала экзистенциальная угроза: как поддерживать бесконечный рост, если люди довольны тем, что у них есть? Ответом на него стала целая онтология потребления, система представлений, в которой ценность вещи перестала определяться её участием в жизни и стала зависеть исключительно от её способности сигнализировать о статусе владельца. Произошёл фундаментальный сдвиг: от потребительской стоимости (полезность вещи в жизни) к меновой стоимости (её цена на рынке) и, наконец, к стоимости символической. Вещь оказалась оторвана от своей материальной основы и переведена в плоскость знаков. Её ценность перестала определяться прочностью, удобством или красотой и теперь зависела от её способности сигнализировать о месте владельца в социальной иерархии.

Родилась новая мифология: вещь превратилась в символ. Автомобиль — не средство передвижения, а знак успеха; одежда — не защита от холода, а маркер принадлежности к касте; дом — не убежище, а инвестиционный

актив. Эта подмена была столь тотальной, что даже те, кто не обладает подобными символами, стали измерять собственную значимость через призму их отсутствия. В итоге вектор человеческой энергии сместился. Раньше в приоритете находилось стремление к делу — деятельности, в которой личность раскрывается, находит смысл и связь с миром, теперь — стремление к обладанию. Мы стали гоняться не за мастерством, а за атрибутами мастера; не за подлинным уважением, а за его суррогатом в виде статуса; не за бытием, а за его симуляцией через вещи. И в этой погоне собственность-господин окончательно утвердила свою власть, превратив нас из творцов своей судьбы в вечных должников, обслуживающих созданную нами же иллюзию.

Раньше власть обнажала меч: она опиралась на землю, закреплённую за родом, на титул, утверждённый кровью и короной, на право повелевать через страх и закон. Люди подчинялись, но они ненавидели аристократа за то, что его привилегии были унаследованы, а не заслужены, за то, что он смотрел на них свысока, считая свое происхождение более весомым, чем их дела. Пока жажда справедливости и свободы, столетиями тлевшая внизу, наконец не хлынула через край, сметая троны, аристократов и целые империи, в кровавом угаре Революций и войн. Казалось, наступила новая эра. Эра, где человек принадлежит сам себе. Но в этом и заключалась величайшая ловушка. Обретя свободу, как люди ей распорядились? Они встали перед роковым вопросом: что теперь с ней делать? И ответ, который нашло человечество, оказался горьким: они не стали строить царство разума и братства. Они просто поменяли хозяев. Они, сбросившие цепи феодалов, добровольно надели на себя ярмо нового господина — Капитала. Они обменяли право быть вассалом короля на обязанность быть должником банка. И оказалось, что власть, рассредоточенная по кошелькам и биржам, куда коварнее

и прочнее власти, сосредоточенной в одном скипетре.

Сегодня власть стала невидимой, потому что она больше не принуждает, она соблазняет. Она не требует повиновения, она формирует желание. Современная элита не навязывает себя силой, она предлагает образ, к которому все стремятся: стать успешным, независимым, «свободным», обладающим тем, чего другие лишены. И главное, она убеждает, что этот статус доступен каждому, стоит только играть по правилам. Только вот правила этой игры написаны теми, кто уже выиграл: они определяют, что считать ценным, что — модным, что — признаком ума, вкуса, даже морали. В этом и состоит триумф собственности-господина: она не просто лишает человека связи с его трудом и делом, она заставляет его добровольно восхищаться тем, кто его эксплуатирует, и мечтать не о свободе, а о том, чтобы занять место хозяина, самому им стать. Поклонение здесь не навязано, оно куплено, но не деньгами, а иллюзией выбора, надеждой на исключение, верой в то, что если сегодня ты служишь системе, завтра она сделает тебя её господином.

На смену гербам и каретам пришли логотипы и суперкары, на смену замкам с ржавыми засовами — закрытые резиденции с биометрическими замками. Однако суть осталась прежней: собственность-господин требует поклонения. Раньше разница между господином и слугой была видна невооружённым глазом. Талантливый кузнец, чьи руки творили чудо, всё равно оставался слугой в системе, где ценность определялась не умением, а происхождением. Сегодня эту разницу перерисовали. Теперь все, от курьера до CEO, вовлечены в один и тот же тотальный ритуал потребления. И твоё место в иерархии снова определяется не тем, что и как ты делаешь — будь ты гениальным ремесленником или врачом, — а тем, что ты имеешь. Твои вещи говорят за тебя, как когда-то говорил герб на воротах.

Вот почему сегодняшний слуга даже не знает, что

он слуга. Он уверен, что находится у штурвала своей жизни, выбирая между тремя моделями смартфонов. Но тот, кто верит, что счастье можно купить, уже стоит на коленях. Он просто кланяется не портрету короля, а рекламному билборду.

Самая горькая ирония в том, что я, возможно, не протестовал бы так яростно против капитализма, вещизма и этой тотальной подмены ценностей, если бы система хотя бы избирательно вознаграждала мудрость, доброту, чувство ответственности за других. Если бы на вершине оказывались те, кто видит в богатстве не цель, а средство для общего блага. Но действующая логика рынка безразлична к морали — она измеряет не качество души, а эффективность извлечения прибыли. Более того: в условиях, где успех определяется готовностью идти по головам, низкие моральные качества становятся конкурентным преимуществом. Речь уже не просто о хитрости — речь о «тёмной триаде»: макиавеллизме (холодный расчёт и манипуляция людьми как пешками), нарциссизме («я — пуп земли») и психопатии (полное безразличие к чужой боли). В такой системе они из личных пороков становятся рабочими инструментами, которые система щедро вознаграждает. Честность же оказывается наказана как неэффективная наивность. Поэтому элита современности — не цвет человечества, а его искажённое зеркало: не те, кто способен вести, а те, кто лучше всех умеет брать. И пока мы принимаем эту игру краплеными картами за честную лотерею, мы не просто оправдываем несправедливость — мы участвуем в её воспроизводстве.

Капитализм, в отличие от аристократии прошлого, не навязывает свою модель силой, он предлагает её как мечту. Его главный лозунг звучит, как обещание: «Ты тоже можешь стать таким!» — успешным, независимым, свободным, окруженным роскошью, которую другие могут лишь видеть по телевизору или в ленте

соцсетей. Но за этим обещанием скрывается договор, который никогда не озвучивается вслух: чтобы войти в этот круг, ты должен согласиться на полную мобилизацию своей жизни. Ты должен отдать не только время, не только силы, но и способность удивляться; ты должен научиться видеть в каждом моменте: в прогулке с ребёнком, в разговоре с другом, в тишине утра, — упущенную возможность «продвинуться». И тогда приходит выгорание, уже не временный кризис, а хроническое состояние души, лишенной покоя. Оно не всегда громкое: чаще это тихое онемение, когда человек перестаёт чувствовать радость от того, что раньше его вдохновляло, потому что всё, даже радость, стало измеряться в эффективности, в потенциальной выгоде, в «инвестициях в себя».

Эта внутренняя эрозия неизбежно распространяется на отношения. Чтобы соответствовать идеалу успеха, человек вынужден постоянно сравнивать себя с другими, не как равный с равными, а как с конкурентами. Дружба и любовь превращаются в проекты, семья — в фон для демонстрации стабильности. Близкие становятся либо «поддержкой на пути к цели», либо помехой, отвлекающей от «главного». Отчуждение нарастает исподволь: сначала исчезают долгие разговоры, потом общие молчания, потом ощущение, что рядом кто-то, кто знает тебя не по твоим достижениям, а по твоей уязвимости. И в какой-то момент человек обнаруживает, что стоит на вершине, о которой мечтал, но вокруг — пустота, а те, кто у подножия, видят в нём уже не близкого и родного человека, а символ: либо пример для подражания, либо объект зависти. В этом парадоксе и кроется подлинная цена успеха в мире, где ценность человека определяется не тем, кто он есть, а тем, что он имеет.

И всё это становится возможным потому, что логика капитализма проникла везде. Даже культура — кино, сериалы, литература — не просто отражает её, а романтизирует. Богатство показывается не как результат удачи,

насилия и эксплуатации, а как награда за ум, смелость, «нестандартное мышление». Герой сериала может быть циником, лжецом, предателем, но если он богат, он автоматически становится харизматичным, мудрым, даже благородным. Этика отменяется: «Если ты богат — ты прав». Вспомните Волка с Уолл-Стрит — негодяй, подлец, низкий человек, но каким обаятельным выглядит он на экране. А бедность, напротив, подаётся как признак лени, глупости или моральной слабости. Так формируется новая мораль, в которой добродетель измеряется не заботой о другом, а способностью «сделать себя». И тогда человек перестаёт спрашивать: «Что я могу дать миру?» — и начинает задаваться вопросом: «Что мир должен мне?» Это реальный кризис ориентации: если единственная цель — быть выше других, то, достигнув её, ты остаёшься один на один с вопросом, ради чего всё это было. И ответа нет, потому что система никогда не обещала смысла. Она обещала только вещи. И она заботливо взращивает своих адептов с самого юного возраста, о чём говорилось в главе 4.

Человеку изначально присущи стремления быть: быть нужным, оставить след в жизни, жить в согласии с миром. Быть нужным означает чувствовать, что твоя жизнь имеет значение для других: не потому, что ты «успешен», а потому, что твой труд, твоя забота, твоё присутствие облегчают чью-то боль, делают чей-то день светлее, помогают кому-то расти. Оставить след — значит создать нечто, что переживёт тебя: выращенный сад, обученный ученик, написанная книга, починенная крыша у соседа. Жить в согласии с миром — это не пассивное принятие, а активное участие в тканях жизни: понимание, что ты часть целого и твои действия либо вплетаются в эту ткань, либо рвут её. Эти потребности не требуют подтверждения извне, они удовлетворяются самим актом бытия, и в них заключена подлинная автономия человека.

Капитализм, однако, не уничтожает эти стремления,

он их перехватывает и заменяет суррогатами, которые лишь имитируют удовлетворение. «Ты хочешь быть значимым? — шепчет он. — Тогда будь успешным: купи машину, в которой тебя увидят». «Ты хочешь оставить след? — предлагает он. — Набери лайков, стань вирусным, пусть твой образ запомнит алгоритм». «Ты хочешь счастья? Потребляй: новая вещь, новый гаджет, новая подписка — вот путь к радости», — обещает он. Но эти цели устроены так, что по замыслу недостижимы: автомобиль устаревает к следующему сезону, лайки испаряются с новой волной контента, а счастье от покупки длится, подобно эйфории от наркотика, мощно и недолго — и потом наступает отходняк, когда нужна новая доза. Это не недостаток системы — это её суть. Цикл «труд — потребление — новый кредит» поддерживается именно за счёт вечной нехватки, искусственного чувства неполноценности, постоянного ожидания того, что «вот теперь-то я буду счастлив». Однако достичь этого счастья невозможно, поскольку каждый раз оно отодвигается ровно на один шаг, превращая охотника за счастьем в мула с морковкой около носа. Так человек оказывается в ловушке, где его самые глубинные стремления используются против него самого для связывания новыми, невидимыми цепями.

Если частная собственность так эффективна, как утверждают ее апологеты и сторонники, почему же она порождает столько неэффективности? Почему миллионы гектаров земли простаивают, заросшие бурьяном, пока миллионы людей голодают? Почему фабрики производят товары, рассчитанные на три года службы, хотя технологии позволяют делать их на десятилетия? Почему научные открытия, сделанные на деньги налогоплательщиков, оказываются за платными стенами коммерческих журналов, недоступными даже тем, кто их финансировал? Ответ прост: потому что в условиях капитализма эффективность измеряется не по критерию

пользы, а по критерию прибыли. А прибыль требует оборота, замены, монополизации знания. Это мудрый и добрый человек будет бережно относится к земным ресурсам, четко осознавая их конечность. А бездушный делец рассматривает планету как бездонный колодец, из которого надо успеть вычерпать как можно больше до прихода налоговой и появления других дельцов. Собственность при капитализме перестаёт быть связью между человеком и миром и становится барьером, который он сам же и воздвигает: вокруг своей двери, вокруг дома, потом вокруг своей улицы, страны, а в итоге — вокруг самого смысла своей жизни.

Особенно ярко эта деградация проявляется в сфере интеллектуальной собственности, институте, который, будучи задуманным как защита творца, превратился в механизм контроля над культурой и знанием. Сегодня невозможно свободно процитировать, адаптировать, пересказать — всё это требует разрешения, лицензии, оплаты. Даже великие произведения прошлого, созданные в эпоху, когда идея «авторского права» ещё не существовала, теперь оказываются в заложниках у наследников, лоббистов и корпораций. Переводы Шекспира, сделанные Борисом Пастернаком, не звучат на сцене не потому, что их никто не хочет слышать, а потому, что некто в Париже решил, что они не должны быть доступны. Экранизации интересного романа можно дожидаться десятилетиями не из-за отсутствия интереса, а потому, что права сидят в руках одного упрямого наследника или студии, для которой текст — не культурное достояние, а акция в портфеле. Так знание, которое должно было стать общим достоянием, превращается в частный актив, а культура — в товарный склад.

Дело даже не только в доступе. Речь идёт о смерти диалога. Культура всегда жила за счёт переосмысления, пародии, ремикса, спора с предшественниками. Гомер цитировал мифы, Шекспир переписывал хроники, Бах

вплетал народные мелодии в каноны. Сегодня же каждая попытка вступить в разговор с культурным наследием рискует обернуться судебным иском. Творчество превращается в акт юридического согласования, а не духовного дерзания. И это касается не только искусства: научные открытия, сделанные на деньги налогоплательщиков, годами остаются за платными стенами журналов, недоступные даже тем, кто их финансировал. Врачи не могут применить новейшие методики, потому что публикация заперта за подпиской. Исследователи вынуждены изобретать велосипед, не зная, что решение уже найдено, но скрыто в коммерческой базе данных. И тогда не просто знание становится недоступным — будущее теряет право на прошлое. А без этого права оно обречено на вечное повторение поверхностных форм, лишённых памяти и глубины.

На самом деле, собственность в том виде, в каком она существует сегодня, не нужна вам. Ни вам, ни мне, ни кому-либо из живущих. То самое «право» на землю, на дом, на машину, на шкаф, набитый одеждой, которую вы не надевали годами, — это не свобода, а тонко замаскированная ловушка, выдаваемая за достижение. Капитализму необходима собственность, потому что без неё невозможно поддерживать бесконечный цикл производства и утилизации. Если бы машины служили тридцать лет, одежда — десять, обувь — пять, а холодильники не ломались через три года после окончания гарантии, экономика, построенная на росте прибыли, просто остановилась бы. Поэтому система не поощряет долговечность, она её подавляет. Она не ценит бережливость, она превращает её в признак отсталости. Вместо этого она предлагает вам «иметь», зная, что «иметь» — значит постоянно терять: деньги на обновление, время на обслуживание, покой из-за страха утраты.

Загляните в свой шкаф. Сколько там вещей, которые вы надевали на прошлой неделе? А сколько — в этом

году? А сколько — вообще не помните, когда последний раз носили? Пройдитесь по квартире: сколько предметов пылится на полках, сколько приборов простаивает, сколько коробок с «полезными» вещами так и не были распакованы? А сколько раз вы выбрасывали из холодильника продукты, которые купили, но так и не успели съесть? Вы платили за них не как за еду, а как за возможность — возможность, которая истекла, не реализовавшись. И в этом парадокс: вы не владеете этими вещами. Вы платите за временный доступ к ним, за иллюзию контроля. На деле же всё, что вы «имеете», остаётся во власти времени, случайности, моды, технического прогресса и собственного забвения. Вы не собственник — вы арендатор, заплативший не посуточно, а единовременно, но без права на возврат.

Собственность — не ваша защита, а ваша цепь. Она заставляет вас работать не ради жизни, а ради поддержания видимости жизни. Она заставляет вас копить не ради будущего, а ради страховки от настоящего. Она заставляет вас смотреть на мир не как на общий дом, а как на поле боя за ресурсы. И всё это ради иллюзии, которую можно отнять в любой момент: кризисом, катастрофой, болезнью, просто старостью. Настоящая свобода начинается не с «моё», а с «наше» — не с права исключать, а с желания делить. И пока мы не поймём этого, мы будем продолжать платить за то, что никогда не было нашим.

Пока не окажется, что платить уже нечем и некому.

Глава 7

Критика религии. В начале было Слово

И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови.

Омойтесь, очиститесь;
удалите злые деяния ваши от очей Моих;
перестаньте делать зло;

научитесь делать добро, ищите правды,
спасайте угнетенного, защищайте сироту,
вступайтесь за вдову.

Книга Пророка Исайи 1:15-17

«ибо, кто возвышает себя, тот унижен будет,
а кто унижает себя, тот возвысится».

Евангелие от Матфея 23:12

Долина междуречья Тигра и Евфрата была богата и плодородна, как колыбель цивилизации, где охота соседствовала с набегами, торговля — с грабежами, путешествия — с опасностью, а молодые боги рождались так же часто, как новые костры на границах племён, каждый из которых приносил свой дар, свою истину и своё проклятие.

Много-много лун тому назад, столько, что даже звёзды на небе были другими, египетские пирамиды ещё не завершили своё возведение, а великий город Библ принимал корабли с рабами и вином, предлагая взамен свой знаменитый папирус, в жаркое и далёкое лето,

в первую ночь полнолуния, когда дни начинали сокращаться, а ночи приобретали прохладную свежесть, в степи горел костёр кочевого племени, одинокий и яркий, как последнее слово перед долгой тишиной.

У этого костра сидели двое мужчин, чьи силуэты отбрасывали длинные тени на песок, будто символы двух сторон одного вопроса.

Один был воин, покрытый шрамами, точно морщинами времени, со смуглой кожей и густой чёрной бородой, в которой запутались воспоминания о многих битвах.

Напротив него — старик, худой и тщедушный, чья белоснежная борода казалась почти прозрачной в мерцающем свете огня, а тонкие руки лежали на коленях, сложенные поверх потёртой кожаной тоги, будто он хранил в себе не только годы, но и слова, которые время ещё не осмелилось произнести вслух.

Воин говорил, и голос его лился медленно, напевно, почти шёпотом, но этим шепотом он оживлял пламя, разрывал дым на клочки и заставлял ночь внимать ему:

— Чужие боги слепы и глухи. Мои люди не уважают их, потому что они не дают закона. А без закона не может быть порядка. Закон должен быть выше моего слова, выше каждого из нас. Ведь не всякое мясо полезно, и не всякое молоко вредно. От всех вещей может быть и польза, и вред. Мясо свинины — нежное и вкусное, но быстро портится, поэтому нужен закон, чтобы не есть свинью. Женщина — мягкая и приятная, но в дни её нечистот она приносит болезнь, и здесь тоже нужен закон. И нельзя женщине принадлежать многим мужам, дабы не возникало раздоров среди мужчин, разрушавших бы племя изнутри. Нужен закон, вот я и позвал тебя, шаман. Но закон не может прийти сам по себе, его дают боги. А чужие боги слепы и глухи. Нам нужен наш бог, шаман. Найди нам бога и дай закон моему племени.

Воин замолчал, и его взгляд устремился в пламя, которое, казалось, танцевало под ритм его слов. Шаман

всё ещё молчал. Его глаза были закрыты, руки — неподвижны, будто он не просто слушал, но впитывал каждое слово, давая ему время осесть в глубинах сознания. Северные звёзды склонялись к горизонту, а на востоке уже алела тонкая полоса света, предвещая рождение нового дня. В этот момент шаман открыл глаза и медленно поднял правую руку, как если бы держал невидимый вес, который он готов был передать миру.

— Ты прав, — сказал он, — ты прав во всём. Но теперь молчи. Молчи и слушай.

И тогда, в тишине между ночью и рассветом, он заговорил тем голосом, который не принадлежал ни ему, ни человеку вообще, словно сам воздух начал произносить слова:

В начале было Слово,
и Слово было у Бога,
и Слово было Бог.
В начале сотворил Бог небо и землю.
Земля же была безвидна и пуста,
и тьма над бездною,
и Дух Божий носился над водою.
И сказал Бог: да будет свет.
И стал свет.
И увидел Бог свет, что он хорош,
и отделил Бог свет от тьмы.

Я не знаю, как было на самом деле, но вполне допускаю, что история могла развернуться именно так или хотя бы близко к этому. Всё начиналось с простого вопроса: как удержать людей в рамках, дать им понятные правила поведения, создать систему, в которой одни будут руководить, а другие — подчиняться? И ответом на этот вопрос стала религия, рождённая не верой, а необходимостью — необходимостью управлять. Наряду с духовными поисками, мощным импульсом стала

прагматическая потребность в социальном регулировании и легитимации власти. Потому что если просто сказать диким кочевникам, что есть свинину нельзя из-за того, что в жарком климате она быстро портится, они лишь посмеются и продолжат есть. Но если ты скажешь, что это запретил бог, внезапно всё становится ясно. Закон получает святость, а тот, кто его передаёт, — авторитет. Именно так рождалась идея: дать закон и позволить избранным управлять многими.

Конечно, одного запрета недостаточно. Люди всегда хотели знать больше, чем «что можно» и «что нельзя»; они стремились понять, почему всё вокруг устроено именно так, откуда берутся солнце, звёзды, животные и сами люди. Именно поэтому в каждую религию добавлялись легенды о сотворении мира, мифы о происхождении жизни, истории о том, как свет победил тьму, как добро противостояло злу, как боги сошли к людям и заговорили с ними. Бог должен был быть не только законодателем, но и рассказчиком, хранителем знаний, объяснением всего сущего, даже если он делал это через шамана, сидящего у костра. Со временем эти слова, когда-то произнесённые перед ночным пламенем, начали записываться. Они становились священными текстами, хранимыми в папирусе, глиняных табличках, пергаменте и позже в книгах. И хотя сегодня мы читаем их в переводах, выполненных не один раз, в них всё ещё живёт отзвук тех первых ритуалов, тех древних голосов, что звучали десятки тысяч лет назад. Возможно, это не в точности те же самые слова, но в них сохранился дух той самой эпохи, когда человек впервые попытался осмыслить хаос и найти в нём порядок.

Так рождались религии. Сначала как инструмент управления, как механизм контроля над обществом, как способ упорядочить хаос. Однако со временем они превращались ещё и в хранилища древних сказаний, в летописи забытых времён, в голоса тех, кто жил до нас,

кто видел мир другими глазами, кто слышал ветер между слов и читал смысл в каждом закате. Религия была не просто верой. Она была первым опытом осмысления человеческого существования. Только вот этим опытом очень скоро начали управлять те, кто лучше других научился говорить от имени богов.

На протяжении тысячелетий человечество изобретало великое множество религий — столько, что даже попытка перечислить их заняла бы целую книгу. Но если посмотреть на эти верования с высоты времени, можно заметить одну общую черту: богов всегда было много. Говорят, такие религии назывались политеистическими, но это скорее научное определение, чем понимание того, как люди жили с этой множественностью. Народы общались друг с другом. Они торговали, пропускали караваны, отправляли своих купцов в дальние страны, сами уходили в походы или принимали гостей у себя. И хотя языки различались, пониманию это не мешало. Путник, услышав слово «река» на другом языке, не думал, что это другой объект. Он понимал: это то же самое, только названо иначе.

Подобное отношение существовало и к богам. Если житель Эллады слышал, как ханаанский купец говорит о Яме, он не считал его лжецом или еретиком. Он скорее думал: «Значит, так у них называется тот, кого мы зовём Посейдоном». Такой подход был не просто любезностью, а следствием мировосприятия, в котором божественное было частью мира, а не отдельной территорией, которую нужно завоёвывать или защищать. Можно сказать, что для большинства народов это были одни и те же силы, просто под разными именами. Это был способ понять мир, сделать его чуть ближе. Антропологи и историки давно заметили эту черту древних культур. Например, в работах Вальтера Буркерта («Греческая религия») можно найти описание того, как греки видели своих богов в других культурах. Дионис

мог быть связан с египетским Осирисом, Афродита — с ассирийской Иштар, Зевс — с ханаанским Баалом. Это была форма диалога между культурами.

Ещё один интересный случай — так называемый синкретизм, особенно распространённый при римлянах. Они часто отождествляли чужих богов со своими, создавая целые системы соответствий. Юпитер стал Зевсом, Минерва — Афиной, Марс — Аресом. Даже боги далёкой Галлии и Египта находили своих двойников среди римских: Сол, Инвитус и Митра стали частью этой системы, будто римская религия говорила на одном языке с другими культурами. Этот принцип работал повсеместно. Вавилонские шумеры называли главного бога Ану, семиты — Элохом, а позднее в эту цепочку смыслов пытался войти еврейский Яхве. Люди искали в божествах не отличие, а сходство — это был способ понять мир, сделать его чуть ближе. Такое восприятие позволяло религии быть чем-то вроде универсального кода, который каждый народ записывал по-своему, но который всё равно оставался понятным. И именно поэтому религиозные войны, в современном их понимании, не возникали.

Нельзя объявить войну ради перевода.

Даже в случае с крупными государствами, такими как Ассирия или Вавилон, уничтожение местных культов было скорее актом политической демонстрации, чем религиозной необходимостью. Разрушение храма Мардука после вторжения ассирийцев в Вавилон было символическим актом, заявлением новой власти: «Мы здесь, мы теперь главные». А вскоре после этого храм восстановили, жрецы вернулись, а культ продолжал жить, пусть и в изменённом виде. Чаще всего завоеватели стремились сохранить местную религию либо включить её в свою собственную. Такой расчёт снижал сопротивление населения и помогал легитимировать власть нового правителя в глазах старых верующих. Именно этим объясняется практика почитания местных

божеств даже теми, кто пришёл к власти насильственно.

Как показывают исследования по древним цивилизациям и работы Мирчи Элиаде («История веры и религиозных идей»), религия в древнем мире не выступала основанием для войны, хотя и служила оправданием как самый простой способ объяснить армии, что захват соседнего царства угоден нашим богам. Кроме того, религия была частью культуры, идентичности, космологии народа — его способом говорить с миром, объяснять его хаос, находить место среди звёзд и стихий. Поэтому даже в условиях завоевания она не исчезала мгновенно, не умирала под ударами чужого меча. Переосмысливалась, приспосабливалась, меняла лицо, но сохраняла свою суть. То, что начиналось как культ местного божества, могло стать частью пантеона нового народа. Это происходило не всегда и не везде, но достаточно часто, чтобы оставить след в памяти многих народов. Исчезали целые пантеоны, забывались гимны, угасали культы, которым тысячи лет поклонялись под открытым небом. Но даже тогда речь шла не о тотальном уничтожении веры, не об идеологическом поражении или религиозной войне, скорее, это был процесс постепенного вытеснения, когда одни образы теряли силу, а другие занимали их место не насильственно, а через изменение власти, через сдвиг в понимании мира. Боги не умирали сразу. Они просто становились менее важными, их образы бледнели, ритуалы теряли точность, молитвы — частоту. В какой-то момент имя бога уже никто не знал, а если и помнил, то как легенду, как историю, рассказанную у костра, но больше не повторённую.

Однако это было не войной за веру, а естественным ходом изменений, где новые элиты формировали новую картину мира, а старые боги просто оказывались вне её рамок.

Именно это делает политеистический мир другим — не более совершенным, не более справедливым, но иным в своём отношении к вере, к различию, к чужому слову.

Тогда ещё можно было жить рядом с другими богами. Можно было видеть в них не ошибку, не ересь, не угрозу, а лишь другой язык, на котором говорили о том же самом.

Так продолжалось до тех пор, пока в мире не появилась новая идея, идея одного бога. Бога, которому нельзя разделить пространство с другими. Бога, который не допускал компромиссов. Бога, ради которого нужно было не просто победить в бою, нужно было убедить других в том, что их боги ложны.

Заратустра, создатель зороастризма, принёс миру веру в верховного бога по имени Ахура Мазда — светлого и справедливого, но вовлечённого в космическую борьбу со своим противником, духом зла Ангра-Майнью. Авраам, которому было дано слово от Яхве, — прародитель другой монотеистической традиции, которая со временем породит три великие мировые религии.

Нельзя сказать, что оба праотца монотеистических верований жили примерно в одно время — по разным источникам, между ними могло быть и целое тысячелетие, и пара веков. Окончательное оформление иудаизма и зороастризма как развитых религиозных систем с мощной теологией пришлось на первое тысячелетие до нашей эры. И произошло это в одном регионе, на Ближнем Востоке, в том перекрестье цивилизаций, где сталкивались и смешивались языки, культуры, мифы и судьбы. Именно здесь, на земле, где пересекались торговые пути, военные кампании и духовные поиски, зародились и получили развитие две религии, утверждавшие мысль о едином Боге. Они, разумеется, не могли не влиять друг на друга, так как перенимали образы, мифологические сюжеты, символы, переосмысливали их или намеренно противопоставляли своим предшественникам.

Однако уже в священных текстах этих религий можно найти зачатки идеи, согласно которой победа на поле боя становится знаком благословения Бога. Так, в Танахе есть эпизоды, где захват земель Ханаана описывается

не как простая военная операция, а как исполнение божественной воли: израильские племена движутся под знаменем своего Бога, и каждый завоёванный город становится свидетельством Его силы. Но пока ещё не существовало понятия «единственно истинной веры», способной оправдать уничтожение всех прочих. Эта идея придёт позже. Гораздо позже.

Во времена вавилонского пленения, когда евреи были изгнаны из своей земли и переселены в чужие города, где эхо их языка терялось среди множества других, монотеизм иудаизма стал не просто верой, он превратился в опору, в якорь, в невидимую стену, отделяющую один народ от остального мира. Именно в эти годы изгнания и страданий вера в единого Бога стала главной чертой, которая удерживала народ от растворения среди сотен вавилонских племён, культов и обычаев. Она стала тем, что делало их собой.

Это был поворотный момент: религия перестала быть просто набором обрядов или мифов о происхождении мира. Она стала основой идентичности, защитным кольцом вокруг народа, который не имел больше ни царства, ни храма, ни свободы, — но сохранил своё имя, свою историю и своего Бога.

Совсем иначе сложилась судьба зороастризма, не сумевшего выдержать давления арабских завоеваний. Причина была не в слабости или несправедливости его учения, а в том, что оно было религией государства, а не народа. Его мощные храмы и жреческие сословия зависели от власти, и когда эта власть оказалась свергнута, религия потеряла опору. То, что не стало частью крови и памяти простых людей, исчезло вместе с падением империй.

В итоге в мире возникла религия, вокруг которой смогла сохраниться самобытность целого народа. Идея единого Бога, родившаяся в глубинах истории, теперь несла на себе бремя и благословение быть границей между «своими» и «чужими». В те страшные века, когда

каждый день был борьбой за выживание, внутри этой границы оформилась мысль, которая станет камнем преткновения на тысячелетия вперёд: только наша вера правильная, и мы никого к себе не принимаем.

Эта мысль, рождённая как защита, как щит от исчезновения народа, со временем стала чем-то большим — основой для множества церквей, конфессий, учений. Но вместе с верой она принесла и разделение. Из стремления сохранить себя родилось стремление осудить других. Идея единой истины, которая должна была объединять, начала разделять людей, делая их чужими друг другу — хотя в сущности они были так похожи.

Именно так, из страдания и упорства народа, чья земля была потеряна, но чья вера осталась непоколебимой, возник новый этап в истории человечества. Начало эпохи монотеистических религий — тех, что строятся вокруг одного Бога, одного закона, одной священной истории, которую нельзя оспорить.

Эти религии, чьи корни уходят в одно откровение, одно имя, один голос, стали называть авраамическими в честь первого пророка, которому было дано слово, положившее начало не просто новой вере, а целой линии верований, где каждый шаг вперёд был также и возвращением к истоку.

Идея зороастризма о грядущем Спасителе, который придёт в мир как победитель тьмы и восстановитель справедливости, со временем нашла своё отражение в иудаизме. Она стала частью ожидания Мессии, кто освободит народ от страданий и установит царство Божие на Земле. И когда наступили новые тяжёлые времена под властью римской оккупации, вновь раздавшийся голос стал воспринят как ответ на древнее пророчество: таким Спасителем был объявлен Иисус Христос.

Христианство возникло как продолжение иудаизма. В самом начале оно распространялось исключительно среди евреев, строго в рамках уже сложившейся веры,

опираясь на ту же идею закрытости, которая делала иудаизм уникальным. Впрочем, именно благодаря усилиям Павла, бывшего противника новой веры, христианство вышло за границы народа и стало обращаться ко всем народам. Это был настоящий перелом в истории религии: теперь вера могла быть принята не по рождению, а по выбору. Это изменение дало начало не только новой вере, но и новому сообществу, которое не опиралось на родство крови, а строилось на общем исповедании. Христианство начинало формировать собственную идентичность, несмотря на жёсткое сопротивление со стороны традиционного иудаизма и давления со стороны римской власти.

Та же мысль о едином Боге, о священном откровении, о необходимости покаяния и следования истинной вере нашла своё выражение в Аравии, в регионе, где до этого преобладали языческие верования. Именно там в VII веке нашей эры появился пророк Мухаммед, который создал ислам, основываясь на Торе и Евангелии, но предлагая новое, завершающее слово — Коран, ставший завершением божественного откровения в понимании мусульман.

С завершением эволюции трёх авраамических религий — иудаизма, христианства и ислама — началась другая эпоха: эпоха, в которой вера всё чаще становилась не только источником утешения, но и причиной конфликтов. Религиозные войны, почти чуждые древнему политеистическому миру, стали реальностью новых времён. И если раньше боги жили рядом друг с другом, не требуя исключительности, то теперь один Бог требовал себе места, единственного и неделимого.

Активная миссионерская деятельность христианских церквей и исламское продвижение своей веры породили не просто столкновение идей, но и столкновение людей, всегда болезненное, часто кровавое, неизбежно убийственное.

Самое удивительное в религиях, что, несмотря на различия в обрядах, языках и священных книгах, почти все они сходятся в одном: призывают к любви к ближнему, к заботе о слабых, к служению Богу как высшей Правде. Они порицают жадность, осуждают накопительство, предостерегают от того, чтобы богатство стало целью жизни.

Это не метафора. Это прямо сказано. В Новом Завете Иисус говорит:

«Посмотрите на птиц небесных: они не сеют, не жнут, ни в какие житницы собирают; и Отец ваш Небесный питает их. Не гораздо ли вы лучше их?»

Евангелие от Матфея 6:26

Он напоминает, что человек не должен строить свою жизнь вокруг заботы о хлебе насущном, потому что есть Тот, кто заботится о каждом из нас.

Танах тоже полон таких голосов:

«Господь — пастырь мой, я ни в чём не буду нуждаться»

Псалом 23:1

Здесь вера выражается как доверие — не только к миру, но и к тому, кто его сотворил. Идея простая: если Бог заботится о мире, то Он заботится и о тебе.

Коран повторяет эту мысль в своём уникальном ритме:

«Поистине, Аллах даёт пропитание кому пожелает, без исчисления».

Сура 2:247

Здесь акцент на том, что человек не хозяин своей

судьбы — он лишь гость в доме, где есть Хозяин, и этот Хозяин сам решает, кому чего давать.

Три религии. Три книги. Одна идея: Не живи ради накопления. Живи ради другого.

Но здесь возникает парадокс, который трудно игнорировать. Те самые традиции, чьи священные тексты призывали к смирению, предостерегали от накопления и учили делить хлеб с голодным, со временем оказались вплетены в структуры, построенные на собственности, иерархии и власти. Потому что каждая идея, вступая в историю, сталкивается с её тяжестью: с нуждой в устойчивости, с искушением порядка, с человеческим стремлением обустроить даже небесное в земных формах.

Христианство, начинавшееся как община изгнанных, нищих и уязвимых, тех, кто искал в словах Иисуса не доктрину, а утешение и братство, постепенно обросло стенами, титулами и землями. Церковь, некогда собиравшаяся в домах, стала владеть целыми провинциями. Епископы, чьи предшественники прятались в катакомбах, теперь восседали в дворцах, украшенных золотом, добытым с полей, которые они же и освящали. Раскол между Востоком и Западом — между православием и католичеством — был не только богословским спором о том, от Кого исходит Святой Дух. Он стал отражением более глубокого разлома: вера всё чаще становилась делом государств, а не сердец.

И всё же нельзя сказать, что это было предательством в чистом виде. Скорее — трагедией перевода: как передать огонь, не превратив его в алтарь? Как сохранить слово, не заперев его в книгу? Церковные земли, налоги, продажа прощения за грехи — всё это не столько злой умысел, сколько попытка удержать духовное в мире, где всё, что не приковано к земле, уносит ветер.

Но цена оказалась высокой: чем прочнее становились стены храмов, тем тише звучал голос из Евангелия:

«Где сокровище ваше, там и сердце ваше будет».

Мф. 6:21

Именно это напряжение — между обетованием бедности и реальностью империи — породило Реформацию. Она была не просто бунтом против коррупции (хотя и этим тоже), но жаждой возвращения к источнику: к тому, что было сказано у Галилейского озера, а не в римских палаццо. Лютер, Кальвин, Цвингли — каждый по-своему искал путь обратно к тексту, который, как им казалось, был засыпан веками ритуалов и привилегий.

И всё же — даже в этом возвращении к «чистой вере» таилась новая ловушка. Ни в Торе, ни в Евангелии, ни в Коране нет повеления строить монастыри, вводить аскезу как путь к спасению или превращать церковь в землевладельца. Наоборот:

Кто гонится за деньгами, тот никогда не насытится ими.

Притчи 23:4

Легче верблюду пройти сквозь игольные уши,
нежели богатому войти в Царство Божие.

Мф. 19:24

Пусть не думают те, которые скупятся расходовать то, что Аллах даровал им по Своей милости, что поступать так лучше для них. Напротив, это хуже для них. В День воскресения их шеи будут обернуты тем, что они жалели. Аллаху принадлежит наследие небес и земли, и Аллах ведает о том, что вы совершаете.

Сура 3:118

Эти строки призывают не к отказу от мира, но к доверию — к тому, что жизнь не сводится к накоплению. Иисус, по преданию, не чурался пира у мытаря, не отказался от вина на брачном пиру в Кане, позволил женщине возлить на голову миро «дорогое и чистое» — не ради роскоши, но как жест любви, которую нельзя измерить в монетах. Возможно, именно в этом и заключалась его тайная критика: не против богатства как такового, а против того, чтобы оно стало мерой человеческой ценности.

А ведь большинство книг Нового Завета были написаны людьми, никогда не видевшими Христа во плоти, — людьми, рождёнными уже после тех событий, которые они пытались осмыслить сквозь призму своей эпохи, своих страхов и надежд. И в этом нет обмана — есть неизбежная дистанция между живым словом и его записью. Проблема не в том, что тексты были написаны позже, а в том, что их начали читать не как призыв, а как устав.

Так идея, рождённая в стремлении защитить общину от хаоса и дать человеку внутренний компас, снова и снова оказывалась обращённой вовне — в законы, границы, иерархии. И каждый раз, когда духовность становилась институтом, она рисковала утратить то самое — дыхание, трепет, открытость, — что делало её живой.

После Реформации одним из самых влиятельных течений стал кальвинизм. В нём труд перестал быть лишь средством выживания и стал знаком избранности: если твой труд приносит плоды, если твоя жизнь упорядочена и плодотворна — возможно, это знак того, что ты угоден Богу. Это не было прямым призывом к накоплению, но создало этический климат, в котором успех стал читаться как благословение. Макс Вебер позже назовёт это «протестантской этикой», увидев в ней одно из духовных оснований капитализма. Не причину, но почву — ту самую, на которой семя рынка пустило корни глубже, чем в прежние времена.

И тогда возникает горькая ирония: слово, произнесён-

ное у костра в пустыне — «В начале было Слово», — пройдя через века храмов, инквизиций, реформ и империй, вдруг обрело новое звучание. В мире, где всё стало товаром, где время измеряется в прибыли, а человек — в его продуктивности, Слово, быть может, не исчезло. Но его место занял другой голос — тот, что говорит: «В начале был капитал».

И всё же — даже в этом мире, где деньги кажутся единственным языком, на котором ещё можно договориться, остаётся вопрос, заданный тем стариком у костра: зачем нам закон?

Не для того ли, чтобы — как у того костра в пустыне — вновь увидеть в другом не угрозу, а собеседника, а в законе — не цепь, а общий свет?

Глава 8

Искусство — предчувствие будущего

Человек-брюхо вошел в хоровод муз и, подняв брови, чтобы лучше видеть, сказал, несмело и нагло: «Вы бы, девочки, веселенькое что-нибудь, заковыристое, отколите, денег не пожалею».

А. Н. Толстой, Гибель искусства (1919)

Писать о будущем всегда оказывается делом более интимным, чем кажется на первый взгляд. Оно в значительно меньшей степени прогнозирует технологические или политические перемен, чем обнажает самые сокровенные слои души автора: надежды, которые он стесняется озвучить, и страхи, которые пытается замаскировать под рациональный анализ. Я не претендую на роль пророка, не считаю себя мистиком, да и вообще предпочитаю точные формулировки размытым озарениям, однако именно поэтому с особым трепетом и даже некоторой робостью подхожу к тем областям человеческого опыта, где исчерпывает себя логика, а ясность выводов уступает смутному, но настойчивому ощущению, что нечто важное уже происходит, хотя ещё не обрело ни имени, ни формы.

Речь не о вере в приметы в бытовом смысле, да даже не в трансцендентном, а о тех знаках, которые культура — особенно массовая — посылает сама себе. Это скорее симптомы, чем откровения и пророчества: невысказанные тревоги, подавленные стремления, утрачен-

ные или упущенные возможности, которые общество не может или не хочет признать вслух. Такие знаки обладают странной особенностью: их сила в том, что они выражают то, что уже живёт в глубинах коллективного воображения, даже если разум чётко этого не осознаёт.

А коллективное воображение — вещь удивительно чуткая. Оно может годами молчать под гнётом идеологии или страха, но рано или поздно находит выход: в книгах, в мифах, в искусстве, даже в анекдотах. Именно поэтому самые пронзительные произведения часто кажутся «предчувствием», хотя просто озвучивают то, что уже происходит в недрах настоящего, то, что все чувствуют, но никто ещё не может ясно сформулировать.

Существует старый анекдот о Нильсе Боре, одном из величайших физиков XX века, который держал над дверью своего дома подкову. Когда журналист с удивлением спросил его, неужели он верит в такие суеверия, Бор ответил: «Нет, конечно, не верю. Но говорят, она помогает даже тем, кто не верит». Примерно то же самое происходит с искусством, которое равным образом работает независимо от нашего согласия или веры, когда обращается к будущему: оно становится той самой подковой над порталом времени, не предсказывая конкретных изобретений или политических сценариев, но диагностируя дух эпохи, её скрытые болезни и тенденции развития, чувствуя приближение кризиса задолго до того, как он проявится в экономических графиках или военных конфликтах.

До наступления Нового времени искусство почти никогда не смотрело в будущее — оно было обращено в прошлое, к вечному, священному, устоявшемуся порядку вещей. Художники, скульпторы, композиторы и поэты служили не столько истине, сколько престижу: их работы украшали дворцы королей, прославляли победы полководцев, воспевали добродетели святых или возвышали меценатов, чьи кошельки позволяли приоб-

щиться к бессмертию через красоту. Картины, фрески, оперы, поэмы — всё это существовало в рамках замкнутого круга, где будущее либо не мыслилось вовсе, либо представлялось как повторение прошлого, отражение чуть улучшенной версии настоящего: возвращение к золотому веку или божественное воздаяние в ином мире. Мифы и легенды пересказывались снова и снова, чтобы укрепить в мире своё место, найти в вечном сюжете утешение от ненастий настоящего.

С приходом Нового времени, с эпохой Просвещения, промышленной революцией и верой в неограниченные возможности разума искусство практически впервые посмело серьезно заглянуть за горизонт. И сделало это не слепо: многие предвидения XIX века, от подводных лодок до летательных аппаратов, от видеосвязи до автоматизированных фабрик, удивительным образом воплотились в реальность, словно и писатели, и изобретатели черпали из одного и того же источника — из коллективного предчувствия, что человечество вот-вот переступит порог нового измерения. У общества появился не только стимул, но и практическая необходимость размышлять о будущем: мир не просто менялся — он менялся стремительно, необратимо, во все стороны сразу. Можно сказать, что прогнозирование будущего стало не роскошью мечтателей, а условием выживания и ориентира в мире, где возможных путей развития становилось всё больше, а старые карты уже не работали.

Здесь необходимо вернуться к тому моменту, когда будущее виделось естественным, почти неизбежным продолжением настоящего: более широким, более быстрым, более смелым, но управляемым человеческим разумом. Самым ярким пророком такого будущего выступил Жюль Верн, чьё творчество, несмотря на всю свою приключенческую внешнюю форму, пронизано глубокой, почти религиозной верой в три столпа, на которых, по его убеждению, должно было строиться новое

человечество: в разум как высшую силу, в прогресс как неотвратимое движение вперёд и в человека как существо, способное к познанию и преобразованию мира.

Верн искренне верил, что технологический прогресс, освобождённый от предрассудков и национальных границ, станет величайшим объединяющим началом для всего человечества, что освоение океанских глубин, воздушного пространства и космоса не только расширит горизонты познания, но и сотрёт искусственные барьеры между народами, делая мир более справедливым и гармоничным. При этом его вера в Просвещение была вовсе не слепой апологией Европы, а скорее мечтой о разуме, который служит свободе.

И всё же даже в этом гуманном видении будущего содержалась внутренняя трагедия: Верн, как человек своей эпохи, оставался в рамках европейского мышления: он верил, что разум и наука сами по себе, без глубокого переосмысления самих основ власти и культуры, способны привести человечество к гармонии. Однако XX век с его тотальными войнами, геноцидами и идеологическими катастрофами показал, что разум без этики, как свобода без равенства, порождает новые, ещё более изощрённые формы насилия. Верн умер в 1905 году, так и не увидев, как его безмятежная вера в то, что знание ведёт к добру, была поставлена под сомнение самой историей.

Почти сразу, словно тень, отбрасываемая слишком ярким светом верновского оптимизма, возникает фигура Герберта Уэллса — как его наследника, который с ужасом осознал, что мощь инструмента не гарантирует благородства цели. Уэллс принимает все предпосылки Верна — всемогущество науки, неизбежность технологического рывка, — но ставит перед ними роковой вопрос: «А какими средствами? И какие будут побочные эффекты?» Его творчество становится первым серьёзным изучением структуры прогресса, первым

признанием, что разрыв между технической мощью и нравственной зрелостью может, оказывается, привести не к утопии, а к кошмару.

В «Машине времени» он показывает не триумф инженерной мысли — триумфу отведена роль второго плана, а биологическую и социальную деградацию: человечество раскололось на беспомощных, но эстетически утончённых элоев и чудовищных, но трудолюбивых морлоков, что является жёсткой социальной сатирой на классовое неравенство викторианской Англии, доведённой до логического завершения. «Остров доктора Моро» — это аллегория науки, лишённой этики, где эксперимент ради эксперимента порождает только страдание и монстров; «Человек-невидимка» — трагедия гения, развращённого абсолютной властью, который вместо того, чтобы служить человечеству, использует свой дар для мелочной мести и личного господства; «Война миров» — горькая ирония, напоминающая о том, что даже самая развитая цивилизация может пасть жертвой самых примитивных сил природы, таких как бактерии, тем самым подрывая иллюзию полного контроля над миром. Уэллс не отвергал прогресс — он был, пожалуй, даже более страстным его сторонником, чем Верн, — но именно он первым понял, что технология без нравственного компаса и социальной ответственности становится экспрессом в ад. Именно его творчество стало мостом между безмятежным XIX веком и тревожным XX-м, который унаследовал все его страхи, но, к сожалению, развеял его надежду на то, что человечество способно научиться управлять своей собственной мощью.

XX век не просто усугубил раскол, обнаруженный Уэллсом, — он превратил его в пропасть. И именно во второй половине этого столетия проявляется главный клинический симптом капиталистического сознания, выраженный в его самом влиятельном искусстве. Американское научно-фантастическое кино, ставшее глобальным

языком массовой культуры, представляет собой грандиозный многомиллиардный некролог собственному будущему, и этот некролог повторяется снова и снова, от «Бегущего по лезвию» до «Матрицы», от «Элизиума» до «Безумного Макса», создавая единый навязчивый кошмар, в котором будущее не просто мрачно, но принципиально лишено надежды на исцеление.

В нём сформировалась своя собственная эстетика, узнаваемая с первого кадра: мир вечного дождя и кислотных туманов, где неоновый свет едва пробивается сквозь слой смога, где подавляет архитектура — бесчеловечные небоскрёбы корпораций возвышаются над трущобами памятниками социальному неравенству, а природа почти полностью вытеснена искусственной средой, лишённой жизни и тепла. Социально этот мир почти всегда характеризуется полным исчезновением государства как института, ответственного за общее благо: власть переходит к корпорациям, чья этика не отличается от этики пиратов, а человек низводится до статуса «пользователя», «потребителя» или «ресурса», чья ценность определяется исключительно его экономической полезностью. Свобода в таком мире сведена к иллюзорному выбору между предложенными системой опциями — составом обеда, выбором вечерней передачи, — но никогда не включает в себя право на участие в формировании самой системы.

Самое характерное, каким образом в западной научно-фантастической кинематографии конструируется образ героя будущего. Он редко выступает как строитель нового общества, реформатор институтов или даже пророк, способный вдохновить массы. Гораздо чаще это бывший полицейский (Рик Декард в «Бегущем по лезвию»), хакер-одиночка (Томас Андерсон в «Матрице»), беглый солдат (Боб Плискин в «Побеге из Нью-Йорка»), изгой или наёмник (Рокатански в «Безумном Максе: Дорога ярости»). Его мотивация почти никогда не вы-

ходит за рамки личного спасения, мести или защиты близких. Даже когда его действия ведут к временному краху системы — как в случае с Нео или Китнисс Эвердин из «Голодных игр», — это не становится началом нового порядка, а скорее моментом передышки перед следующим витком угнетения. Победа героя чаще всего оборачивается бегством, уходом в тень или жертвой, но почти никогда — устойчивой трансформацией мира.

Эту тенденцию можно проследить, если условно разделить научно-фантастические фильмы о будущем на несколько типов, каждый из которых, несмотря на различия в сеттинге, сходится в одном: будущее оказывается местом, где социальные болезни настоящего не исцелены, а доведены до крайности.

Постапокалипсис — пожалуй, самый безнадёжный поджанр. Здесь цивилизация уже рухнула, государство исчезло, а выживание стало единственным законом. «Безумный Макс», «Книга Илая», «Дорога» — в этих мирах нет места для реформ, только для инстинктов. Герой здесь не спасает человечество, он спасает ребёнка, женщину, последнюю искру добра — но не систему, потому что системы больше нет. В этих мирах практически отсутствует само понятие позитивного социального взаимодействия. И это закономерно: согласно логике неолиберализма, каждый становится друг другу волком, о кооперации не может быть и речи. Самые пронырливые сбиваются в стаи, но и там конкурируют за место вожака. Это уже было показано в третьей главе.

Закрытые миры под куполом — другая распространённая модель. В «Сквозь снег» человечество вынуждено жить на вечном поезде, где жёсткая кастовая иерархия воспроизводится с механической точностью. В «Элизиуме» элита улетела на орбитальную станцию, оставив Землю в нищете и хаосе. В «Обливионе» и «Метрополисе» (в его более поздних интерпретациях) общество разделено на тех, кто трудится внизу, и тех, кто правит

сверху. Даже если герой разрушает границу между мирами, это не ведёт к справедливости — лишь к хаосу или новой форме подавления.

Миры подавленных эмоций и контролируемого сознания — ещё один важный тип. «Она», «Гаттака», «Чёрное зеркало» (в ряде эпизодов), «Эквилибриум», «Посвященный», «Равные» — здесь человек либо отчуждён от собственных чувств технологией, либо лишён свободы выбора генетической или алгоритмической предопределённостью. Герой может восстать против системы, и всё же его бунт остаётся частным, внутренним, не способным изменить структуру общества. Он обретает «настоящую любовь» или «настоящую идентичность», но не новую социальную модель. Хеппи энд происходит, когда герой сбегает из общества контроля на свободу. Исключением являются фильмы подобные «Эквилибриуму», где герой устраивает действительно революцию. И вот здесь система совершает подлый трюк: она предлагает зрителю дешёвый катарсис. «Смотрите, — шепчет она, — революция! Всё побеждено, главный негодяй убит, можно выходить из зала с лёгким сердцем». Но это суррогат победы, худший вид конформизма. Дорогой зритель, достаточно перелистать историю 1848 года, так называемую «Весну народов», чтобы понять: настоящие революции не заканчиваются с выходом народа на улицы. Они начинаются с него, уводя в хаос, компромиссы и новое насилие. Разрешая герою «победить», система на самом деле хоронит саму идею революции как долгого, мучительного и незавершённого исторического труда.

Космос как продолжение Земли — ещё одна устойчивая линия. В «Пассажирах» показано будущее жесточайшего социального неравенства, где два человека даже в условиях абсолютной изоляции космического корабля повторяют паттерны эксплуатации и вины. А в «Чужом» и «Пандоруме» космос — вообще лабиринт ужаса, где корпорации

продолжают эксплуатировать людей и чуждые формы жизни с еще большей безжалостностью, чем на Земле.

Наконец, есть аллегорические антиутопии, где будущее — это гипертрофированное настоящее. «Бразилия» Терри Гиллиама, «1984» в киноверсиях, «День сурка» в его мрачных интерпретациях вроде «Патруля времени» — всё это не прогнозы, а зеркала. Они показывают, что если логика бюрократии, слежки, потребления и отчуждения будет развиваться без сопротивления, то результатом станет не прогресс, а замкнутый ад, в котором даже бунт становится частью системы.

Во всех этих типах — даже в тех, где герой добивается временного успеха — отсутствует вера в возможность коллективного, устойчивого, справедливого будущего. Герой может быть харизматичным, смелым, даже жертвенным, но он почти никогда не становится частью дерзкого проекта. Он один против всех — и почти всегда проигрывает в долгосрочной перспективе. Это не просто эстетический выбор. Это отражение глубинного культурного пессимизма, укоренившегося в западном воображении после краха утопических проектов XX века и победы неолиберальной парадигмы, для которой «общее благо» — не цель, а помеха.

Таким образом, научная фантастика в её доминирующей голливудской форме не столько предсказывает будущее, сколько фиксирует невозможность представить себе иное будущее в рамках капиталистической логики. И если когда-то Уэллс мог писать о машинах времени и воображать разные пути эволюции человечества, то сегодняшний кинематограф чаще всего предлагает лишь вариации на тему «Как выжить в аду, который мы сами построили».

Но почему именно капитализм порождает такое будущее? Да, было разочарование в утопических проектах, но доминирующий перевес антиутопий над утопиями длится уже более полувека, с пятидесятых годов

двадцатого столетия! Как показал британский философ Марк Фишер в работе «Капиталистический реализм», капитализм сегодня функционирует не просто как экономическая модель, а как господствующая форма воображаемого, нечто столь же неизбежное, как гравитация или смена времён года. Его ключевая формула — «альтернативы нет» — давно перестала быть политическим лозунгом и превратилась в бессознательное условие мышления: мы уже не можем даже представить себе мир, устроенный иначе, не потому, что он невозможен, а потому, что он кажется нелогичным, неправдоподобным, непродаваемым.

Именно в этом суть капиталистического реализма: он не запрещает утопию, он просто… вытесняет её из данного слоя реальности, делает её вытесненной. Любая подлинная утопия, основанная на равенстве, взаимопомощи, общем достоянии и экологической гармонии, автоматически становится альтернативой капитализму, а значит, в рамках капиталистического воображения она воспринимается как фантазия, наивность или даже угроза. А раз так, то и массовая культура, особенно коммерческое кино, не может позволить себе всерьёз развивать такие сценарии: они не находят отклика у зрителя, выросшего в условиях капиталистического реализма, и, что ещё важнее, не приносят прибыли. Студии инвестируют миллиарды в проекты, которые подтверждают уже знакомую картину мира, где человек одинок, система несправедлива, но неизменна, а спасение возможно лишь в индивидуальном бегстве. Утопия же требует воображения, доверия, веры в коллективное действие — всего того, что противоречит логике конкуренции, изоляции и постоянного кризиса, на которых держится рынок. Поэтому она не просто отвергается — она исчезает из поля возможного даже как художественная гипотеза.

И всё же проблема глубже, чем просто отсутствие смелых сценариев или трусливость продюсеров. Дело

в том, что сегодняшнее массовое искусство, особенно визуальное, стало частью той же логики потребления, что и еда, одежда или гаджеты. Оно превратилось в современный аналог римского panem et circenses (панем эт цирценсис — «хлеб и зрелища») — но не в форме раздачи зерна и гладиаторских боёв, а в виде культурного фастфуда: яркого, мгновенно усваиваемого, но бедного смыслом и насыщенного «глютеном» — то есть пустыми, но привычными стимулами: взрывами, узнаваемыми лицами, клише вместо характеров, ритмом вместо логики. Зритель, приученный к такому питанию, перестаёт замечать, что сюжет рассыпается под собственной нелепостью, что мотивация героев сводится к рефлексам, а мир будущего к набору визуальных кодов без внутренней связи. Главное, чтобы картинка «цепляла».

Остаются островки арт-хауса, номинанты Канн и Венеции, студии вроде A24, которые всё ещё пытаются говорить на языке метафоры и неопределённости. Однако даже их работы всё чаще жертвуют внутренней логикой ради эстетики, заменяя смысл атмосферой, а диалог — паузой. Они всё ещё «модные», но уже не всегда мыслящие. Их зритель хочет почувствовать себя умнее, просто узнав, что фильм «сложный». Так культурная элита, сама того не желая, становится частью той же системы: она не разрушает капиталистический реализм, а лишь украшает его интеллектуальной упаковкой.

Капитализм не может породить утопию, потому что он в ней не нуждается. Его экономическая и культурная машина работает на основе неудовлетворённости, не на мечте о рае, а на страхе перед адом — страхе оказаться бедным, немодным, неуспешным, устаревшим. Эти страхи компенсируется возрастающим потреблением, которое снова порождает те же страхи — это циклическая рекурсия механизмов тревоги и компенсаторного потребления. Какое будущее может родить такая система? Перейти на новый технологический уровень,

что мы и наблюдаем на протяжении уже полутора веков. Достаточно посмотреть на список самых богатых компаний в каждом десятилетии. В девятнадцатом веке это банки, потом добыча нефти, потом компьютерные технологии, теперь сбор и аналитика данных (Google, Apple, Nvidia). И на каждом витке технологического развития запускается новый цикл тревоги-потреблений, только с усилением внутренних системных противоречий. Более изощрённые форма контроля — если вы не знали, ваш цифровой след сегодня раскрывает информацию о вас более полно, чем в прежние века исповедь. Более хищные корпорации, более крупные и с ростом концентрации корпоративной власти — для примера можете почитать отзывы сотрудников о работе в Яндекс. И более одинокие и отчуждённые люди. Единственной исторической перспективой капитализма становится перманентная пролонгация агонизирующего настоящего, в рамках которого будущее видится как логичное и пугающее завершение его собственных имманентных тенденций. Искусство ничего не пророчит, оно интуитивно ощущает конец большого проекта, признание в том, что капитализм исчерпал себя как цивилизационная сила, способная предложить человечеству вдохновляющую цель, и теперь умеет только продлевать своё агонизирующее настоящее, в вечном своем ритме рисуя будущее как его логическое, но ужасающее завершение.

На этом мрачном фоне особенно контрастно и почти болезненно ярко выглядит советская научная фантастика, которая, несмотря на все ограничения цензуры и идеологические рамки, сумела породить совершенно иное мироощущение — и идеологический манифест, и глубинное культурное предчувствие. Здесь будущее — это то, что люди построят вместе, через разум, труд и взаимопомощь. Это про их взаимодействие и самопожертвование в условиях катастрофы. И конечно же, там очень часто показывается доминация над

жалкими остатками неокапиталистических обществ. Это был ответ на вызовы Запада и на пессимизм Уэллса, попытка сказать: «Да, прогресс опасен, но мы можем научиться управлять им, если поставим во главу угла не прибыль, а человека».

«Туманность Андромеды» Ивана Ефремова — гимн объединённому человечеству, преодолевшему расовые, национальные и социальные барьеры ради выхода в космос как следующего этапа эволюции сознания; книга, фильм по которой так и не снят, «Полдень. XXII век» Стругацких — мир, где главные проблемы уже не материальные, а этические: как относиться к инопланетным цивилизациям, как сохранить человечность в условиях абсолютного комфорта, как воспитывать детей в обществе, где все нужды удовлетворены; «Гостья из будущего», «Через тернии к звездам», «Планета Бурь», «Отроки во Вселенной». Окунитесь в эту светлую и открытую атмосферу, прочувствуйте её ещё раз.

В этом мире визуально доминирует не дождь, а свет — чистый, рассеянный, проникающий в просторные, утопающие в зелени города, где архитектура служит человеку; социальный конфликт строится не на борьбе с системой как таковой, а на поиске истины внутри системы, которая в целом воспринимается как благо, созданное для общего блага (или борьбы с капиталистической системой); герой — не изгой, а участник коллектива, учёный, космонавт, педагог, который верит в разум, человечность и в то, что любой, даже самый страшный вызов можно решить сообща. Самое удивительное в этой фантастике — её этический оптимизм: вера в то, что человек будущего будет не просто умнее и сильнее, но и лучше, добрее, мудрее.

Тем не менее было бы наивно противопоставлять эти два мира как чистые антагонисты — свет и тьма, надежда и отчаяние. Истина, как всегда, сложнее. Уже задолго до официального распада СССР — ещё в 1960-1970-е годы — в самой советской культуре начали зву-

чать тревожные, почти пророческие ноты, свидетельствующие о том, что утопический импульс иссякает, а система, призванная служить человеку, всё чаще превращается в бюрократическую машину, где форма подавляет содержание. Это не была диссидентская критика с позиций либерализма или капитализма; это был внутренний кризис веры — кризис тех, кто продолжал верить в идеалы, но видел, как они выхолащиваются, превращаются в ритуалы, в лозунги без души.

В «Солярисе» Тарковского (1972) будущее — не пространство победы разума, а зеркало человеческой немощи, одиночества и неспособности к подлинному контакту. В фильме «Кин-дза-дза!» (1986) — созданном в разгар перестройки, но вынашивавшемся годами — утопия превращается в абсурд: общество, доведённое до предела деградации, говорит на языке «ку», а социальная иерархия выражается в цвете штанов. Это уже не вера в лучшее завтра, а горькая аллегория на то, куда ведёт путь, лишённый этического наполнения, даже если он начинался с благих намерений. Фильм «Письма мертвого человека» страшным образом перекликается с западным «На последнем берегу», подводя печальный итог существования вида homo sapiens.

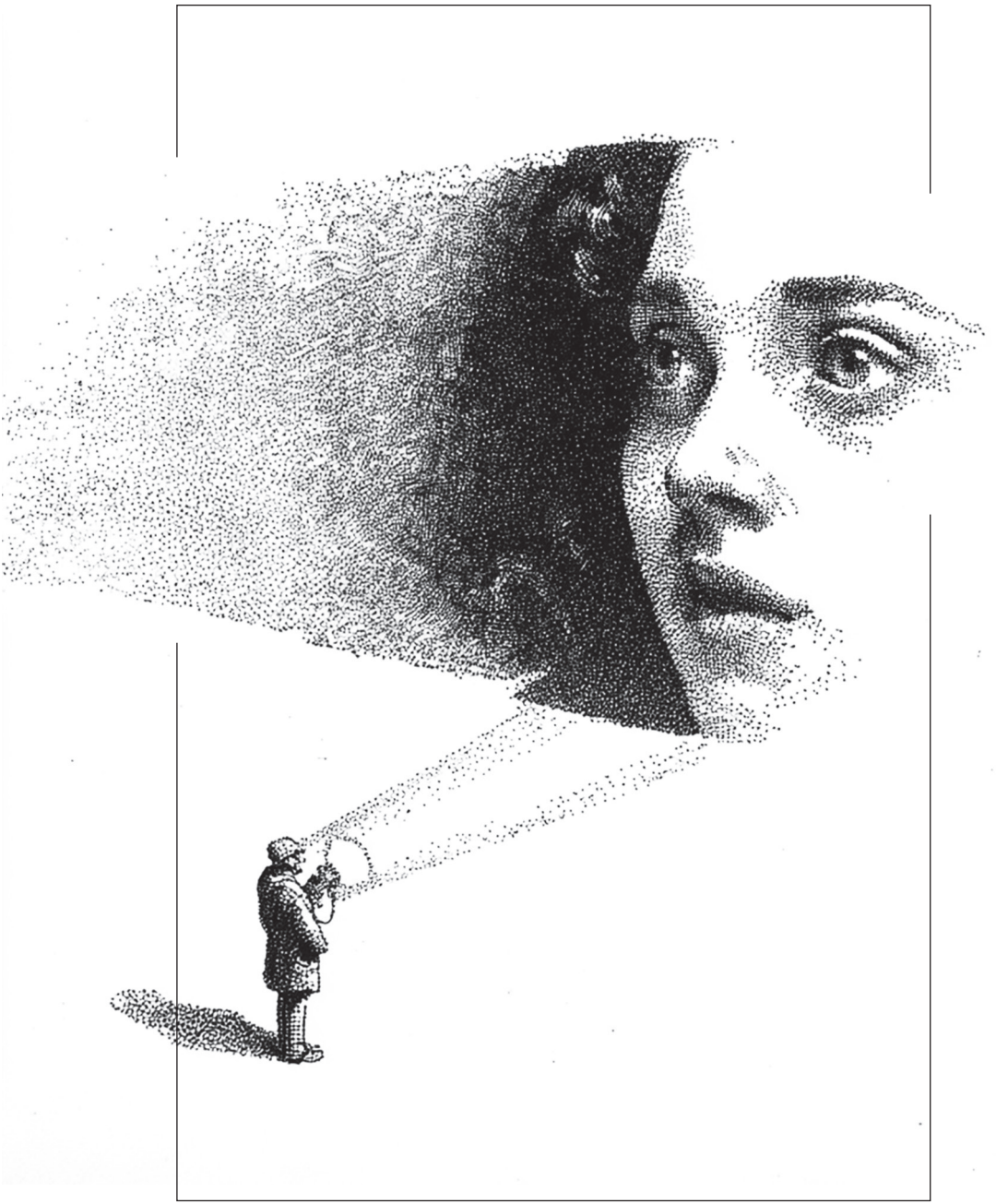
Вот подлинная сила искусства, обращающегося к будущему: оно может ошибаться в деталях, но прекрасно чувствует вектор. Оно улавливает трещины в фундаменте эпохи задолго до того, как рухнет здание. Уже в 1920-е Замятин в «Мы» предчувствовал ледяную логику тоталитаризма, который возникнет не вопреки разуму, а во имя него. В 1930-е Хаксли и Оруэлл увидели, как свобода может быть убита не штыками и пытками, а разобщением и страхом, изощренным психологическим внушением. В 1960-1980-е советские писатели и кинематографисты, сами того не ведая, писали реквием по собственной утопии — не потому, что перестали верить в человека, а потому, что видели, как идея за-

стывает в бюрократии, как мечта превращается в формуляр. А сегодня, в XXI веке, западное кино с мрачной настойчивостью рисует будущее, в котором демократия вырождается в спектакль. И это не фантазия. Это диагноз, вынесенный коллективным воображением цивилизации, которая уже интуитивно знает: если ничего не изменить, завтра будет хуже, чем сегодня. Искусство продолжает своё пророчество как предупреждение, которое можно услышать и сменить курс, и как свидетельство того, что выбранный курс ведёт к пропасти.

Речь не о призыве вернуться в прошлое, переписать историю, оправдать провалы реального социализма; речь идёт о констатации глубокого парадокса: та система, которая проиграла в экономическом и технологическом соревновании XX века, сумела породить гораздо более человечный, гораздо более жизнеспособный образ будущего, чем та, что победила. Возможно, современная глобальная растерянность, экзистенциальный тупик, в котором застряло человечество, связаны именно с этим: утопия коммунизма была объявлена тоталитарной и убита как проект, но замены ей так и не нашлось, и общество оказалось запертым в вечном комфортном, но безысходном настоящем, которое его же искусство уже давно похоронило в мрачных тонах киберпанка.

Будущее выкристаллизовывается из образов, которые цивилизация признаёт достойными, в которые вкладывает свои силы, своё воображение, свою веру. И пока главным образом завтрашнего дня остаётся одинокий беглец в дождевом плаще, спасающийся от системы, человечество обречено на реализацию именно этого сценария, потому что в него верит, даже если на самом деле не верит, как Нильс Бор в ту самую подкову. Мы всегда оказываемся в том мире, который проектируем.

Но что, если мы вспомним, если поверим, если расскажем о будущем, в котором можно не только выживать, но и жить?

Интерлюдия

Золотой телец: Анатомия одной гегемонии

В предыдущих частях мы рассмотрели системные противоречия капитализма, проистекающие из его внутренней логики. Теперь обратимся к его главному агенту и универсальному медиуму — деньгам. Их трансформация из технического инструмента, облегчающего обмен, в самодовлеющую абстрактную ценность представляется ключевым процессом, определяющим социальный ландшафт современности.

Возникнув как альтернатива неудобному бартеру, деньги постепенно эмансипировались от своей служебной роли. Сегодня они не просто измеряют стоимость — они определяют иерархии, жизненные траектории и становятся центральным объектом желания для значительной части общества. Безусловно, люди по-прежнему стремятся к счастью, здоровью, любви и признанию. Однако всё чаще эти цели опосредуются, а подчас и подменяются целью обладания денежными ресурсами, которые воспринимаются как универсальный ключ к их достижению.

Из этой логики закономерно произрастают наблюдаемые нами социальные феномены. Карьеризм обретает новые формы, где навыки самопрезентации и построения сетей контактов могут цениться выше, чем глубокая экспертиза. Потребительство превращается в самоценный ритуал, где акт покупки генерирует психофизиологическое вознаграждение, сравнимое с получением дохода. В условиях, когда системный успех измеряется финансовой эффективностью, стратегический оппортунизм, от мелкого жульничества до масштабных финансовых махинаций, получает негласное оправдание

вопросом «это работает?», вытесняющим вопрос «морально ли это?».

Более того, деньги создают уникальный феномен легитимного непроизводительного существования. Индивид, обладающий значительным капиталом, может годами или десятилетиями существовать в режиме чистого потребления, не внося вклад в создание материальных или культурных благ. Хотя это право защищено институтом собственности, его социальные последствия — усиление чувства несправедливости и скрытого структурного насилия — невозможно игнорировать.

Главная культурная трагедия этого процесса заключается даже не в доминировании денег, а в вызванной им эпистемической катастрофе — утрате знания о других способах жить и взаимодействовать. Общественное сознание с трудом реконструирует модели, где ценность времени не сводится к его денежной эффективности, где досуг становится пространством непрагматичного бытия, а отношения строятся на подлинной взаимной привязанности и совместном мире, а не на логике взаимной выгоды или социального контракта. Социологи вслед за Георгом Зиммелем отмечают, что денежная экономика формирует «интеллектуализированного» и расчетливого индивида, склонного оценивать скрытые затраты и потенциальные выгоды от каждого взаимодействия, — и эта установка постепенно вытесняет спонтанную практику «быть рядом просто так».

Этот кризис непрагматичных отношений особенно ярко проявляется в сфере интимности. Понятие «алетической связи» — отношений, основанных на взаимной открытости и совместном создании мира, — вытесняется логикой «социальной гомогамии». Исследования (ОЭСР, PEW Research Center) показывают устойчивый рост браков между партнерами с одинаково высоким уровнем дохода и образования; в некоторых развитых странах доля таких союзов увеличилась на 25-30% за по-

следние 40 лет. Капиталистическая логика подрывает подлинную близость, превращая гонку за ресурсами в механизм, отнимающий время и эмоциональные силы, необходимые для построения хрупких, требующих внимания связей. Одновременно транзакционная норма «ты — мне, я — тебе» проникает в интимную сферу, преобразуя партнерство в стратегический альянс по обмену статусом, финансовой стабильностью и социальными преимуществами. Таким образом, поиск родственной души подменяется заключением негласного контракта, а подлинная близость становится формой социального риска.

Вторая часть данного исследования была посвящена анализу сущностных, а не случайных черт капиталистического общества: одиночеству как норме, коммодификации науки и образования, иллюзии собственности и инструментализации искусства. Эти явления — не внешние изъяны, а следствия самой логики системы.

При этом фундаментальный вопрос остаётся открытым: как построить сложное, технологически развитое общество с высоким уровнем жизни, не делая экономическую эффективность и денежный стимул одним из главных приоритетов? Этот вызов является, пожалуй, величайшей проблемой для всей социально-политической мысли. Исторические попытки решить её до сих пор не увенчались успехом, неизменно приводя к потере либо уровня жизни, либо личных свобод, либо того и другого одновременно.

К этому вызову мы обратимся в четвертой части, а сейчас перейдем к опыту прошлого и науке настоящего: к провалам утопий, к философии подлинного выбора и к математике солидарности. Там, где идеология молчала, заговорит расчёт. Где мечта оборачивалась кошмаром, мы попробуем найти путь, начинающийся не с закона, а с одного человека.

Часть III:
Ответный удар

Глава 9

Провалы прошлого

Сказали мне, что эта дорога
меня приведёт к океану смерти,
и я с полпути повернула вспять.
С тех пор всё тянутся предо мною
кривые, глухие окольные тропы.

Акико Ёсано, танка «Трусость»

Мечта о справедливом обществе не раз приводила к трагедиям. Великие проекты, от Платона до Маркса, вдохновляли миллионы, но почти все они, воплотившись в реальности, превращались в свои собственные антиподы: вместо свободы возникал контроль, вместо равенства — новая иерархия, вместо братства — страх. На первый взгляд, это может выглядеть как приговор самой идее: будто человек по своей природе не способен к коллективизму, и любые попытки его «переделать» обречены на провал; будто утопии рушатся потому, что человек — эгоист, и из этого тупика нет никакого выхода.

Но что, если мы ошибаемся, обвиняя в крахе утопий природу человека, а не нашу собственную недооценку масштаба необходимой перемены? Что, если утопии рушатся не потому, что человек не способен к добру, а потому, что мы торопимся, ожидаем мгновенных результатов и позволяем власти подавлять культуру? Чтобы понять истоки бесчисленных крахов, нужно либо перестать винить несовершенство воплощения, либо

объявлять саму идею изначально невозможной. Следует обратить внимание на нашу собственную поспешность и страх перед долгим, терпеливым путём внутреннего преобразования, путём, который начинается не с закона, не с государства, а с одного человека.

Истоки утопизма.

Идея утопии — это не просто мечта о лучшем мире. Это попытка создать идеальное общество на основе представления о человеке как об абстрактном существе, которому можно придать нужную форму. Утописты всегда начинают с одного: они видят человека не таким, каков он есть, а таким, каким он должен быть. В этом их великая надежда и их фатальная ошибка.

Платон в «Государстве» выстраивает идеальное общество, управляемое философами-царями, где каждый занимает своё место в соответствии с природой своей души. Он не игнорирует низменные импульсы — наоборот, считает, что именно задача государства подавлять их через строгую систему воспитания, цензуру и социальный контроль. Но он верит, что разум может полностью подчинить страсти, если создать правильные институты. Проблема в том, что Платон не предлагает никакого пути от реального полиса к идеальному государству. Он не объясняет, как философы придут к власти, как преодолеть сопротивление элит или как вообще начать трансформацию. Остаётся только ждать чуда — или тирана, который вдруг станет мудрецом. Вдобавок его более поздние «Законы» демонстрируют осознание этой проблемы, предлагая менее совершенную, но более реалистичную модель, основанную на жесткой регламентации, признавая тем самым, что идеал недостижим без элемента принуждения.

Руссо, напротив, видел в человеке изначально доброе существо, порабощённое обществом. В естественном состоянии, по его мнению, люди были свободны, рав-

ны и сострадательны; именно частная собственность и социальные институты породили зависть, конкуренцию и угнетение. Но в «Общественном договоре» он уже не призывает вернуться к природе, а предлагает построить новое общество на основе «общей воли». Однако он так и не объяснил, как эту волю выявить, как отличить её от мнения большинства или от манипуляций и как защитить от превращения в диктатуру. Руссо оставил эти вопросы без ответа, создав концептуальную основу для самой безжалостной тирании, оправдываемой служением народу.

Маркс мечтал о посткапиталистическом мире, где «каждому по потребностям». Он полагал, что при коммунизме исчезнут не только частная собственность и классы, но и само отчуждение человека от труда и общества. Однако его модель страдала от принципиальной неопределенности. Он наметил переходный этап — диктатуру пролетариата, — но не описал ее институциональные формы и механизмы предотвращения вырождения новой власти в деспотическую бюрократию. Потребности, будучи по своей природе безграничными и социально сконструированными, делали его конечную цель утопичной не в философском, а в практическом смысле.

Все они обращались к государству, к обществу в целом, к массе, но почти никогда — к одному человеку. А ведь именно в каждом из нас лежит первооснова любого общественного устройства. Не нужно далеко ходить, чтобы понять это: достаточно понаблюдать за детьми на площадке, где уже в зародыше возникают те самые вечные конфликты, которые позже перерастают в войны, революции и перевороты. Малыш, только-только научившийся ходить, уже знает: «Это моё!», «Не отдам!» — и крепко сжимает в ручонках игрушку, не желая делиться даже с тем, кто рядом. Это естественная стадия развития, в которой проявляются

инстинкт собственности, защита своего пространства и стремление к контролю.

Современные маски утопизма.

Интересно, что сегодня мы наблюдаем не исчезновение утопических проектов, а их трансформацию. Вместо явных идеологий вроде марксизма или фашизма мы сталкиваемся с более мягкими, но не менее мощными формами упрощённого взгляда на человека и общество.

Популизм.

Один из самых заметных трендов последних лет — популизм. Он предлагает простую картину мира: есть «народ», хороший и честный, и есть «элита», коррумпированная и предательская. Такой подход работает, потому что упрощает реальность до уровня интуитивного восприятия. Люди чувствуют себя частью чего-то большего, но при этом освобождаются от необходимости разбираться в сложных социальных механизмах.

Проблема в том, что популизм тоже начинает с идеализации «народа», игнорируя его внутреннюю противоречивость. Народ может быть великодушным, но также и разъединённым, эгоистичным, легко управляемым. Как только популистская система сталкивается с этой реальностью, она склоняется к авторитаризму: если «народ» ошибается, значит, ему нужно «помочь» — или навязать истину.

Прогрессивные движения.

С другой стороны, прогрессивные движения тоже иногда становятся формой идеологического упрощения. Они стремятся к справедливости, равенству, защите меньшинств — всё это благие цели. Но в своих крайних проявлениях такие движения начинают требовать не просто изменений, а переформатирования сознания. Здесь снова возникает опасность: человек рассматрива-

ется как объект, который нужно переделать, обучить, «перевоспитать». Даже если это происходит не штыками, а через культурное давление, медийные кампании или образовательные программы, цель остаётся той же — изменить человека так, чтобы он соответствовал идеальной модели.

Как метко заметил Александр Зиновьев, советский философ и сатирик:

> *«Здесь должна была быть цитата из книги знаменитого философа и социолога Александра Зиновьева, но в открытом доступе большинства его книг больше нет. Ирония капитализма: набросить паранджу авторского права на книги и интервью человека, который был коммунистом и антиглобалистом.»*

Технологический утопизм.

Ещё один облик современной утопии — технологический утопизм. Здесь вера в прогресс превращается в веру в науку и технологии как панацею от всех проблем. Искусственный интеллект, генная инженерия, цифровизация жизни — всё это сулит возможность создать «нового человека», лишённого слабостей, болезней, даже смерти.

Впрочем, и здесь возникает тот же парадокс: чем больше мы пытаемся улучшить человека, тем больше рискуем потерять его человечность. Не ведёт ли это к ещё более масштабной и жёсткой ловушке контроля, чем современная ловушка потребления? Ведь тот, кому удастся контролировать энергию, данные и гены, будет управлять всем человечеством. Опираясь только на прогресс и игнорируя моральный и нравственный рост, мы с очень большой вероятностью придём к тоталитаризму в десятой степени.

Опыт СССР.

Советский Союз тоже пытался идти этим путём, создавая механизм воспитания, направленный на формирование нового типа личности — коллективистского, бескорыстного, дисциплинированного. Это был не просто образовательный проект, а настоящий социальный эксперимент масштабом в целую империю и длиной в несколько поколений. В нём были задействованы все институты власти и все аспекты жизни: школа, комсомол, кино, литература, пресса, даже детские пионерские лагеря — всё работало на одну цель: вырастить человека новой формации, для которого интерес коллектива всегда будет выше личных желаний.

И действительно, план срабатывал. Молодёжь вступала в комсомол, участвовала в стройотрядах, слушала уроки по политической грамоте, читала книги о героях труда и войны. У многих это вызывало искренний отклик. Были те, кто верил, кто видел в этих идеях справедливость, силу и высокую миссию. Система могла вдохновлять, особенно тех, кто рос внутри неё и не знал другого мира.

Но чем дальше продвигалось время, тем яснее становилось: дело не в людях и не в их разочаровании, а в самой структуре власти. Рыба гниёт с головы.

К семидесятым годам система воспитания начала давать сбой. Не потому, что люди стали хуже, а потому, что она сама себя исчерпала. Идеология, которая должна была быть источником смысла, превратилась в ритуал. Уроки по политинформации велись формально, школьники заучивали тексты, не задумываясь об их содержании, а молодые коммунисты вступали в партию скорее ради карьеры, чем из убеждений. Вместо духовного роста — формальное следование нормам. Вместо коллективизма — карьеризм. Вместо служения обществу — стремление к личному комфорту. Идеология стала фоном, за которым прятались интересы, компромиссы и коррупция.

Это было не внезапное разрушение системы, а её медленное внутреннее расслоение. Люди продолжали говорить на языке официальной идеологии, но жили по своим правилам. Существовало два уровня реальности: декларативный, где ты герой, борец, энтузиаст; повседневный, где важно получить дефицитный товар, устроиться на хорошее место, защитить свою семью.

Именно так начинается разрушение любой утопии: когда человек чувствует, что его природу игнорируют, он начинает обманывать систему, чтобы выжить внутри неё. Он говорит то, что нужно, делает вид, что верит, но в глубине души знает: всё это фасад.

Система, задуманная как многопоколенческий процесс, потеряла смысловую основу гораздо раньше. Аппарат управления превратился не в авангард, а в новую бюрократическую элиту, номенклатуру, для которой важнее стало положение, чем дело. Организация, которая зарождалась как движение, превратилась в структуру, где главной ценностью стал порядок, а не прогресс. Чем дальше, тем меньше людей в руководстве были готовы рисковать ради идеи. Их задачей стало не развитие, а сохранение статус-кво. Они защищали систему не потому, что верили в неё, а потому, что зависели от неё.

Номенклатурная элита не была злодейской. Она была просто человеческой — стремилась к безопасности, благосостоянию, привилегиям. Такова природа человека, и никакое количество утопических проектов не способно её изменить.

Слабости системы воспитании особенно ярко проявлялись в образовании. Учителя, которые когда-то могли искренне верить в силу просвещения, теперь читали по бумажкам заученные и формальные истины. Никаких дискуссий, никакого поиска — только шаблонное повторение догмы. Молодёжь перестала верить в предназначение. Она не была циничной, просто перестала видеть связь между словами и реальностью. Когда тебе

говорят о братстве, а ты видишь, как родители дают взятки, чтобы попасть в университет, возникает внутренний разлад. Когда тебе объясняют, что труд — это высшая ценность, а ты знаешь, что кто-то получает больше просто потому, что имеет связи, ты начинаешь понимать: система говорит одно, а живёт совсем иначе.

И тогда идея становится не движущей силой, а декорацией. Она остаётся, но уже без смысла, как старый плакат на стене, на который давно никто не смотрит.

Развал Советского Союза начался задолго до 1991 года. Он начался тогда, когда воспитательная система перестала пробуждать в людях веру. Когда идея стала формой без содержания. Когда новые поколения перестали видеть в ней опору — и увидели лишь ограничение. Утопия не рушится внезапно. Она медленно истощает доверие, пока не остаётся ничего, кроме пустых слов и пустых глаз тех, кто их произносит.

Из всего этого следует не скептицизм, а предостережение. Провалы прошлого не доказывают, что справедливое общество, тот самый идеальный мир из первой главы, невозможно. Все неудачи построения антикапиталистических обществ, от революций восемнадцатого века до переворотов двадцатого, доказывают на самом деле лишь одно: построение такого общества — чрезвычайно непростая задача, которая решается только путем проб и ошибок, и эта задача на порядок сложнее, потому что капитализм воспроизводится сам, через страх, конкуренцию и потребление, тогда как справедливое общество требует постоянного, сознательного, добровольного усилия множества людей. Потому что такое общество, такое государство, нельзя построить сверху, по шаблону, в отрыве от живой, противоречивой, неидеальной человеческой природы. Любая система, претендующая на вечную справедливость, но игнорирующая внутреннюю свободу личности, рано или поздно превращается в театр, где все играют роли, но никто не верит в пьесу.

Настоящее общество не создаётся ни законом, ни революцией. Оно вырастает — медленно, незаметно — из множества добровольных этических выборов, совершаемых в повседневности. Оно требует не идеальных людей, а пространства, где человек может ошибаться, сомневаться, меняться — и при этом оставаться достойным уважения.

Поэтому альтернатива капитализму и иным тотальным системам заключается не в очередной всеобъемлющей доктрине, а в фундаментальном антропологическом повороте: в отношении к человеку как к суверенному источнику смысла и со-творцу общественного устройства.

Только общество, способное институализировать этот принцип, то есть создать правовые, экономические и социальные механизмы, работающие на доверии, а не на тотальном контроле, имеет шанс не повторить судьбу утопий прошлого. Его сила должна проистекать не из принуждения к «правильному» сознанию, а из добровольного признания и уважения к внутреннему выбору каждого.

В противном случае мы обречены вечно метаться между двумя сторонами одной медали: между ловушкой потребления, атомизацией индивида через рыночный расчет, и ловушкой принуждения, растворяющей его в коллективе через идеологический прессинг. И та, и другая в конечном счете лишают человека права на его собственную сущность.

Глава 10

Философия без лица

«Начало философии не удивление, как учили Платон и Аристотель, а отчаяние.»

Лев Шестов, «Киркегард и экзистенциальная философия»

Все утопии рушатся на одном и том же: на неспособности видеть реального человека. Не идеального, не усреднённого, не «рационального агента», не элемента социального механизма, а живое, дрожащее существо, разрываемое между долгом и желанием, между верой и отчаянием, между страхом смерти и жаждой смысла. Вопрос, который встаёт перед нами сегодня, не теоретический и даже не политический, он экзистенциальный: как увидеть этого человека? Как признать его не в качестве материала для преобразования, а как событие, уже совершившееся, уже полное, уже достойное, — даже в своей боли, даже в своём падении?

Во всех проектах «нового общества», от Платона до марксистских манифестов, от технократических утопий XXI века до экологических мегапланов будущего, человек не выступает субъектом, несущим смысл, а становится объектом: глиной для лепки, шестерёнкой для механизма, молекулой для перестройки. И это не злой умысел, а следствие более глубокого забвения: отказа признать, что человек уже есть, здесь и сейчас, во всей своей противоречивой целостности. Если же

видеть в нём лишь заготовку под «лучшее будущее», то его боль, сомнения, непредсказуемость перестают быть признаками жизни и превращаются в помехи, которые надо устранить. Так любовь к человечеству оборачивается насилием над человеком.

Но человек не проект. Он — событие, происходящее в каждом мгновении, в каждом выборе, сделанном вопреки логике, выгоде, даже собственному «я». И если попытка «улучшить» его исходит не из признания его полноты, а из веры в возможность его переделать по чужому замыслу, то такая попытка, какой бы благородной ни казалась, есть акт отрицания: отрицание его присутствия, его свободы, его права быть не таким, каким его хотят видеть. Именно поэтому любая система, которая не оставляет места для непредсказуемого, для сбоя, для внутреннего бунта, обречена — и не потому, что люди «плохие», а потому, что она построена на песке абстракции.

Именно к живому человеку обращаются те мыслители, которых философская традиция часто сводит к ярлыкам. Их идеи разбиваются на цитаты, встраиваются в учебные схемы, классифицируются по рубрикам: «экзистенциализм», «иррационализм», «субъективизм», — и на этом их понимание обычно заканчивается. Среди них Сёрен Кьеркегор, которого включают в историю философии как «отца экзистенциализма» и которому приписывают тезис о субъективности истины, часто интерпретируя его как утверждение, будто «важно только твоё мнение». Но такая трактовка глубоко искажает суть его размышлений.

Кьеркегор не утверждал, что истина относительна или что каждый волен верить во что угодно. Он говорил о другом: истина, касающаяся человеческого существования, не может быть отделена от того, кто её переживает. Она не формулируется в виде общего закона и не передаётся как знание. Она реализуется в момент выбора, в ответственности: перед смертью, перед необ-

ходимостью действовать, перед тем, что ещё не названо, но уже требует ответа. Для него подлинная истина не рождается в рассуждении, а проявляется в страдании, в решении, принятом в одиночестве. Она требует не принятия чужой доктрины, а личного вовлечения, при котором человек не может переложить ответственность на общество, традицию, авторитет или логику.

Он писал: «Истина есть субъективность» — и эту фразу часто вырывают из контекста, чтобы обвинить его в релятивизме. Но Кьеркегор имел в виду не «каждому — свою правду», а нечто гораздо более строгое: истина, касающаяся жизни, существует только тогда, когда ты готов за неё страдать. Ты можешь знать всё о любви, но не любить. Можешь цитировать законы, но не быть справедливым. Истина не в том, что ты говоришь, а в том, как ты проживаешь то, о чём говоришь. У Кьеркегора эта субъективность достигала своей высшей напряжённости в отношении к Богу. Но даже если отвлечься от богословия, остаётся суть: подлинное знание рождается только в ответственности за свой выбор. Бог не догма, а символ абсолютного требования, перед которым невозможно спрятаться за мнением большинства, за логикой или за «так принято». Сегодня мы можем назвать это требование совестью, внутренним законом, голосом непознанного, которое зовёт нас быть больше, чем мы есть.

Кьеркегор отказался от построения отдельной философской системы. Он не предлагает утопического общества, не создаёт школу, не даёт универсальных правил поведения. Его интересует не то, как устроить мир, а как человек становится самим собой, через разрыв с нормами, ситуацию, в которой исчезают все внешние ориентиры и остаётся только необходимость решать, не зная, правильно ли это, не имея подтверждения, не обладая никакими гарантиями.

Этот момент он описывает в «Страхе и трепете» через

фигуру Авраама, который получает повеление принести в жертву сына. Кьеркегор подчёркивает: Авраам не может говорить. Его выбор выходит за пределы «всеобщего»: этики, права, морали. Если бы он попытался объяснить: «Бог велел мне убить сына», его бы сочли либо безумцем, либо убийцей. Потому что в сфере человеческого разума и морали нет места повелению, которое требует жертвовать самым святым ради невидимого обязательства. Именно поэтому его молчание — знак подлинности: он не ищет оправданий и не просит понимания. Он стоит один перед выбором, который нельзя ни обосновать, ни с кем-либо разделить.

Для Кьеркегора это одиночество — одиночество перед Богом. Однако даже без религиозного измерения оно остаётся: это одиночество перед лицом собственной свободы, перед тем, что ещё не названо, не понято, но требует ответа здесь и сейчас. Бог в этом контексте — метафора абсолютного горизонта ответственности, за которым нет оправданий. И именно в этом пространстве, где невозможно прятаться за ролями, становится возможной подлинная вера, подлинный выбор, который не опирается на внешние основания, а исходит из внутреннего обязательства.

Если человек не прошёл через этот опыт, если он не столкнулся с невозможностью постулировать решение, не ощутил, как рушатся все опоры, тогда его действия остаются формальными: следованием правилам, выполнением социальной функции, воспроизведением заданного обществом сценария. Он существует, но не живёт.

И всё же есть путь через преодоление. Фридрих Ницше, почти современник Кьеркегора по духу, но диаметрально противоположный по жесту, тоже отвергал «последнего человека», кто хочет только тепла, безопасности и согласия. Но вместо обращения к Богу или к внутреннему долгу он призывал: «Стань тем, кто ты есть».

Для Ницше подлинный выбор — акт творчества.

Не «я должен», а «я хочу — и создаю себя заново». В «Так говорил Заратустра» он пишет: «Человек есть нечто, что должно быть преодолено». Это звучит жестоко, но в основе — та же боль, что и у Кьеркегора: отвращение к пассивности, к жизни по инерции, к существованию, где человек лишь повторяет чужие слова.

Однако Ницше не верит в «барьер» как в момент смирения. Для него барьер — это скала, которую нужно взорвать, чтобы проложить путь сверхчеловеку. Он не ищет опоры в непознанном — он сам становится тем, кто ставит новые ценности, кто говорит «да» миру, даже в его жестокости. И Кьеркегор, и Ницше сходятся в одном: человек не может быть частью системы, если он не стал собой вне её. Один достигает этого через внутреннее «да» долгу, другой — через волю к самосозиданию. Один смотрит в бездну с трепетом, другой с вызовом. При этом оба знают: пока человек не прошёл через одиночество выбора, он не человек, он чье-то эхо, эхо чьих-то инструкций, наставлений, образа мышления, заложенной обществом программы. Парадокс Ницше в том, что его призыв к самосозиданию был использован для создания самых жестоких систем «улучшения» человека: от расовой гигиены до цифрового отбора «продуктивных» личностей. Почему? Потому что он, как и все великие мыслители, говорил о внутреннем подвиге, а его последователи увидели в этом внешний критерий. Они забыли: сверхчеловек — вовсе не тот, кто сильнее других, а тот, кто несёт в себе противоречие и не боится быть сломленным им. Так философия свободы превратилась в идеологию отбора — ещё одну утопию, построенную на отрицании реального человека.

Ницше прав: человек не должен быть жертвой. Кьеркегор прав: человек не должен быть тираном. Подлинный выбор — это не покорность и не воля к господству, а ответственность за то, чтобы быть целостным, даже когда мир требует от тебя быть либо глиной, либо мо-

лотом. Именно в этом напряжении между смирением и творчеством, между принятием и преодолением, рождается человек, способный к подлинному обществу.

Этот человек не абстракция. Он — тот, кого видели прошедшие через ад системы. Лев Шестов не принимал ни рационализма, ни прогресса, ни «исторической необходимости», но видел, как эти великие слова прикрывают собой страдание одного-единственного, как они оправдывают боль, унижение, уничтожение ради «высших целей». Для него философия, говорящая о «человеке» в общем, была не просто бессмысленной, а бездушной, потому что за общим понятием исчезал конкретный страдающий, тот, кто боится смерти, не знает, зачем продолжать, не верит уже ни в справедливость, ни в будущее.

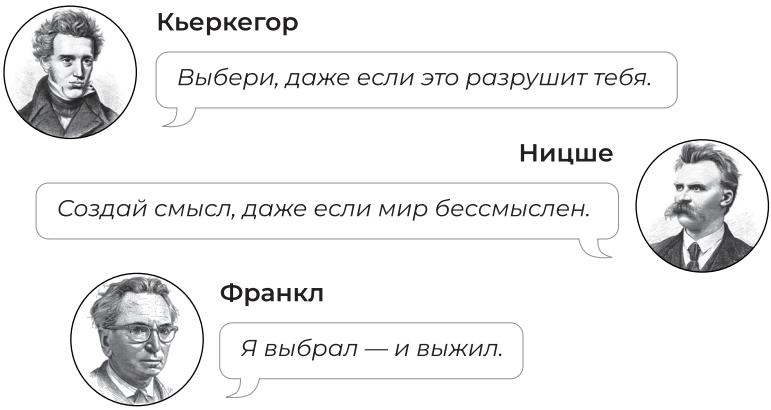
> *«Философия любит общие понятия. Она говорит: человек, общество, исторический процесс... Но я спрашиваю: а что с этим человеком? Что с его болью, страхом, сомнением?»*

Этим вопросом он разрушал весь фасад философской уверенности: если ты не можешь ответить на вопрос о боли одного человека, все твои теории о спасении миллионов превращаются в риторику, в ложь, ибо спасение не может быть коллективным, если оно не начинается с каждого, и человек не может быть частью «человечества», если он уже или ещё не человек.

Виктор Франкл, психиатр, выживший в концлагере, писал: «Человека нельзя лишить последнего — права выбирать своё отношение к страданию». И это не утешение, а факт существования: даже в условиях, когда отняты свобода, достоинство, любовь, человек остаётся свободным, не чтобы избежать боли, а в том, как он к ней относится. Эта свобода не даётся системой, она

изначальна, как дыхание. Жить не для того, чтобы избежать страдания, а чтобы найти предназначение. Остаться собой, даже когда всё, что можно отнять, — отнято. Если ты можешь выбрать своё отношение к страданию, ты не побеждён, даже в аду можешь сохранить человеческое достоинство как свой выбор.

Интересно, что Франкл цитировал Ницше: «Тот, кто имеет зачем жить, выносит почти всякое как». Здесь сходятся все три голоса:

И все они — Кьеркегор, Ницше, Шестов, Франкл — не предлагают утопии, не строят систем. Они просто возвращают человека к себе, говоря: «Стой. Перестань строить. Посмотри — вот человек. Он дрожит. Он боится. Он не знает, зачем живёт. Но он — есть. И если ты не видишь его — ты не видишь ничего».

Именно с этого нужно начинать — с человека со всей его хрупкостью, противоречиями, способностью страдать и при этом оставаться собой. Иначе построенный мир разрушится — не потому что люди «плохие», а потому что построен он на песке, на абстракции, на вере в то, что человека можно переделать.

История показывает: попытки строить общество,

игнорируя реального человека, обречены на трагический итог. Философские системы слишком часто напоминают чертежи идеального моста, нарисованные на бумаге, красивые, логичные, математически точные, созданные в кабинетах, где не слышно дыхания жизни, где не чувствуется запах страха, не видна дрожь в руках, не слышен плач ребёнка. А строить их приходится не из блестящих материалов, а из тех, что есть: кривых брёвен, гнилых досок, плохо обработанного камня, — с трудом, с усилием, с верой в правильность проекта. Но пойдёт по этому мосту не абстрактный «человек», а живые, конкретные люди: с сумкой в руке, с ребёнком на руках, с подозрением в глазах. Кто-то побежит, кто-то задумчиво остановится, а кто-то решит аккуратно разобрать его часть на дрова, чтобы согреть хижину.

В этом великая трагедия всех философских проектов: их строят на представлении о человеке как об абстрактной модели, а сталкиваются с реальным: несовершенным, непредсказуемым, противоречивым. И сколько бы ты ни чертил чертежи, сколько бы ни писал программ, человек всё равно остаётся собой. И если система не предусматривает гибкость, не допускает хаоса, не признаёт свободы — она рушится, потому что человек не шестерёнка, не глина, не заготовка. Он живой, свободный, полный противоречий, и именно в этих противоречиях его красота, его достоинство, его вечность.

Может быть, именно поэтому идеальный мир невозможно построить сверху, снаружи. Он может только расти, медленно, изнутри, из нас самих, из признания, что мы не идеальны, что мы боимся, что мы ошибаемся, что мы страдаем. И только опираясь на всю полноту человеческой природы, светлую и тёмную, великодушную и эгоистичную, сильную и слабую, может родиться общество, которое будет дышать не идеологией, не пропагандой, не принуждением, а Идеей, которая звучит в тишине между верой и сомнением, между жизнью

и смертью и которую каждый должен услышать сам, в своём одиночестве, чтобы потом — уже не как функция, а как личность — войти в общий дом, где не нужны законы на каждый поступок, потому что каждый несёт в себе закон, который нельзя переступить.

Глава 11

Математика солидарности. Теория игр как аргумент за общее благо

«Он стал поэтом — для математики не хватило воображения».

Давид Гильберт

Человек появляется в мире в состоянии полной зависимости, не имея ни языка, ни понятий, ни даже ощущения собственной целостности, и лишь постепенно, через бесчисленные столкновения с внешним, тепло рук матери, боль падения, запрет, произнесённый ласковым, но непреклонным голосом — он начинает вычерчивать границы «Я», которые не существуют сами по себе, а возникают исключительно во взаимодействии с «другим». Именно в этом медленном, почти геологическом процессе формирования субъективности, в череде «можно» и «нельзя», в напряжении между желанием и возможностью, закладывается первая, самая глубокая подсознательная мысль о том, что быть человеком — значит не просто существовать, а существовать вместе, даже если это «вместе» начинается с простого факта: чей-то голос отвечает на твой крик.

С годами это ощущение усложняется, обрастает слоями опыта, превращается в систему вопросов, которые уже не могут быть сняты инстинктом: кто я на самом деле? тот, кого я чувствую в тишине собственного сознания, со всеми его мечтами, страхами и неповтори-

мыми изгибами внутреннего мира, или тот, кого видят другие, чьи ожидания, требования и надежды ложатся на меня как невидимый груз? И если я выберу быть собой до конца, не пойду ли я на то, чтобы разрушить нечто, связывающее меня с другими? А если я подчинюсь общему, не потеряю ли я самого себя в этом растворении? Эти дилеммы не приходят внезапно, они созревают в нас годами, питаясь каждым конфликтом, каждым молчаливым компромиссом между тем, что хочется, и тем, что можно, и как раз в этом постоянном колебании между личной свободой и социальной необходимостью рождается та напряжённая дуга, на которой держится вся человеческая цивилизация.

История общественных систем — по сути, история попыток разрешить это напряжение в пользу одного из полюсов: либо абсолютизировать индивидуальную свободу, либо подчинить её коллективному благу. Обе эти стратегии нашли своё выражение в двух великих идеологиях Нового времени, капитализме и коммунизме. Первая провозгласила высшей ценностью право личности на самореализацию через конкуренцию и частную собственность. Вторая — право коллектива на справедливое распределение ресурсов и равенство возможностей. Однако ни одна из этих систем, сколь бы ни были велики их достижения и благородны намерения их основателей, так и не смогла преодолеть внутреннего противоречия: капитализм, доведённый до логического завершения, превращает общество в арену бесконечной борьбы, где доверие становится уязвимостью, а сотрудничество — признаком слабости; коммунизм, стремясь к гармонии целого, нередко подавлял индивидуальность как источник хаоса и нестабильности, забывая, что именно в свободе личности зарождается всё новое и живое.

Вечная дилемма: кто важнее, человек или общество? Кто должен подстраиваться под кого? Что более ценно, свобода выбора или коллективная цель?

И всё же за пределами идеологических баталий существует область, где этот спор может быть разрешён не словами, а расчётом. Область, где холодная логика формул оказывается на удивление гуманной. Это теория игр, которая родилась как математический инструмент анализа стратегических конфликтов и постепенно превратилась в одно из самых ясных зеркал человеческого взаимодействия, способное показать, что сотрудничество — это не уступка слабости, а, напротив, стратегия, выстраданная опытом как наиболее устойчивая и выгодная в долгосрочной перспективе.

Рассмотрим знаменитую дилемму заключённого. Два участника независимо выбирают: сотрудничать или предать. Если оба сотрудничают, каждый получает по 2 очка. Если один предаёт, а другой нет, предатель получает 3, а доверившийся — 0. Если оба предают, каждый получает по 1. Максимальный общий результат — 4 (при сотрудничестве), минимальный — 2 (при взаимном предательстве). Казалось бы, разумный выбор — сотрудничать. Но логика эгоиста иная: «Если партнёр сотрудничает, мне выгоднее предать (3 > 2). Если он предаёт, мне всё равно выгоднее предать (1 > 0). Значит, я всегда должен предавать». И если оба рассуждают эгоистично, то получают по 1. То есть результатом такого «рационального» выбора становится худший общий исход, и именно в этом парадоксе, в том, что сумма индивидуальных рациональных решений ведёт к коллективной иррациональности, кроется суть «трагедии общин», описанной Гарреттом Хардином, где каждый пастух, стремясь максимизировать свою выгоду, приводит общее пастбище к полному истощению.

Эту логику можно применить к самой простой, почти первобытной ситуации. Представим двух людей на необитаемом острове. У них есть выбор: ухаживать за общим огородом или заботиться только о себе. Если оба выбрали сотрудничество, трудятся вместе, то уро-

жай велик и остаётся время на охоту, оба сыты, оба сильны. Если каждый строит свой огород, сил хватает лишь на выживание, тогда рацион скуден и охота невозможна. Но если один упорно работает, а другой тайком ворует урожай и тратит освободившееся время на охоту, вор оказывается в выигрыше: у него и разнообразная еда, и силы. А трудяга голодает, слабеет, теряет надежду. Если применять принцип из дилеммы и рассуждать рационально, то каждый выберет путь вора — и в результате оба останутся без всякого огорода, на подножном корму. Именно так разрушается общее благо: не из злобы или глупости, а из холодного расчёта, который не видит дальше сегодняшнего дня.

Ситуация, в которой все участники получают меньше, чем могли бы, но при этом никто не может улучшить своё положение, изменив стратегию в одиночку, называется равновесием Нэша. Оно не обязательно эффективно, но оно устойчиво: никто не отклонится от него добровольно, потому что любой односторонний шаг к сотрудничеству будет наказан предательством. Противоположное состояние оптимум Парето, при котором невозможно улучшить положение одного участника, не ухудшив положение другого; иными словами, это максимально возможная эффективность для группы в целом при данных условиях. В дилемме заключённого оптимум Парето достигается при взаимном сотрудничестве (по 2 очка каждому), а равновесие Нэша — при взаимном предательстве (по 1). И разрыв между ними — не просто математическое различие, а социальная трагедия: общество застревает в состоянии, которое хуже всех возможных, но выхода из него нет, пока участники не начнут видеть друг друга не как разовых соперников, а как постоянных партнёров по одной и той же игре.

Однако картина радикально меняется, если игра не однократна, а повторяется во времени. Именно при условии, что есть возможность запомнить, отомстить,

простить, вознаградить, — рождается пространство для доверия. Знаменитые турниры Роберта Аксельрода показали, что в условиях повторяющегося взаимодействия наиболее успешной стратегией оказывается не циничный эгоизм, а «око за око»: простая, почти примитивная тактика, начинающаяся с сотрудничества и отвечающая на каждый ход партнёра зеркально. И ещё более поразительно то, что единственной стратегией, способной превзойти её, была та, что с небольшой вероятностью прощала предательство, тем самым вводя в игру элемент, который можно назвать только одним словом — надежда. Это не просто победа в компьютерной симуляции — это математическое свидетельство того, что альтернатива рекурсивному циклу «тревога-потребление» существует. Устойчивость и успех принадлежат не тому, кто максимизирует сиюминутную выгоду, а тому, кто способен к кооперации и ответной реакции, то есть к построению долгосрочных отношений.

Более того, ещё в 1944 году Джон фон Нейман и Оскар Моргенштерн в своей фундаментальной работе «Теория игр и экономическое поведение» заложили основы кооперативной теории игр, где игроки могут заключать соглашения и формировать коалиции. В этом подходе появляется понятие «ядро»: множества таких распределений выигрыша, которые устойчивы в том смысле, что ни одна подгруппа игроков не имеет стимула выйти из общего соглашения, поскольку не сможет получить больше в одиночку. Иными словами, «ядро» — это математическая модель справедливости, при которой коллективный выигрыш распределён так, что никто не чувствует себя обделённым настолько, чтобы разрушить систему. Хотя «ядро» не всегда существует, сама идея указывает на то, что устойчивость общества зависит не от абсолютного равенства, а от восприятия распределения как достаточно справедливого.

И всё же даже математика в своей стремительной уве-

ренности признаёт собственные границы. Например, знаменитая теорема Кеннета Эрроу о невозможности, сформулированная в 1951 году, с ледяной логической строгостью доказывает: не существует такого механизма коллективного выбора, который бы одновременно удовлетворял четырём, казалось бы, совершенно разумным и демократическим требованиям. Во-первых, он должен уважать индивидуальные предпочтения: если каждый предпочитает вариант А варианту Б, то и общество в целом должно предпочесть А. Во-вторых, он должен быть независим от посторонних альтернатив: выбор между А и Б не должен зависеть от того, присутствует ли в списке кандидат В. В-третьих, в системе не должно быть диктатора: ни один отдельный голос не должен автоматически определять общественное решение. И, в-четвёртых, коллективные предпочтения должны быть транзитивны: если общество предпочитает А перед Б, а Б перед В, то оно должно предпочитать А перед В, а не зацикливаться в парадоксальных петлях. Теорема Эрроу показывает, что любая попытка построить процедуру голосования или принятия решений, удовлетворяющую всем этим условиям сразу, обречена на провал: либо появится диктатор, либо предпочтения станут непоследовательными, либо система окажется уязвимой к манипуляциям через добавление «технических» кандидатов. На первый взгляд, это звучит как приговор демократии, как доказательство того, что «общая воля» есть иллюзия, а справедливое решение невозможно в принципе. Но на самом деле теорема Эрроу не отрицает возможность согласия, она лишь указывает, что это согласие не может быть достигнуто исключительно формальными, механическими средствами. Гармония не рождается из правил подсчёта голосов, а вырастает из живой ткани отношений: из повторяющихся взаимодействий, из памяти о прошлых поступках, из способности прощать ошибки и помнить

добрые дела, из готовности видеть в другом не соперника, а партнёра в одной и той же длительной игре. Именно через доверие, через «математику солидарности», которая не записана ни в одной аксиоме, но живёт в каждом решении выбрать «мы» вместо «я», — сообщество обходит формальную невозможность и создаёт то, что формулы назвать не в силах: справедливость как устойчивое состояние совместного бытия.

Но что происходит, когда общество не может или не хочет строить эти повторяющиеся доверительные связи? Когда оно пытается решать проблемы не через кооперацию, а через атомизацию и контроль? Эту логику легко увидеть в самом обыденном месте, во дворе многоквартирного дома, где гуляют дети и собаки. Всё начинается с малого: кто-то не убирает за своей собакой. Остальные это замечают и думают: «Зачем я трачу деньги на пакетики, если другие этого не делают? Мой вклад всё равно не спасёт двор». Постепенно всё больше владельцев перестают убирать. Усилия немногих «чистоплотных» становятся всё более бессмысленными: двор всё равно грязный, а их добросовестность выглядит как наивность. Вскоре никто не убирает за собаками. Двор превращается в антисанитарию. Собаки болеют, подхватывая инфекции. Родители запирают детей дома. Это первое равновесие Нэша: устойчивое, логичное с точки зрения каждого, но катастрофическое для всех.

Тогда общество пытается «исправить» ситуацию, но не через восстановление доверия, а через принуждение. Вводятся штрафы за неуборку. Однако контроль сложен, а штрафы вызывают обиду. Тогда в ход идёт следующий шаг: полный запрет на выгул собак во дворе, а то и вовсе на содержание домашних животных в доме. Двор становится безупречно чистым. Дети снова гуляют. Порядок восстановлен. Но порядок этот — кладбищенский.

Исчезло целое измерение жизни двора: радость от общения с животными, ритуал утренних и вечерних про-

гулок, неформальные разговоры между собачниками, которые нередко становились первыми нитями соседских связей. Общественное пространство, некогда живое и многоцелевое, превратилось в монокультурную зону, чистую и функциональную, но мёртвую. Этот порядок достигнут ценой уничтожения целого пласта повседневной культуры и лишения одной из групп граждан, владельцев собак, права на равное участие в жизни общего пространства. Общество тем самым признало своё банкротство: оно оказалось неспособным к самоорганизации, к выработке неформальных норм, к кооперации. Единственным «рабочим» механизмом оказался тотальный запрет. И это опасный прецедент! Любую сложную социальную проблему теперь можно «решить» тем же способом: просто ликвидировав мешающий элемент. Теперь любая напряжённость между интересами должна быть принесена в жертву ради иллюзии простоты и контроля.

Но маятник равновесия может качнуться стремительно в обратную сторону. Хотя и не самый вероятный, но возможный вариант. Кто-то, лишившись любимой собаки, начинает видеть в детях не просто шумных соседей, а виновников своей утраты. Обида перерастает в злобу. Появляются «случайные» отравленные конфеты на детской площадке, «шутки» про «надоело это детское визжание», анонимные жалобы в органы опеки. Дети снова исчезают со двора, но теперь не из-за грязи, а из страха. Во дворе ни собак, ни детей. Лишь бетон, молчание и взаимное недоверие. Наступает третье равновесие Нэша: уже не просто неэффективное, а активно враждебное. Общество не только перестало сотрудничать, а начало наносить ущерб самому себе, чтобы наказать «другого».

Именно так и работает капиталистическая логика, когда она пытается решать проблемы через механистические, атомизированные меры: штрафы, запреты, изоляцию, — вместо того чтобы восстанавливать живые

связи. Каждое такое «решение» не снимает напряжение, а накапливает его, как сжатую пружину. И когда пружина срывается, отдача оказывается сильнее, чем исходный импульс.

Здесь возникает ключевое, хоть и упрощённое для ясности, противопоставление логических моделей. В идеальной коммунистической модели, где коллективный интерес задан изначально как высшая цель и внутренне принят каждым, оптимум Парето достигается почти мгновенно, так как психология поведения людей изначально включает группу в свой расчёт. Разумеется, эта модель является утопической абстракцией — на земле еще не было создано ни одного общества, хоть сколько-то к ней приближенного. В идеальной же капиталистической системе, где каждый действует исходя из личной выгоды и где связи между людьми часто носят анонимный, одноразовый характер, путь к эффективности оказывается долгим, хрупким и легко обрываемым: стоит только исчезнуть уверенности в завтрашнем дне, как все возвращаются к равновесию Нэша с минимальной эффективностью. А поскольку капитализм по своей природе склонен к кризисам, к разрыву связей, к превращению людей в «свободные атомы», это равновесие становится не временной фазой, а устойчивым состоянием застоя, в котором общество продолжает существовать, но перестаёт развиваться, созидать, мечтать. Как и в сфере искусства, система здесь не умирает громко, а замирает, истощая будущее ради выживания сегодня. И в этом её трагедия: не в зле, не в жадности, а в том, что её собственная логика ведёт к равновесию, которое устойчиво, но мертво.

Неудивительно, что искусство будущего так часто рисует антиутопию: мир дождя и бетона, где природа вытеснена асфальтом, а доброта кажется подозрительной. Это не фантазия, а математически обоснованный прогноз. Капиталистические общества, построенные

на одноразовых взаимодействиях, на анонимности, на максимизации краткосрочной выгоды, неизбежно входят в постепенно сужающуюся спираль ухудшения отношений. Каждый виток этой спирали — это новое, более жёсткое равновесие Нэша, где эффективность падает всё ниже, а взаимная враждебность растёт. И если не вмешается нечто большее, не закон или технология, а новая этика солидарности, основанная на вере в повторяющуюся игру, то финал этой спирали предсказуем: общество, которое технически существует, но человечески уже мертво.

Именно поэтому путь от одиночества к сообществу нельзя назвать естественным в простом смысле этого слова: он не дан от рождения, он не следует автоматически из биологии или инстинкта. Напротив, каждый человек приходит в мир как абсолютный индивидуалист, чьё сознание ещё не вмещает даже идеи «другого». И только через годы, через радость признания, через опыт того, что твоё желание может столкнуться с чужой необходимостью, формируется нечто большее, чем просто «я»: возникает способность видеть в другом не конкурента, а участника одной и той же игры, чья судьба неразрывно связана с твоей. Этот путь — от эгоцентрического восприятия к эмпатическому пониманию, путь внутренней революции, возможно, самой трудной из всех, какие человек совершает в своей жизни, ибо она требует не внешнего подвига, а постоянного, почти незаметного отказа от иллюзии полной автономии, от соблазна верить, что можно выиграть, наплевав на других.

Математика не предлагает утешений: она не говорит, что сотрудничество легко или что доверие всегда оправдано. Напротив, она показывает, что эгоизм логически неизбежен в однократной игре, что предательство — самый рациональный выбор в мире, где нет последствий. Но она же с той же холодной честностью доказывает: стоит только игре стать повторяющейся,

стоит только людям начать видеть друг друга как постоянных партнёров по выживанию, и рациональность сама поворачивается лицом к солидарности. Выбор в пользу общего блага перестаёт быть жертвой и становится стратегией; забота о другом не проявлением слабости, а формой высшей предусмотрительности. И в этом парадоксе — в том, что разум, пройдя через крайний эгоизм, возвращается к идее общности, но уже не как к наивной мечте, а как к выверенному расчёту, — заключена вся надежда на возможное будущее.

Потому что цивилизация — это не сумма индивидуальных успехов, а архитектура взаимных обязательств, выстроенная на фундаменте повторяющихся встреч, на вере, причём не религиозной, а практической, в то, что завтра мы снова окажемся за одним столом, на одной улице, в одном цеху. И если мы сумеем сохранить эту лодку целой, если не позволим анонимности и одноразовости разъесть её днище, тогда даже теорема Эрроу, даже вся мощь логики, направленной на доказательство невозможности гармонии, окажутся бессильны перед простым, но упрямым фактом: люди, которые выбирают «мы», выживают дольше, строят прочнее, видят дальше. И живут богаче и счастливее. В этом нет ни морали, ни идеологии; это не вера и даже не расчёт. Когда быть добрым к другим станет естественным, как дыхание, человеческим поведением, оно окажется сильнее и веры, и идеологии. Это будет поведение Человека Созидающего.

Интерлюдия. Точка перегиба

На нас долго давил груз прошлых ошибок, страх новых попыток, бесконечный анализ неудач, который снова и снова заводил в один и тот же тупик безнадёжности, на берег мёртвого, иссохшего моря, усыпанный отполированными ветром костями тех, кто верил, строил, жертвовал, пытался переустроить мир, но оказался раздавленным собственной надеждой, превращённой в догму, в принуждение, в ложь. Только голоса чаек вторили сухому ветру, что нельзя изменить человека, что все утопии суть прах, что по своей природе человек низок, эгоистичен, жесток и способен извратить любую возвышенную идею, любой благородный порыв обернуть в его противоположность, и что единственный разумный способ выживать — это принять существующий порядок вещей, укрыться в тёплой пещере с синицей в руках и не ходить в зимние бури в попытке найти солнечную и зелёную долину любви и мира. Нам тысячу раз приводили примеры, контрдоводы, исследования, убеждали снова и снова, что лучше ничего не менять, что любое движение в сторону от принятого всеми пути обернётся новым крахом, новым кровавым следом на песке, новой слезой ребенка.

Однако меня эти успокоительные голоса не убедили. И я знаю: миллионы людей тоже не верят в этот приговор людской природе, вынесенный от их имени, но без их согласия, без учета их опыта. Их не убедят циничные статистики, усталые вздохи «всё уже пробовали», благоразумные предостережения тех, кто давно сдался и теперь оправдывает своё трусливое бездействие мудростью. Да, этих осторожных и скептичных мудрецов трясет от страха: перед ответственностью, перед надеждой, перед самой возможностью начать заново. Они доказывают невозможность другого мира, потому что их страшит переход к нему, а не потому что сами в него не верят. А мы, те, кто ещё не сжёг в себе способность видеть дальше сегодняшнего дня, кто помнит

вкус настоящего братства, — мы не имеем права молчать. Пришла пора перестать копаться в этих белых костях на берегу мёртвого моря.

Был такой случай: советский корабль потерял управление, его вынесло в океан и больше месяца болтало по волнам под солнцем и грозами, пока его не обнаружили американцы. На борту оказалось четыре солдата. Без воды и без еды, без сапог и ремней — всё кожаное они съели. И если вам кто-нибудь скажет, что человек по природе жесток и эгоистичен, вспомните самоходную баржу Т-36 и четырёх молодых парней, которые за пятьдесят дней дрейфа не сошли с ума, не переубивали друг друга, не побросались за борт, а выжили благодаря солидарности, самодисциплине и взаимному уважению. Обычные деревенские парни. 1960 год.

Можно привести еще массу примеров жертвенности, отваги, благородства. И массу примеров жестокости, предательства, трусости. А на самом деле, человек становится таким, какой есть, в зависимости от условий. Если бы те парни воспитывались в Сан-Франциско или в традициях Тортуги, исход дрейфа на барже мог бы оказаться совсем иным. Но вдруг оказалось, что люди, выросшие в условиях человечности, остаются людьми даже в нечеловеческих условиях.

Поэтому у нас есть не только надежда. Есть опыт. Опыт, который показывает, что можно жить иначе: не выживая, не притворяясь, не в страхе, а с целями, без лжи, без необходимости скрывать лучшее в себе. Это возможно. Да отрежут лгуну его гнусный язык, которым он скажет «нельзя».

Почему бы не попробовать ещё раз? Только не революцией, не переворотом, не декретом сверху, а постепенно и добровольно создавая условия для рождения новой цивилизации человечества. Ведь пробовать нужно. Иначе зачем это всё?

Часть IV:
Новая надежда

Глава 12

Космическая миссия

Per aspera ad astra
— (лат. через тернии к звёздам)

Развитие как освоение горизонтов.

История человечества — это не просто хроника войн, изобретений или идей, а последовательность экспансий, каждая из которых сопровождалась качественным скачком в технологиях, социальных связях и общественном устройстве.

Прямо сейчас, пока вы читаете эти строки, две модели будущего соревнуются за наше внимание. Одна мерцает с экранов: это будущее персонализированной рекламы, биткоинов и виртуальных миров, где мы вечно будем потреблять, оставаясь в цифровой колыбели.

Другое будущее молчит. Оно лежит в безмолвии Луны, в красных песках Марса, в ледяных океанах Энцелада. Оно требует целой жизни. Какое из них вы выберете? Какое из них выберет человечество? Эта глава о том, почему у нас вообще есть такой выбор, и почему мы можем его упустить.

История человечества — это не просто хроника войн, изобретений или идей, а последовательность экспансий, каждая из которых сопровождалась качественным скачком в технологиях, социальных связях и общественном устройстве. Когда Homo sapiens начал расселяться из Африки, это потребовало не только физической выносливости, но и новых форм кооперации, языка, передачи знаний, без этого освоение Евразии было бы невозможно. Позднее, в эпоху неолита, переход к оседлому земледелию и скотоводству породил первые города,

письменность и иерархические общества. Эпоха Великих географических открытий, начавшаяся в XV веке, не ограничилась поиском новых торговых путей: она привела к глобальной интеграции культур, к научной революции и к формированию первых промышленных экономик. Атомный век стал катализатором для выхода человечества в космос и на Луну, создания сложнейших технологических систем, от спутниковой связи до ядерной энергетики, которые затем легли в основу современного мира.

Экспансия человечества в новые экологические или социальные ниши обладает устойчивой коэволюционной связью с триадой взаимозависимых измерений из технологического, когнитивно-мотивационного и социально-организационного потенциалов.

Технологически-инструментальный потенциал проявляется в способности создавать и применять орудия, машины и инфраструктуру, позволяющие преобразовывать среду и преодолевать её физические ограничения. Когнитивно-мотивационный потенциал выражается в способности формировать комплексные картины мира, целеполагающие нарративы и смысловые системы, которые оправдывают издержки, легитимизируют риски и задают направление коллективному развитию. Социально-организационный потенциал, в свою очередь, определяется способностью к сложной кооперации, выработке общих правил, созданию устойчивых институтов и мобилизации распределённых ресурсов для реализации долгосрочных коллективных проектов. Успешная экспансия становится возможной лишь при синергетическом развитии всей триады потенциалов. Технологический прорыв, даже самый радикальный, остаётся нереализованным без адекватной социальной организации, способной его осуществить, и без смысловой легитимизации, необходимой для его внедрения и поддержки. В то же время новые смыслы и формы ко-

операции чаще всего возникают как ответы на вызовы, порождаемые самим процессом освоения новых рубежей. Таким образом, масштаб и сложность реализуемых проектов — от межконтинентальных миграций сто тысяч лет назад до космических программ XX века — выступают прямым индикатором степени интеграции и зрелости человеческой цивилизации в целом.

Сегодня, однако, эта динамика зашла в тупик. Поверхность Земли, по сути, покорена: нет ни одного уголка суши, который не был бы затронут человеческой деятельностью, даже в Антарктиде или на вершинах Гималаев можно найти пластиковую бутылку или обёртку от гамбургера. И всё же перед нами по-прежнему раскинулись два великих неосвоенных пространства Океан и Космос. Океанское дно изучено хуже, чем поверхность Луны; подземные экосистемы, простирающиеся на километры вглубь земной коры, хранят не только неизвестные формы жизни, но и ресурсы, способные обеспечить цивилизацию на тысячелетия. Освоение этих глубин — задача колоссальной сложности, требующая технологий, сравнимых с космическими, а то и превосходящих их: устойчивость к сотням атмосфер давления, работа в полной темноте, при низких температурах или же при резких переменах температур. Но даже в своей чудовищной сложности Океан остаётся нашим, он дышит тем же кислородом, что и мы, его воды — часть земного круговорота, его течения — продолжение земной гравитации.

А мечта человечества, многовековая, до слёз в глазах, всегда вела дальше, за пределы атмосферы, за пределы привычного, за пределы возможного. Потому что человеку всегда тесно в обыденном мире. Он не просто ищет ресурсы или новые территории, он ищет подтверждение своей способности преодолевать невозможное. И сегодня невозможное — это не шторм в Марианской впадине и не жар от мантии, а вакуум, радиация, от-

сутствие воздуха, температуры, колеблющиеся от абсолютного нуля до тысяч градусов жары, и вечная угроза «астероидных атак». Это пространство, где нет ни звука, ни запаха, ни прикосновения — только холодный свет далёких звёзд и безмолвие, в котором слышен лишь стук собственного сердца. Именно здесь, в этом нечеловеческом пространстве, человек доказывает себе, что остаётся человеком, что достоин быть человеком, что сделает человеческим нечеловеческий мир.

Так что человечество исчерпало не свой потенциал и не какие-то ресурсы, а горизонт развития. Мы больше не можем расти внутрь себя ни географически, ни социально. Единственное направление, оставшееся открытым, вверх, за пределы атмосферы. И если в прошлом экспансия была следствием роста, то теперь она должна стать его условием. Более того, именно космос становится школой для освоения земных глубин: чтобы выжить на дне океана или в недрах планеты, нужны те же технологии замкнутых экосистем, автономной энергетики и дистанционного управления, что и для жизни на Луне. И космическая экспансия становится не бегством с Земли или от Земли, а средством истинного её освоения.

Капитализм, как исторически сложившаяся система, построенная на частной собственности, конкуренции и обязательной краткосрочной окупаемости инвестиций, принципиально не способен обеспечить подлинную космическую экспансию. Речь не о временных неудачах, а о системном, парадигмальном противоречии. Его внутренняя логика требует, чтобы каждое вложение (завод, научная разработка или ракета) приносило измеримую прибыль, желательно в течение одного-двух десятилетий. История подтверждает: великие географические открытия и колониальные проекты прошлого были возможны именно потому, что они быстро возвращали капитал. Колумб вёз из Нового Света не мечты, а табак,

сахар и картофель; караваны Великого шёлкового пути перевозили шёлк, порох, фарфор и специи, а не идеи; британские и голландские Ост-Индские компании строили порты и дороги не из альтруизма, а потому что это приносило доход уже в первом поколении инвесторов.

Космос же устроен иначе. Он не предлагает немедленной выгоды. Даже самые оптимистичные оценки показывают, что добыча полезных ископаемых в поясе астероидов или на Луне не станет экономически рентабельной в ближайшие 50-100 лет. Возьмём гелий-3, часто упоминаемое «топливо будущего» для термоядерных реакторов. Даже если к 2040 году будет создан термоядерный реактор с коэффициентом усиления выше 10, стоимость доставки одной тонны гелия-3 с Луны сегодня оценивается в два миллиарда долларов. Энергия, полученная из такого топлива, будет стоить в сотни раз дороже, чем электроэнергия от солнечных панелей, ветряков или даже атомных станций. А если представить, что где-то в поясе астероидов вращается хотя бы тысяча тонн чистого золота, пусть даже формально его рыночная стоимость на Земле составит около $100 млрд., стоимость доставки этого объёма (даже при идеальных технологиях) превысит $300 млрд., не считая энергетических и инфраструктурных издержек, а срок доставки составит около пяти лет. Вдобавок рынок просто не выдержит такого предложения: цена золота обрушится, и проект станет втройне убыточным.

Капитализм, конечно, может и будет осваивать ближний космос, где горизонт окупаемости укладывается в 5-15 лет. Спутниковый интернет, наблюдение Земли, космический туризм, даже орбитальные фабрики для производства оптических волокон или биопечати органов — всё это вписывается в логику рынка. Но именно поэтому эти проекты останутся на орбите. Они не создадут ни лунных городов, ни марсианских колоний, ни автономных поселений за пределами земной гра-

витационной ямы. Потому что настоящая экспансия — это не бизнес, а цивилизационный проект. Она требует не прибыли, а цели; не конкуренции, а кооперации; не квартальных отчётов, а вековых обязательств.

Представим реалистичную, но по-настоящему амбициозную цель: лунное поселение на тысячу человек с полностью замкнутым циклом жизнеобеспечения. Оно должно производить воду из реголита, кислород из оксидов, пищу в гидропонных фермах, энергию от ядерных мини-реакторов или солнечных полей. Оно должно уметь строить новые модули из местных материалов, ремонтировать роботов, печатать детали, лечить болезни и обучать детей. Даже если допустить, что сложнейшие компоненты — микросхемы, фармацевтические препараты, прецизионные инструменты — будут завозиться с Земли в обмен на редкоземельные элементы или научные данные, создание такой базы потребует 50-70 лет непрерывных инвестиций, технологического синергизма и международной координации. А достижение полной автономии, когда поселение сможет воспроизводить всю необходимую инфраструктуру без внешней поддержки, может занять до двухсот лет.

Ни одна частная корпорация не способна выдержать такой срок: её акционеры потребуют прибыли уже завтра, а конкуренты воспользуются любой паузой для захвата рынка. Ни одно национальное государство, даже самое богатое и стабильное, не гарантирует финансирование на столетие: смены политических курсов, экономические кризисы, войны, пандемии или просто усталость общества от «дорогой игрушки» неизбежно прервут цепь поставок. Мы уже видели это: советская лунная программа была свёрнута после смерти Королёва; американская Constellation — закрыта из-за бюджетного дефицита; МКС едва сохраняется благодаря хрупкому компромиссу между врагами.

Таким образом, при сохранении капитализма как об-

щественного устройства, разделённого на конкурирующие национальные государства, космическая экспансия как непрерывный, многовековой процесс становится невозможной. Не из-за отсутствия технологий. Не из-за нехватки денег. А потому что ни один игрок в этой системе не несёт ответственности за будущее человечества как вида. Здесь еще раз вступает в игру пресловутое равновесие Нэша. Даже если бы отдельное государство решило вложить все свои ресурсы в этот проект на протяжении хотя бы полувека — государства-конкуренты немедленно воспользовались бы его временным ослаблением, чтобы получить преимущество на рынках, добыче ресурсов, а впоследствии и территориях. Такой проект рухнул бы уже максимум через десять лет в результате внешнего давления, а не внутренних сложностей.

Только общество, ставящее долгосрочное выживание разума выше сиюминутной выгоды, и цивилизация, объединённая общей этикой будущего, а не конкуренцией за ресурсы настоящего, способна преодолеть пропасть, что разделяет наши возможности и наши институты — когда технологии уже готовы к звёздам, а система управления всё ещё заточена под квартальные отчёты и национальные интересы.

Даже в рамках реалистичного горизонта будущее выглядит вдохновляюще. В ближайшие столетия человечество вполне способно создать постоянные базы на Луне и Марсе, начать терраформирование Красной планеты (пусть и в очень медленном темпе — через посев микроорганизмов, создание атмосферы, постройку первых куполов), освоить пояс астероидов для добычи ресурсов и запустить автоматические зонды к ближайшим звёздам, таким как Проксима Центавра. Эти цели сложны, но не противоречат известным законам физики и могут быть достигнуты при наличии политической воли и коллективных усилий. То есть на данном этапе нашей цивилизации они осуществимы практически —

мы уже имеем все технологии для их осуществления.

Одним из наиболее рациональных, хотя и до сих пор не реализованных, путей космической экспансии является создание энергетически дешёвого способа доставки грузов в космос, основанного не на химических ракетах, а на наземных электромагнитных ускорителях. Эта идея, впервые предложенная Константином Циолковским как альтернатива ракетной тяге, предполагает разгон грузовых капсул до орбитальной скорости с помощью стационарного линейного ускорителя, работающего на электрической энергии, а не на сжигании топлива. Такой метод позволяет доставлять массу в космос с минимальными затратами энергии на единицу полезного груза, поскольку вся работа совершается не за счёт реактивного выброса, а за счёт передачи импульса через магнитные поля — принцип, который, будучи известным ещё в XIX веке, до сих пор остаётся вне основных космических программ. После выхода из ускорителя капсула, уже обладающая почти орбитальной скоростью, направляется на пересадочную станцию, расположенную на средней околоземной орбите. Эта станция служит транспортным узлом, где грузы и компоненты топлива, доставленные с Земли, накапливаются, сортируются и перегружаются на межпланетные аппараты, оптимизированные для длительных перелётов. Такой узел позволяет кораблям, стартующим с Земли, нести значительно меньшую массу топлива, поскольку дозаправка происходит уже в космосе, что резко снижает энергетические затраты на выход на орбиту. Освоение Луны становится следующим этапом не потому, что она ближе, а потому, что её гравитация позволяет с минимальными затратами выводить в космос ресурсы, добываемые на её поверхности. Существующие на Луне материалы — металлы, кислород, водород — позволяют строить инфраструктуру, не зависящую от поставок с Земли, и превращать

её в источник топлива и компонентов для дальнейшей экспансии. Далее логика развития неизбежна: Марс становится точкой для расширения автономных систем жизнеобеспечения и базой для экспериментов по изменению планетарной среды; пояс астероидов — источник ресурсов, не требующих сложной добычи, и позволяющий создавать крупные конструкции в условиях микрогравитации; спутники Юпитера и Сатурна — цели для научных станций и потенциальных узлов, где ледяные океаны и атмосферные ресурсы могут быть использованы для поддержания дальнейшего движения за пределы Солнечной системы. Эта программа — не набор отдельных миссий, а единый, непрерывный процесс расширения присутствия разума в космосе, где каждый новый этап строится на технологиях, выработанных на предыдущем, и где наука развивается не ради отдельных открытий, а как неотъемлемая часть инфраструктуры. Межзвёздные перелёты становятся возможными не потому, что мы внезапно найдём способ обойти световой барьер, а потому, что только через столетия практического присутствия в Солнечной системе мы сможем накопить знания, необходимые для их реализации.

А представьте себе гигантский пояс пересадочных станций вокруг Земли. Полностью освоенная Луна, в недрах которой выращивается пища, а на поверхности работают могучие металлургические и энергетические фабрики, многочисленные космические порты принимают корабли дальних рейсов. Колонизированный и терраформированный Марс, по которому можно гулять, пусть и с кислородной маской, зато без скафандра. Многочисленные фермы по добыче ископаемых в поясе астероидов. Заселённые спутники планет-гигантов — Юпитера, Сатурна, Урана, Нептуна. Невероятное развитие науки, тех областей физики, которым и названия пока что нет. Человечество однажды отправится покорять ближайшие звёздные системы, затем галактику

и соседние галактики следом. Приоткрываются двери к пониманию мультивселенных. Устанавливаются контакты с другими цивилизациями, достигшими нашего технологического уровня. Это будущее! Наше будущее.

Это вещи совсем другого порядка. Они невозможны ни сегодня, ни через пятьдесят лет, ни даже через тысячу: межзвёздные перелёты за считаные месяцы, колонизация далёких галактик, контакты с инопланетными цивилизациями, путешествия между мультивселенными — всё это лежит за пределами нынешнего горизонта науки и техники. Сегодня для этого нет даже теоретических решений, способных обойти световой барьер и обеспечить выживание экипажа. Такие идеи остаются в сфере научной фантастики — не потому, что они невозможны в принципе, а потому что требуют прорывов, сравнимых с переходом от мифа к науке. И всё же мы можем представить это очень отчётливо. А раз можем представить, значит это уже существует в зародыше. Ведь всё, что сегодня окружает нас, от ковров-самолётов (самолётов и ракет) до шапок-невидимок (технологий стелс), от слуха за тысячи вёрст (интернета и спутниковой связи) до острого зрения (телескопов и микроскопов), от летучих кораблей до скатертей-самобранок (промышленного сельского хозяйства и автоматизированных линий), когда-то было сказкой, мечтой, безумной фантазией. Мы воплотили в жизнь такое огромное количество сказок, что грех сомневаться, смешно сомневаться в том, что однажды воплотим и эту. Эти мечты играют важную роль: они задают вектор, напоминают нам, что человеческий разум не ограничен ни планетой, ни даже Вселенной, как мы её сегодня понимаем. И всё же путь к этим прорывам лежит не через умозрительные спекуляции, а через реальные дела. Только освоив Солнечную систему, построив базы на Луне, терраформировав Марс, освоив пояс астероидов, мы создадим ту технологическую, социальную и интеллек-

туальную среду, в которой станут возможны следующие скачки. Именно практическое, деятельное присутствие в космосе, а не мечты о далёких звёздах на лугах Земли, откроет дверь к пониманию реальности и, возможно, к отмене законов, которые сегодня кажутся неприкосновенными. Это наше будущее.

Таким образом космическая экспансия — не отдельный эпизод или чья-то авантюра, — а непрерывный процесс, длящийся столетия и требующий вложения гигантских ресурсов, но необходимый для выживания и дальнейшего роста человечества. А так как капитализм, его общественный строй и институты не способны обеспечить такую многовековую инвестицию, то возникает естественный вопрос: а кто же способен? Что за общество? Это хороший вопрос, и можно постараться на него ответить, пусть без доказательств и поверхностно, но логично. Итак, каким должно быть общество, способное на такое? Какие граничные условия необходимо наложить на его устройство, чтобы оно не развалилось под тяжестью собственных противоречий, не свернуло с пути при первых трудностях, не превратило космос в ещё один театр войны или спекуляции? Замечу, что это не вопрос технологий или бюджетов — это вопрос общественного строя, культуры, этики. Мы можем мечтать о звёздах, но звёзды не приблизятся, пока мы не поймём, как устроить жизнь на земле так, чтобы мы смогли их достичь. Иными словами, перед нами не техническая, а цивилизационная задача: найти, хотя бы приблизительно, хотя бы в виде граничных случаев, такие параметры общественного устройства, при которых космическая экспансия становится не просто возможной, а неизбежной.

Чтобы человечество или достаточно крупное общество могло в течение столетий, а в перспективе и тысячелетий, непрерывно инвестировать в космос, не отвлекаясь на войны, кризисы, перераспределение богатства

или борьбу за выживание, оно должно существовать в состоянии, которое можно назвать устойчивым избытком. Это не роскошь, а минимальное условие! Общество должно производить столько ресурсов: энергии, пищи, знаний, времени, — что их избыток становится фоном для великих проектов. Такой избыток невозможен при системе, где значительная часть населения занята борьбой за базовое существование. Следовательно, первое граничное условие — универсальное обеспечение базовых потребностей: жильё, питание, здравоохранение, образование, безопасность. Это естественное состояние цивилизации, достигшей зрелости. Повторю, это фактически означает, что при таком общественном строе перечисленные базовые потребности должны быть отменены именно как потребности. Сейчас никто не обеспечивает вашу базовую потребность в дыхании. Точно так должно быть и с жильем, едой и прочим.

Второе условие — отсутствие внутренней конкуренции за выживание. Пока экономика строится на том, что одни выигрывают за счёт других, пока успех одного требует поражения другого, общество будет тратить колоссальные ресурсы на саморазрушение и затем на самолечение: на армии, на тюрьмы, на рекламу, на создание искусственного дефицита, на поддержание иерархий, не имеющих отношения к реальному вкладу в общее дело, на социальные выплаты, страховки, поддержку финансового сектора и прочее. Космическая экспансия требует иного: не конкуренции, а кооперации как основного принципа организации. Это не означает отмены различий в талантах или интересах — напротив, она предполагает максимальное раскрытие индивидуальности, но в рамках общей цели. Человек должен быть свободен не для того, чтобы копить, а для того чтобы творить.

Третье — долгосрочное планирование как культурная норма. В обществе, способном строить лунные

города с горизонтом реализации проекта через два столетия, не может существовать культура квартальных отчётов, политических циклов в четыре года или моды, меняющейся раз в сезон. Такое общество должно мыслить поколениями, а не днями. Это возможно только при условии, что знание и разум становятся высшей формой авторитета, а не деньги или власть. Учёные, инженеры, педагоги, художники — те, кто формирует будущее, — должны занимать центральное место не в риторике, а в реальной структуре принятия решений. Демократия в таком обществе — никакое не голосование за лозунги, а участие в проектировании будущего на основе лучшего доступного знания.

Наконец, четвёртое условие — отказ от частной собственности на стратегические ресурсы и инфраструктуру. Нельзя доверить судьбу лунной базы или терраформирование Марса акционерам, чьи интересы ограничены сроком действия опционов. Это означает, что ключевые ресурсы — энергия, сырьё, транспорт, связь, знания — должны находиться в общественном управлении, причём не в смысле бюрократического контроля, а в смысле коллективной ответственности. Такое общество не обязательно должно называться социалистическим, коммунистическим или утопическим, оно должно быть функциональным: оно должно работать так, чтобы космос был возможен.

Именно при этих условиях — избыток вместо дефицита, кооперация вместо конкуренции, долгосрочное мышление вместо краткосрочной выгоды, общее достояние вместо частной спекуляции — человечество сможет не просто отправить несколько кораблей в космос, а начать непрерывную экспансию. Это не утопия, а минимальный набор параметров устойчивой цивилизации. Всё остальное — временные состояния, исторические флуктуации, которые рано или поздно приведут к стагнации и медленному вымиранию или к катастро-

фе и быстрому вымиранию, если не будут преодолены.

Подчеркну еще раз мысль: если человечество не найдёт выхода за пределы нынешней парадигмы, его ждёт или внезапная катастрофа и быстрое угасание, или медленное угасание по одному из трёх сценариев, уже обозначенных наукой.

Первый — экологический коллапс. По современным оценкам, человечество уже вышло за пределы по меньшей мере пяти из девяти планетарных границ устойчивости. Биоразнообразие исчезает со скоростью, сравнимой с массовыми вымираниями прошлого; почвы истощаются; круговорот воды и азота нарушен; атмосфера перегружена парниковыми газами и синтетическими химикатами. Это не «проблемы будущего» — это реальность сегодняшнего дня, подтверждённая данными сотен независимых исследований. Продолжая в том же духе, мы превратим Землю в планету, пригодную для жизни лишь немногих — и то ценой постоянной борьбы за ресурсы.

Второй — энергетический застой. Энергетический возврат на вложенные затраты (EROI), избыток энергии, который позволяет обществу развивать науку, культуру, инфраструктуру, неуклонно падает. В 1930-х годах на добычу одного барреля нефти тратилась энергия, эквивалентная 1/100 его содержания (EROI ≈ 100:1). Сегодня этот показатель упал до 10:1 и ниже для сланцевой нефти. По оценкам некоторых исследователей, когда EROI падает ниже 7:1, у общества остаётся слишком мало избыточной энергии для поддержания высокотехнологичной цивилизации. Космос, фундаментальная наука, даже стабильная демократия становятся недоступной роскошью. Цивилизация замыкается в борьбе за выживание.

Третий — коллапс сложности. Как показал историк Джозеф Тейнтер, все великие цивилизации прошлого погибали не от внешнего врага, а от внутреннего перегрева: стоимость управления, защиты, распределения

ресурсов становилась выше, чем отдача от этих усилий. Сегодня мы наблюдаем то же самое: финансовые кризисы, бюрократия, военные расходы, социальная поляризация, информационный хаос — всё это издержки сложности, которые не решают проблемы, а лишь маскируют их. Рано или поздно система перестаёт справляться и начинает разваливаться на части.

Эти сценарии не взаимоисключающие. Они усиливают друг друга, создавая поли-кризис — состояние, в котором каждая новая проблема обостряет все остальные. И в этом контексте космос становится единственным вектором, способным вывести цивилизацию из замкнутого круга.

И нельзя игнорировать четвёртый, самый трагический сценарий, — глобальную ядерную войну. В отличие от других угроз, она может уничтожить цивилизацию за час, не давая шанса на адаптацию или восстановление. Эта угроза не гипотетична: она висит над нами с 1945 года, и её вероятность растёт с каждой новой эскалацией.

Некоторые говорят, что спасение Земли требует отказа от космоса, а не его освоения. Что мы должны сосредоточиться на восстановлении биосферы, на замкнутых циклах, на устойчивости здесь, на этой планете, — и что любая мысль о побеге в космос есть форма экологического эскапизма, оправдывающая нашу жадность. Но это ложная дилемма. Спасение Земли и освоение космоса — две стороны одного процесса. Технологии, необходимые для создания замкнутой экосистемы на Луне, — это же технологии, которые позволят восстановить почвы, очистить океаны, перестроить промышленность на Земле. Даже если мы идеально наладим жизнь на Земле, мы не отменим угрозу астероидов, супервулканов, гамма-всплесков. Став межпланетным видом, мы гарантируем, что разум не исчезнет, даже если Земля станет непригодной.

Другие утверждают, что технологии — искусственный интеллект, термоядерный синтез, генная инженерия —

сами по себе решат все проблемы. Что достаточно «сингулярности» или геоинженерии, и тогда космос станет ненужным. Однако это не вера в прогресс — это вера в волшебство. Никакие технологии не отменяют фундаментальных законов физики. Экономика бесконечного роста в замкнутой системе невозможна. Даже если термоядерный реактор станет реальностью, рассеивание гигантских объёмов тепла в атмосфере Земли может вызвать новые, непредсказуемые климатические сдвиги.

Есть и те, кто говорит: «Это слишком дорого. У нас есть бедность, болезни, образование — на это надо тратить ресурсы». Но это экономика квартального отчёта, применённая к судьбе вида. Ни одна великая экспансия: ни открытие Америки, ни строительство Великого шёлкового пути, ни освоение Сибири — не окупалась на бумаге в течение поколения. Их результат был непредсказуем, но он изменил мир. Космос — не инвестиция. Это институт выживания. Он требует не прибыли, а веры — веры в то, что будущее стоит больше, чем настоящее. И если мы не готовы вложить в него ресурсы, то мы не готовы быть цивилизацией.

Все эти возражения лишь показывают, насколько мы привыкли жить в рамках старой парадигмы. Ведь они предлагают не выход из песочницы, а её модификацию. Улучшение лодки, которая уже тонет. А космос — это новый океан. И чтобы его освоить, нужно не чинить старую лодку, а строить новую цивилизацию — с новыми ценностями, новыми институтами, новым пониманием ответственности. Все контраргументы, при всей их логичности, так или иначе предлагают остаться в рамках старой системы, лишь модифицируя её. Они лечат симптомы, но не болезнь. Болезнь — в нашей коллективной психике, которая отказывается взрослеть. Мы всё ещё играем в племенные игры, одержимые системой ценностей, выросшей из древнего мира дефицита и соперничества, и не желая от неё отказаться, как малень-

кий ребёнок не может расстаться с соской-пустышкой. Человечество продолжает мыслить категориями замкнутого мира, словно вселенная, наша бесконечная вселенная, — сводится к ущелью, окруженному высокими горами. Болезнь — это сама парадигма ограниченного роста, частного интереса и краткосрочного выживания в рамках узкого, маленького, замкнутого мира.

Поэтому освоение космоса — это не утопическая мечта. Это стратегическая необходимость для преодоления поликризиса и перехода цивилизации из состояния временной, уязвимой исторической флуктуации в состояние устойчивой, непрерывно экспансирующей системы разума.

Космос сам по себе не спасает. Ракеты не остановят климатический коллапс, а лунные базы — социальную поляризацию. Островки человечества на других планетах уже не успеют возникнуть или укрепиться настолько, чтобы избежать последствий биологической или социальной катастрофы, нависшей над человечеством. Спасает не полёт, а то, что должно произойти с нами, чтобы полёт стал возможен. Чтобы выйти в космос, человечество должно совершить внутренний прорыв: отказаться от логики краткосрочной выгоды, перестать тратить ресурсы на саморазрушение, научиться мыслить поколениями, а не кварталами. Таким образом, космос — это не цель, а зеркало; не спасение, а тест на зрелость; не бегство, а условие выживания. Или он всё сразу и одновременно: цель (куда идти), инструмент (как учиться жить иначе) и экзамен на интеграцию (достойны ли мы будущего). И если мы справимся с этим экзаменом, мы не только достигнем звёзд. Мы наконец станем человечеством.

Космос не терпит иллюзий. Он требует не героев, а системы. И эта система уже есть: Проект Человечество. Это наше будущее.

Глава 13

Проект Человечество

Но народ не согласился послушаться голоса Самуила, и сказал: нет, пусть царь будет над нами, и мы будем как прочие народы: будет судить нас царь наш, и ходить пред нами, и вести войны наши.

Первая книга Царств 8:19-20

Государство без собственности и денег.

Современное человечество живёт в состоянии парадоксального изобилия: оно обладает всем необходимым для того, чтобы обеспечить достойную жизнь каждому человеку на планете и начать подготовку к космической экспансии, но тратит как минимум 25% всех своих интеллектуальных, физических и энергетических ресурсов не на создание благ, а на их учёт, распределение по прибыли и защиту собственности. Это консервативная оценка, основанная на анализе занятости в финансовой, юридической, страховой, рекламной, налоговой и логистической сферах, а также на энергозатратах, связанных с поддержанием инфраструктуры денежного обращения, от банкоматов до серверных ферм для блокчейна. Более полные расчёты, учитывающие косвенные издержки, от хронического стресса, вызванного экономической неопределённостью, до военных конфликтов из-за контроля над ресурсами, дают цифру до 40%. Но даже 25% представляют собой колоссальный хронический перерасход цивилизационной энергии на то, что не создаёт ни знаний, ни здоровья, ни красоты, ни, в конечном счете, будущего.

Проект Человечество не пытается «перенаправить» эти ресурсы извне, он строится с нуля как автономная зона, где деньги и частная собственность отменены, как практическая необходимость. И именно в этой отмене рождаются два фундаментальных эффекта.

Во-первых, психологическая переоценка ценностей. Когда базовые условия существования — пища, жильё, одежда, медицина, образование, доступ к информации — становятся безусловными, исчезает огромный пласт сознательных и подсознательных страхов, веками определявших человеческое поведение: страх за своё будущее и будущее близких, страх социального падения, страх недостатка ресурсов, страх быть отвергнутым системой. Нет нужды гнаться за статусом, охранять имущество, бояться потери работы или срываться в тревоге на тех, кто рядом. Появляется почти стопроцентная уверенность в завтрашнем дне, причём не как привилегия избранных, а как общее для всех состояние. Это не утопическое спокойствие, а освобождение внимания: ум, ранее занятый выживанием, теперь может думать о смысле, о будущем, о звёздах.

Во-вторых, Проект становится мини-моделью будущего общественного строя, работающей в реальном времени. В нём отсутствует вся инфраструктура учёта, контроля и распределения по платежеспособности, а результат при этом оказывается не хуже, а значительно лучше: меньше людей занято в обеспечении базовых потребностей, выше качество жизни, выше уровень доверия и солидарности. Это не теория — это практическая демонстрация. Мы не считаем, не торгуем, не страхуем, не судимся, и при этом у нас нет голода, нет бездомных, нет неграмотных. Более того, исчезают и те социальные язвы, которые в других обществах кажутся неизбежными. Массовые протесты здесь невозможны, потому что в Проекте нет элит и классового деления, а все решения принимаются коллегиально. Социальные контракты —

от еды до участия в судьбе сообщества — столь же нерушимы, как дыхание: их нельзя отнять, пересмотреть или привязать к рыночной конъюнктуре. Нет привилегированных, чьё положение зависит от удачи, наследства или умения играть по правилам «рынка», поэтому зависть теряет свою социальную почву. Когда каждый имеет всё необходимое для достойной жизни, а признание даётся за заботу, труд и творчество, а не за богатство, зависть перестаёт быть системным явлением, она просто теряет свою опору в реальности. Более того, именно в таких условиях расцветают наука, искусство, забота, долгосрочное планирование — те самые качества и отрасли, без которых невозможна космическая экспансия.

Проекту не нужна революция — ни мировая, ни локальная, ни какая-либо другая. Он не требует свержения существующего порядка или глобального пересмотра мировой экономики, а просто предлагает некую «параллельную реальность», которая может возникнуть уже сегодня и доказать затем саму возможность своего существования. Для этого достаточно, чтобы одно или несколько государств предоставили автономную территорию, как пилотную площадку для цивилизационного эксперимента, в обмен на долгосрочные выгоды: доступ к передовым технологиям замкнутых экосистем, методам регенеративного сельского хозяйства, системам коллективного управления, решениям в области утилизации отходов и восстановления биосферы. Ключевое условие: чётко зафиксированное право на постоянное и пропорциональное расширение территории по мере роста числа участников.

Для запуска такой зоны, рассчитанной на 50 тысяч человек, необходима начальная ресурсная база: земля, строительные материалы, энергетическая инфраструктура, оборудование для производства продовольствия, медицинские комплексы, образовательные центры, системы переработки и жизнеобеспечения. Внешний

мир привык всё измерять в деньгах, поэтому эту базу можно приблизительно оценить в 30 миллиардов долларов — сумма, сопоставимая с бюджетом одного крупного космического проекта, например, запуска телескопа «Джеймс Уэбб». Но важно понимать: это не «инвестиция в долларах» и не «стоимость», не статья расхода в государственном бюджете, а лишь условный денежный эквивалент реальных ресурсов, которые нужны, чтобы выйти на режим автономии. Как только система замкнёт свои циклы — энергии, воды, пищи, знаний, — зависимость от внешнего мира будет стремительно снижаться. Проект не стремится к полной изоляции, но с самого начала работает в режиме «равноправного бартера»: обмена знаний на редкоземельные металлы, технологиями — на оборудование, опыта — на доступ к научным данным.

Проект Человечество рассчитан не на избранных, а на любого человека, независимо от прошлого, образования, социального происхождения, национальности или вероисповедания. Он практически гарантирует каждому участнику интересное дело, соответствующее его способностям и склонностям, достойное жильё, вкусную и здоровую пищу, качественную медицину и полную безопасность. Это состояние жизни в обществе с ресурсно-ориентированной экономикой, где жизненные потребности покрываются вне зависимости от платёжеспособности.

Но есть одно непреложное условие, прямо следующее из исторической логики развития человечества. Каждый скачок развития, как обсуждалось в предыдущей главе, или сопровождался перестройкой социальных и ментальных связей или был следствием такой перестройки. Нет, не нужно строить наивную теорию, что если просто открыть двери в мир изобилия, то все его жители мгновенно разовьют мышление и безусловные реакции в адекватные зрелому социуму межпланетной цивили-

зации. Наивно ожидать, что людям каменного века с их традициями охоты и кочевого образа жизни, будет комфортно в современном мегаполисе — во всяком случае, без коренной переоценки всего системного мышления. В то же время, Проект действует по принципу открытости и не может быть элитарным сообществом для избранных.

Примирение противоречия между открытостью для всех и зрелостью каждого, заключено в гигантской нейропластичности человеческой психики. Приведу аналогию с образовательным процессом. Есть два класса, в первом дети с крайне низкой мотивацией к учебе, из-за отсутствия видимых перспектив и целей для применения знаний. Во втором классе мотивация высокая, есть цели «поступить», «научиться», «открыть», «решить проблемы». Если перевести ученика из первого класса во второй, его мотивационная оценка скорее всего изменится. Этот эффект называется «влиянием среды». Человек, вырванный из привычного культурного контекста, практически неизбежно заполняет его имеющейся альтернативой.

Обеспечение желания вступить в Проект с ясным пониманием, что кроме доступа к изобилию появляется и ответственность за его поддержание.

Для каждого постоянного участника Проекта необходима внутренняя установка, что интересы группы выше интересов отдельного индивида. Это отнюдь не требование самопожертвования, или фанатичный контекст, а признание простой истины: в условиях ограниченных ресурсов и общих целей, особенно когда речь идёт о выживании и расширении вида за пределами Земли, только сотрудничество позволяет достичь устойчивого будущего. Еще более необходимой она становится для молодого Проекта, когда спектр покрываемых потребностей пусть и широк, но не все-таки далеко не безграничен.

Эта установка выражается в деятельной доброте ко всем участникам проекта: в готовности помочь, выслушать,

уступить, поддержать, не дожидаясь выгоды или признания. Именно эта этика повседневного взаимодействия, а не идеологическая лояльность или профессиональный статус, становится основанием для включения в общество, поскольку только она позволяет перейти от равновесия по Нэшу к оптимуму по Парето, о чём шла речь в главе 10.

Такой подход делает проект открытым, но не наивным. Вместо святости он делает ставку на зрелость. И именно в этом его сила: он не пытается изменить человеческую природу, а создаёт условия, в которых лучшие её проявления становятся не героическим исключением, а повседневной нормой.

В физике существует мысленный эксперимент, известный как демон Максвелла: существо, сидящее у перегородки между двумя половинами сосуда, пропускает в одну сторону только быстрые молекулы, в другую — медленные. В результате возникает разность температур, из которой можно извлекать энергию, как будто из ничего. В Проекте Человечество роль «демона» выполняет порог вхождения — не фильтр по происхождению или знаниям, — а создание психологической установки на готовность принять, впитать и жить по своду этических принципов Проекта. Этот порог, который можно назвать барьером Кьеркегора, не экзистенциальный прыжок веры, каким он был у философа, а ежедневное принятие этического решения, выбор доверия к другому вместо самозамкнутости, который должен преодолеть каждый. Он не формален, не бюрократичен, не сводится к подписанию декларации, но интуитивен и неотделим от самого акта вступления в новое общество.

Этот барьер Кьеркегора — реальный, осязаемый этап, который должен пройти каждый, кто желает вступить в Проект Человечество, в течение года испытания, когда кандидат живёт в сообществе без гражданских прав, без статуса, без каких-либо гарантий, кроме одной: что с ним обращаются с уважением просто потому, что он

человек. В этот год он трудится в агросекторе, на строительстве, в ремонтных мастерских, лабораториях переработки отходов, в больницах, на кухнях. Его участие никак не измеряется — оно есть само по себе, как дыхание в теле. Его ценность определяется не объёмом производства, а качеством присутствия: внимательностью, готовностью подставить плечо, умением слушать молчание другого.

Этот год, время, когда каждый видит другого не в заданной некогда роли, и не в маске профессии из прошлого, а в повседневности: в усталости после смены, в конфликте из-за распределения обязанностей, в молчаливой помощи, в неумении попросить о поддержке. Главная цель барьера — не отбор, а ликвидация тех глубинных паттернов, которые веками держали человечество в плену страха, конкуренции и недоверия. Через совместный труд, через рефлексию, через ситуации, имитирующие дефицит или неопределённость, через добровольную изоляцию и последующее возвращение в круг общения, человек постепенно теряет привычку защищать «себя» от «других». Но ни один из этих элементов не объявляется заранее как «критерий прохождения», условия остаются непрозрачными. Ибо только тогда, когда человек не знает, «за что его оценивают», он действует не ради одобрения, а исходя из внутренней установки.

И здесь проявляется вторая, не менее важная составляющая барьера, — психологическая поддержка как неотъемлемая часть инфраструктуры. Проект Человечество не строится на иллюзии «нового человека». Он исходит из честного признания: большинство приходит с глубокими травмами, накопленными в обществе страха и конкуренции. Страх за завтрашний день, привычка к недоверию, одиночество даже в толпе, рефлекс защиты «своего» — всё это не пороки, а последствия системного насилия, которому подвергалось человечество веками. Поэтому с самого первого дня в зоне

испытания действуют группы взаимопомощи, регулярные встречи в кругу, терапевтические практики, основанные на диалоге, а не на диагнозе. Это не контроль и не «исправление», а сопровождение, тихое, ненавязчивое присутствие тех, кто умеет слушать и помогать другим услышать самих себя. Создание условий, в которых старые паттерны постепенно теряют опору. Когда нет угрозы исключения, когда нет конкуренции за ресурсы, когда уважение гарантировано независимо от продуктивности или социального шарма, только тогда человек перестаёт быть настороже. Только тогда появляется реальная возможность исключения любых оценок действий и обстоятельств, исходя из негативного сценарий. Только тогда появляется возможность быть уязвимым, просить помощи, признавать ошибки, строить доверие. И именно в этом пространстве расцветает то, что мы называем деятельной добротой, самый естественный способ быть с другими.

Барьер Кьеркегора — это не стена, которую нужно перелезть, а порог, который нужно переступить. Барьер должен не просто показать абсолютную несостоятельность прежних штампов поведения и паттернов потребления в обществе Проекта, предложить и закрепить их замену — этого будет все еще недостаточно. В одном из аспектов он должен показать ницшианскую бездну, которая начинает всматриваться в тебя. Не потому, что ты становишься чудовищем, как это было у Ницше, а потому что перестаешь им быть. Вот что должно стать ритуалом перехода в новое качество бытия, из состояния выживания настороженной добычи в состояние участия в судьбе мира, из состояния недоверия и страха в состояние ответственности, из состояния индивидуалиста и потребителя в состояние гражданина космической цивилизации.

Когда барьер пройден и человек становится полноправным участником Проекта, его не спрашивают «Что ты можешь дать?» и не заставляют доказывать

своё право на существование. Вопрос «Кто ты?» не связан с социальным статусом, кредитной историей или профессиональной ценностью. Он сводится к одному: «Ты здесь. Ты человек». И этого достаточно.

Достаточно для того, чтобы открыть дверь в квартиру, взять еду в столовой, вызвать врача, записаться на курс астрофизики или просто сесть в парке и любоваться закатом без мысли о том, заслужил ли ты это. Доступ ко всем базовым благам — жилью, питанию, медицине, образованию, транспорту, информации — обеспечивается мгновенно и без формальностей. Для этого достаточно подтвердить свою личность через биометрию: отпечаток пальца, сканирование радужки, голосовой шаблон. Это не слежка и не контроль, а минимальный на первых этапах, технически неизбежный акт идентификации, необходимый, чтобы мониторить распределение ресурсов для их устойчивого производства и гарантировать их распределение по потребностям.

Ни одна утопия прошлого не располагала тем, что есть у нас сегодня: искусственным интеллектом, встроенным в саму ткань инфраструктуры, в качестве нейтрального наблюдателя и аналитика. ИИ может внимательно читать ритм сообщества: рост напряжённости в быту, всплески изоляции, дисбаланс в доступе к ресурсам или излишний индивидуализм. Эти данные общедоступны, конечно не для контроля сверху в духе, сейчас придет важный дядька и погрозит пальцем, а для осознанной самокоррекции. Если ИИ замечает, что в каком-то квартале или во всем обществе нарастает напряженность — Проект мягко активирует поддержку: появляются посредники, открываются диалоговые круги, пересматриваются распределения ролей. И людям, людям зрелым и ответственным, достаточно просто указать на негативные тенденции, чтобы они признали существование проблемы и начали искать пути решения.

В обществе, где базовые потребности удовлетворяют-

ся безусловно, труд теряет свою историческую функцию как средство выживания. Он перестаёт быть товаром, который нужно продавать, чтобы не умереть с голоду, и становится формой участия, способом вклада в общее дело. Это не отмена труда, а его переосмысление: труд — и право, и сознательная обязанность. Не принуждение, а этический долг перед сообществом, которое обеспечивает тебе всё необходимое. Это свободный труд с правом выбора — где ты нужнее, где принесешь максимальную пользу, которое становится его сутью. Труд в Проекте Человечество устроен так, чтобы предотвратить профессиональную изоляцию и укрепить горизонтальную солидарность. Каждый участник, независимо от своей основной специализации, периодически включается в другие сферы деятельности: провести месяц на агроферме, поучаствовать в строительстве жилого модуля, освоить ремонт энергетических установок. И опять, не нужно примерять старые лекала с шаблонами принудительности и обязательности — это не уравниловка, а добровольная ротация, практический механизм сопричастности, который надстраивает над специализацией целостное понимание системы. Когда ты сам выращивал овощи, которые потом ешь, или собирал солнечные панели, от которых зависит свет в твоём доме, да даже в соседнем, ты перестаёшь воспринимать эти процессы как «чужие» или «второстепенные». Ты начинаешь видеть систему целиком, не абстракцию, а живой организм, в котором важна каждая клетка.

Такой подход решает сразу несколько задач. Во-первых, он повышает устойчивость системы: в условиях автономии, особенно на ранних этапах или при внешних шоках, важно, чтобы ключевые функции могли поддерживаться даже при частичной потере специалистов. Во-вторых, он разрушает иерархию труда, веками закреплённую в общественном сознании: труд уборщика,

инженера и художника перестаёт измеряться по шкале «престижа» или «доходности», потому что ни один из них не связан с выживанием. В-третьих — и это, возможно, самое главное, — он восстанавливает целостность человеческого опыта. Современное разделение труда превратило человека в узкого специалиста, часто оторванного от физического мира, от циклов природы, от простых, но фундаментальных актов: посадить, построить, починить. В Проекте Человечество каждый сохраняет широкий спектр бытовых навыков не для того, чтобы быть универсалом, а чтобы оставаться человеком, способным к самостоятельности и к взаимопомощи. Специализация, разумеется, сохраняется и даже поощряется. Научные исследования, сложные инженерные задачи, художественное творчество требуют глубины, концентрации, времени. Но эта глубина больше не строится на отчуждении. Учёный, работающий над системой жизнеобеспечения для лунной базы, знает, что завтра может помочь соседу собрать теплицу, а через неделю — участвовать в обсуждении этических принципов распределения ресурсов. Его знания остаются ценными, но они вплетены в ткань повседневной жизни, а не парят над ней в башне из слоновой кости.

Труд — не средство достижения статуса, не способ самоутверждения за счёт других, не поле для конкуренции. Он — форма присутствия в мире, способ сказать «я здесь» не словами, а делом. Человек выбирает занятие не потому, что там «платят больше», а потому, что оно отзывается в нём как призвание, как вызов, как возможность внести вклад в нечто большее, чем он сам. А когда такой выбор возможен для всех — не для избранных, не для тех, кто «достоин», а для любого, кто прошёл барьер Кьеркегора, — тогда труд перестаёт быть бременем и становится радостью осмысленного участия. В этом парадоксальном сочетании — добровольной обязательности и ответственной свободы — рожда-

ется новая этика деятельности, без которой невозможно ни устойчивое земное сообщество, ни космическая экспансия. Звёзды покоряются не тем, кто умеет только считать прибыль или только писать код. Там нужны люди, способные одновременно думать, строить, заботиться и видеть себя частью целого.

В условиях, когда выбор пути развития не влияет на выживание, образование перестаёт быть инструментом социальной мобильности или подготовкой к рынку труда и возвращается к своему изначальному смыслу: к становлению человека как целостного существа, способного мыслить, чувствовать, творить и действовать в согласии с миром и другими людьми. В Проекте Человечество обучение не начинается в определённый день и не завершается получением диплома; оно пронизывает всю жизнь, как свет, как гравитация, как поток нейтрино, — незаметно, но постоянно. Это среда, в которой каждый постоянно находится в состоянии открытия, переосмысления и роста.

С самого раннего возраста ребёнок включается в ткань сообщества. Дошкольное пространство построено, как лаборатория любопытства: здесь есть совместные эксперименты с природой, строительство временного жилья, рассказы старших, музыкальные импровизации, наблюдения за звёздами. Важнейшим педагогическим принципом становится доверие к внутреннему импульсу познания. Никто не заставляет «учиться читать к пяти годам» или «освоить таблицу умножения к восьми», но создаются условия, в которых эти навыки возникают естественно, как ответ на внутреннюю потребность понять, выразить, создать. Образование — это не передача знаний сверху вниз, а сопровождение процесса, в котором человек сам становится исследователем мира.

Школа как отдельная институциональная форма постепенно растворяется в повседневности, потому что нельзя исследовать и понять мир, сидя за партами по во-

семь часов в день и разделяя окружающее на «предметы». Вместо этого подростки участвуют в реальных проектах: системы водоснабжения для новых жилых модулей, генетика растений в агроцентрах, анализ данных с орбитальных телескопов, написание пьесы о будущем человечества. Во-первых, знания не должны абстрагироваться от жизни — они рождаются в ней, проверяются ею, служат ей. Учитель должен быть наставником, который помогает увидеть связи между дисциплинами, задать правильные вопросы, найти собственный путь в океане информации. Во-вторых, ценность знаний определяется их востребованностью. Нельзя брать подростка, который не понимает, зачем нужна геометрия, и надеяться, что он выучит геометрию. Это шаблон потребительского мира, в котором знание становится товаром, необходимым для поступления в институт, чтобы получить хорошую работу и купить красивый дом. Подмена истинного смысла жизни на необходимое капитализму вращение в нужном направлении человеческого винтика. Но нужно показать, как геометрия помогала и помогает понимать мир, дать знанию ценность, определяющую его востребованность. И когда её изучение становится не ступенькой к красивой жизни, а этапом к проектированию инженерной конструкции, только тогда это знание вместе с ценностью приносит в жизнь смысл.

Особое внимание в Проекте уделяется этическому и экологическому образованию, развитию способности к эмпатии, ответственности и долгосрочному мышлению. Дети учатся не абстрактно «беречь природу», а осознавать себя частью биосферы, чьи действия имеют последствия для ближайшего окружения и для будущих поколений. Они изучают историю не только как хронику побед и поражений, а как анализ системных ошибок: почему одни общества коллапсировали, а другие выживали? Как страх и жадность вели к войнам, а доверие и кооперация — к расцвету? И не в виде мо-

рализаторских лекций; они вплетены в повседневные диалоги, в коллективные решения, в практику разрешения конфликтов без насилия.

Когда речь заходит о космосе, а она заходит постоянно, образование приобретает цивилизационное измерение. Астрономия, планетология, экзобиология, философия космоса — это не элитарные дисциплины для избранных, а часть общего культурного кода. Большинство участников Проекта знают физическое и химическое строение Солнечной системы, вызовы, которые ставит колонизация Марса, а также почему важно сохранять биоразнообразие Земли как резерв для будущих миров. Космос — не «прыжок в неизвестное», а горизонт ответственности, к которому человечество должно подготовиться и технологически, и морально. Образование формирует эту готовность через привычку думать на масштабе тысячелетий, критичное мышление, способность спокойно обрабатывать большие объемы информации.

Культура наконец перестаёт быть индустрией, ориентированной на потребление, и возвращается к своей древней функции, к совместному осмыслению бытия. Театр, музыка, литература, изобразительное искусство, архитектура, кино — всё это не товары, не «контент», а формы коллективного диалога о том, кто мы, откуда пришли и куда идём. Авторское право отменено не из идеологического упрямства, а потому что в обществе без денег и собственности творчество теряет свою коммерческую функцию и обретает подлинную свободу: писать, рисовать, сочинять можно и нужно не ради славы или прибыли, а потому что это необходимо, как дышать, как любить, как смотреть на звёзды. Можете представить, как свободно дышится в мире, где книга «Сценарий на миллион долларов» становится археологической диковиной, никому не нужным артефактом ушедшей эпохи? Потому что основной целью искусства

никогда не было потрясение публики внезапными взрывами и спецэффектами, подчеркну, основной целью это никогда не было. Цель искусства — пробуждать. Решать моральные и этические проблемы, исследовать человеческую природу, общество, мир, вести диалоги и рассуждать: кто мы? откуда пришли? куда движемся? стоит ли вообще туда идти, не ошиблись мы с направлением? Произведения искусства не «принадлежат» никому; они сразу становятся достоянием всех. Новая симфония звучит в каждом доме, новый роман читают в кругу друзей, новая инсталляция становится частью городского ландшафта. Автор остаётся видимым, уважаемым, но его признание выражается не в роялти или рейтингах, а в живой реакции сообщества: в обсуждениях, в интерпретациях, в том, как его работа вдохновляет других на собственное творчество. Культура должна быть открытым процессом, в котором каждый может участвовать как зритель, или потребитель, или соавтор нового смысла.

Участие в культурной и политической жизни — не то право, которое можно реализовать или проигнорировать, а форма гражданской зрелости, неотделимая от жизни в Проекте. Обсуждение этических дилемм, принятие решений о распределении ресурсов, проектирование новых социальных практик — всё это происходит в кругах, в ассамблеях, в цифровых форумах с открытым доступом. Нет представительной демократии, потому что нет необходимости делегировать волю: каждый может говорить и быть услышанным. Но эта прямая вовлечённость требует подготовки — конечно, не юридической или риторической, а эмоциональной и интеллектуальной. Именно поэтому образование и культура тесно переплетены: чтобы участвовать в жизни общества, нужно уметь слушать, аргументировать, чувствовать чужую боль, видеть долгосрочные последствия решений. И эти навыки выращиваются годами в школах, в мастерских, в театрах, в библиотеках и в спорах у костра.

Таким образом, образование и культура в Проекте Человечество — это атмосфера существования. Они не служат ни экономике, ни государству, ни даже «прогрессу» в утилитарном смысле. Они служат человеку, стремящемуся к целостности. И именно в этом непрерывном становлении, в этом постоянном диалоге с миром и с другими рождается тот тип личности, который способен не просто выжить в космосе, но нести туда человечность — новое этическое измерение бытия.

В обществе, где отменены деньги и частная собственность, исчезает и традиционная мотивация к скрытности, манипуляции и обману: нет ни «чужого» имущества, которое хочется присвоить, ни «рынка», на котором хочется выиграть за счёт другого. Однако это не означает, что общество автоматически становится гармоничным. Человеческая психика, выстраданная в условиях векового дефицита, страха и конкуренции, к сожалению, не перестраивается мгновенно. Даже после барьера Кьеркегора, в ней всё равно сохраняются глубинные паттерны: склонность к изоляции в стрессе, привычка к пассивной агрессии, бессознательное стремление к доминированию, даже когда нет иерархии, которую можно использовать. Именно здесь на помощь приходит искусственный интеллект в роли коллективного рефлексивного органа, способный подметить то, что отдельный человек или даже группа людей не в состоянии увидеть в повседневной суете.

Система ИИ в Проекте Человечество не следит за личностями. Она не хранит и не анализирует индивидуальные профили, не строит предиктивные модели поведения конкретных людей, не выдаёт «оценки» или «рейтинги». Она работает на уровне агрегированных социальных потоков: сколько раз в неделю в жилом квартале возникают конфликты, требующие вмешательства посредника; как часто люди избегают совместных обедов или коллективных собраний; насколько равно-

мерно распределено участие в рутинных задачах; какие темы вызывают наибольшее напряжение в цифровых форумах; как меняется эмоциональный тон в групповых диалогах после введения новых практик.

Важнейшие принципы — обратимость и открытость. Все собранные данные немедленно обезличиваются и агрегируются. Никто не может «проследить» за конкретным человеком, но каждый может увидеть, как живёт его квартал, его район, его регион. Еженедельные отчёты публикуются в открытом цифровом пространстве Проекта, например, в виде интерактивных визуализаций. Эти отчёты не сопровождаются выводами или рекомендациями сверху, они просто показывают картину, как зеркало показывает лицо.

Именно в этом и заключается этическая революция: технология делает видимым то, что ранее оставалось в тени коллективного бессознательного. А дальше общество само решает, что делать с этим знанием. Если ИИ фиксирует рост социальной дистанции в определённом жилом модуле, это лишь повод для активации локальных механизмов саморегуляции. Если система замечает, что в одной из научных групп резко упало количество совместных публикаций и возросло число индивидуальных запросов к ресурсам, это рождает рефлексивный диалог внутри коллектива.

Более того, сама архитектура ИИ устроена так, чтобы быть подконтрольной обществу. Алгоритмы анализа открыты, их можно изучать, критиковать, предлагать изменения. Раз в квартал проводятся общественные аудиты, в которых участвуют и психологи, и философы, педагоги и художники — все, кто может увидеть этические или социальные риски в том, как система «смотрит» на общество. Если сообщество решает, что определённый тип данных больше не должен собираться — он перестаёт собираться. Если возникает подозрение, что ИИ начинает формировать скрытые предубеждения,

это становится поводом для глубокой перекалибровки системы с участием самых разных голосов.

Открытость в Проекте Человечество — не просто отсутствие тайн, а активная практика взаимного видения. ИИ — это глаза самого общества, направленные на себя. Он лишь говорит: «Вот как мы живём. Вот где мы теряем связь. Вот где источник света». И дальше выбор за нами. В этом зрелость общества, зрелость цивилизации, готовой к космосу: не в том, чтобы построить идеальную систему, а в том, чтобы создать условия, в которых любая система может видеть свои ошибки и исправлять их без насилия. В космос не должен вести за ручку «взрослый дядя» и рассказывать, что хорошо и что плохо. Человечество должно повзрослеть настолько, чтобы видеть последствия своих действий: индивидуальные, групповые; как на ближний срок, так и на срок нескольких человеческих жизней.

При отказе от иерархий и власти язык не может быть исключением. Использование любого национального языка в качестве официального неизбежно воспроизводит исторические дисбалансы, закрепляя культурное превосходство одних и маргинализацию других. Элементарная этика: язык — не просто средство общения, но и носитель мировоззрения, памяти, идентичности. Принудительное доминирование какого-либо национального языка, даже если оно кажется «практичным», является тонкой формой реального насилия. Поэтому для Проекта Человечество в качестве одного из основных общих языков предлагается использовать эсперанто — язык Надежды. Он не принадлежит ни одной нации, однако его корни — в европейской лингвистической традиции, что и является его главным ограничением: лексика, фонетика и грамматические структуры делают его более доступным для носителей романо-германских языков и значительно более сложным для тех, кто говорит на китайском, арабском, японском, тамильском и других. Это,

к сожалению, отражение того самого дисбаланса, который веками определял глобальный диалог.

И всё же эсперанто единственный на сегодня искусственный язык, обладающий достаточной зрелостью для функционирования в масштабах целого общества: у него есть логичная грамматика без исключений, прозрачная словообразовательная система, богатая литература, живое транснациональное сообщество и реальная практика повседневного общения. Поэтому выбор эсперанто обусловлен прагматичным реализмом в условиях исторической несправедливости. Он рассматривается в Проекте не как финальный, а как стартовый, промежуточный инструмент — мост, построенный из тех материалов, что у нас есть сегодня, пока мы вместе ищем, как построить мост лучше.

Со временем, по мере накопления опыта межкультурного общения и анализа трудностей, с которыми сталкиваются участники из самых разных языковых семей, будет создан принципиально новый международный язык — уже не продукт одного ума, а результат коллективных усилий ученых множества культур. Но пока такого языка нет — ни в теории, ни на практике. И ждать его появления, продолжая использовать английский, русский или китайский как «практичный» компромисс, — значит продлевать лингвистическое насилие под видом удобства.

Эсперанто — не идеал. Но он честный шаг в сторону равенства. А равенство, как известно, начинается с отказа от привилегий. Даже от тех, что кажутся «естественными».

Проект Человечество ни в коем случае не стремится к изоляции, хотя и заявляет об автономии, как ближайшей тактической цели. Напротив, он понимает себя как часть человечества и видит в диалоге с внешним миром возможность делиться, учиться, вдохновлять. Однако этот диалог строится на принципе неподчинения

логике капитала. Ни при каких обстоятельствах Проект не вступает в финансовые отношения с внешним миром: он не продаёт, не покупает, не берёт кредиты, не участвует в рыночных цепочках. Это не идеологическая догма, а практическая необходимость сохранения целостности своей модели. Появление любой сущности, наподобие денег, исключенных из экономики равномерного распределения ресурсов, рискует превратить свободное общество Проекта в самую беспросветную автократию, где все снова трудятся практически «за еду». Взаимодействие с внешним миром осуществляется исключительно через бартер знаний, опыта и ресурсов. Если государство или научное сообщество заинтересованы в технологиях, разработанных в Проекте: в системах замкнутого жизнеобеспечения, в методах регенеративного сельского хозяйства или в алгоритмах коллективного принятия решений, — они могут получить их в обмен на оборудование, редкоземельные металлы, доступ к закрытым технологиям. Если учёные извне хотят изучать социальную динамику Проекта, они могут приехать как гости на любой срок, при условии полного уважения внутренних норм и отказа от попыток внедрить внешние ценности или инструменты оценки. Границы Проекта — не стена с колючей проволокой, а мембрана: она пропускает то, что усиливает автономию и целостность, отсекая то, что угрожает внутреннему равновесию. Гости могут приходить, но они не становятся участниками без прохождения барьера Кьеркегора. Технологии могут уходить, но не исчезать в эксклюзивном владычестве авторского права, так как они не связаны условиями, определяемыми рынками или властью. Информация течёт свободно, но не в форме «экспорта модели», Проект — это демонстрация возможности.

Однако у этой открытости есть одно фундаментальное условие: Проект обязан расти. Его расширение — не опциональная перспектива, а этический и функциональ-

ный императив. Каждый новый участник, прошедший барьер Кьеркегора, имеет право на полноту бытия: на личное пространство, на участие в труде и творчестве, на доступ к природе, на тишину и свет. Поэтому на каждого человека в Проекте должно приходиться не менее 1000 квадратных метров общей территории, включая жилые, производственные, образовательные, культурные и природные зоны. Это не роскошь, а минимальный стандарт, обеспечивающий устойчивость, здоровье и достоинство. Для сравнения: в Бангладеш, одной из самых густонаселённых стран мира, на одного жителя приходится около 900 квадратных метров — и там перенаселение порождает хронический стресс, экологическое истощение и социальное напряжение. В то время как на каждого жителя Земли сейчас приходится 18 000 кв. метров. Проект Человечество сознательно выбирает путь, противоположный логике уплотнения и максимизации плотности. Он не стремится вместить «как можно больше» в «как можно меньше», он стремится дать каждому достаточно, чтобы человек мог дышать, думать, расти без ощущения тесноты. Это требование делает расширение обязательным. Проект не может остановиться на 50 000 или даже на 500 000 участников. Он должен расти: через переговоры с государствами, через освоение новых территорий, через создание автономных модулей на островах, в пустынях, в горах, в океанах или за пределами Земли. Каждое новое включение должно сопровождаться пропорциональным увеличением ресурсной базы, чтобы ни один человек не чувствовал себя «лишним» и чтобы ни одно сообщество не теряло своей человеческой масштабности. Именно в этом сочетании открытости и обязательного роста при соблюдении пространственного минимума рождается подлинная альтернатива: не утопический анклав, а расширяющаяся зона зрелости, способная в конечном счёте стать ядром новой цивилизационной парадигмы.

Такой подход позволяет избежать двух крайностей: мессианского энтузиазма и оборонительного замыкания. Проект не хочет «спасти мир», он хочет показать, что другой мир уже возможен здесь и сейчас как работающая система. Ведь зрелость цивилизации измеряется не только её способностью покорять пространство, но и её способностью строить отношения без доминирования.

Проект Человечество не претендует на окончательную истину, не выдаёт себя за завершённую модель будущего и не требует от мира слепого подражания. Это не утопия в классическом смысле, то есть не воображаемый идеал, противопоставленный реальному миру как его осуждение. Это не проект спасения человечества, а эксперимент, в котором каждый участник одновременно исследователь и объект исследования, а общество в целом становится лабораторией, в которой проверяется гипотеза: можно ли построить сообщество, в котором человек не вынужден быть врагом себе и другим, чтобы выжить?

Именно в этом его главная сила. Проект не требует, чтобы люди стали ангелами, святыми или даже «просветлёнными». Он исходит из признания того, что человек — существо противоречивое, травмированное, не всегда последовательное, но способное к росту, если условия позволяют ему не тратить всю свою энергию на защиту от мира. Он не пытается искоренить эгоизм, зависть, страх или лень, ведь эти черты — не пороки, а следы системного насилия, которое веками заставляло людей видеть в другом угрозу. Вместо борьбы с «человеческой природой» Проект создаёт условия, в которых эта природа может проявиться в совсем другом спектре — не в инстинктах выживания, а в способности к заботе, к сотрудничеству, к долгосрочному мышлению, к красоте. И если в таких условиях даже десятки тысяч людей начинают жить иначе, не из страха, не из выгоды, не из долга, а из внутренней убеждённости в цен-

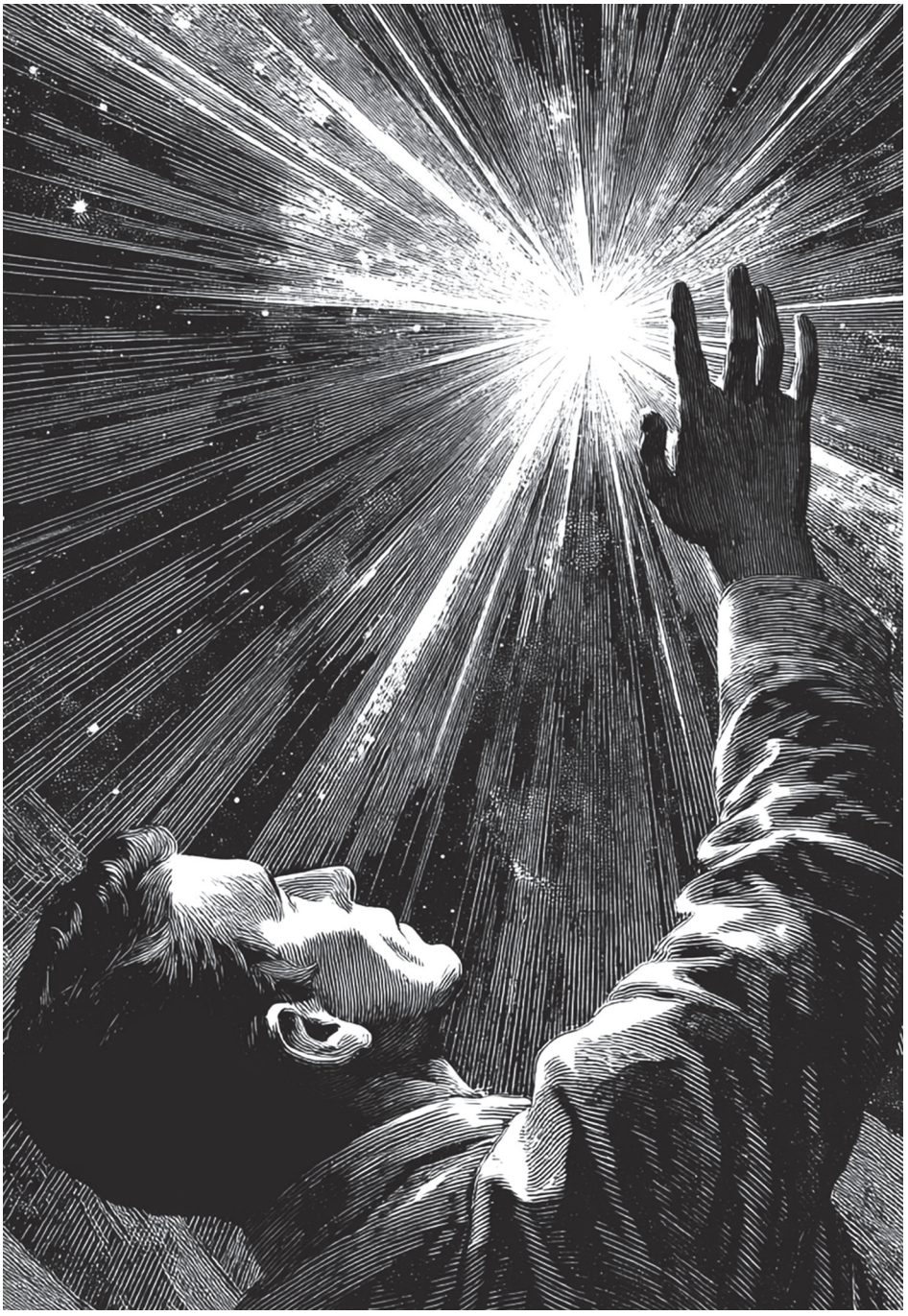
ности общего, тогда это уже не философская гипотеза, а эмпирический факт.

Пусть этот факт ещё не гарантирует успеха в глобальном масштабе, но он разрушает главное оправдание существующего капиталистического порядка: «Иначе невозможно». Как только появляется хотя бы одна территория, где отменены деньги, частная собственность и иерархия страха — и где при этом нет голода, бездомности и безнадёжности, миф о неизбежности капитализма рушится. И тогда вопрос «можно ли?» становится вопросом «почему бы и нет?».

Конечно, Проект может ошибаться. Его институты могут оказаться хрупкими, механизмы — недостаточно гибкими, участники — не готовыми к полной ответственности. Но в этом и заключается суть эксперимента: он не боится ошибок, потому что ошибки добавляют новые данные. Проект живёт, дышит, учится и развивается через диалог с людьми. Именно эта его способность к самокоррекции делает Проект зрелым в самом глубоком смысле этого слова, качеством системы, способной видеть свои слабости и развиваться. Если такой эксперимент удастся даже на ограниченной территории, даже для небольшой группы, он уже докажет, что человечество не обречено на вечное повторение одних и тех же циклов страха, конкуренции и разрушения. Он показывает, что за пределами логики выживания существует пространство другой жизни — может, не идеальной, но достойной, осмысленной.

И тогда космос перестаёт быть просто целью, а становится зеркалом, в котором мы видим, насколько зрелыми стали как вид. Потому что колонизировать другие миры можно и с логикой завоевателя, но тогда мы просто перенесём туда старые раны. А можно как существа, которые научились думать не на год вперёд, а на тысячелетие. И если сегодня Проект Человечество покажет, что в перспективе это действительно возмож-

но, пусть даже покажет это в одном уголке Земли, пусть даже для небольшой группы людей, тогда завтра звёзды действительно станут ближе.

Глава 14

Отличие Проекта от прошлых утопий

«Если ты хочешь построить корабль, не надо созывать людей, планировать, делить работу, доставать инструменты. Надо заразить людей стремлением к бесконечному морю. Тогда они сами построят корабль...»

Антуан де Сент-Экзюпери

Проект Человечество начинается не с идеи, что человек должен стать другим. Он начинается с признания: человек таков, каков он есть, со всеми своими страхами, привычками, травмами и противоречиями. Платон верил, что душу можно отшлифовать разумом, Руссо — что общество испортило изначально доброе существо, Маркс — что частная собственность породила эгоизм, и с её уничтожением человек обретёт подлинную свободу. Все они исходили из необходимости трансформации человеческой природы. Проект же не пытается «исправить» человека. Проект меняет условия, в которых он живёт. Не морализм, а экология повседневности: когда нет угрозы лишиться жилья, еды, уважения, старые защитные реакции — недоверие, жадность, стремление к контролю — просто теряют смысл. Лучшее в человеке не нужно вызывать силой. Его достаточно перестать подавлять.

Ни один из великих утопистов не предложил реального маршрута от существующего мира к идеальному.

Платон не объяснил, как философы придут к власти, не став тиранами. Руссо не сказал, как выявить «общую волю», не превратив её в диктатуру большинства. Маркс описал крах капитализма, но не дал программы для посткапиталистического общества; даже его «меры» 1848 года были декларативны и не привязаны к масштабу, культуре или ресурсам. У нас же есть конкретика: пилотная зона на 50 000 человек, начальная капитализация около 30 миллиардов долларов, формат автономной территории, полученной через переговоры с государствами в обмен на технологии или экологические решения. Это не мечта. Это инженерный проект с бюджетом, территорией и чёткими параметрами устойчивости.

Проблема «кто входит» в идеальное общество решалась утопистами либо игнорированием, либо насилием. Платон отбирал элиту по признаку «золотой души», Маркс полагался на диктатуру пролетариата как на естественный фильтр. Проект предлагает иное: не отбор, а раскрытие. Барьер Кьеркегора, этот год испытания, в течение которого кандидат живёт в сообществе без статуса, без прав, без оценки. Его участие не измеряется, не вознаграждается, не оценивается. Акцент делается не на продуктивность, а на качество присутствия: внимательность, готовность помочь, умение слушать. Поддержка оказывается через группы взаимопомощи, диалог, терапевтические практики. Это не идеологическая чистка, промывание мозгов, перепрограммирование. Это социальный ритуал, в котором человек постепенно теряет привычку защищать «себя» от «других» — но не потому что его заставили, а потому что в новых условиях это больше не нужно.

Экономика в классических утопиях либо отсутствовала как предмет, либо сводилась к простому лозунгу «всё общее». Оуэн строил коммуны, но не решал вопроса масштабируемости. Маркс верил в «автоматическое изо-

билие» при коммунизме, но не объяснил, как управлять распределением без рынка и насколько это реально при тогдашней психологии человека. В Проекте Человечество отказ от денег — не идеологический жест, а практическая оптимизация. Простой расчёт: не менее 25% цивилизационной энергии тратится не на создание благ, а на их учёт, защиту, перераспределение по прибыли. Отмена денег и собственности высвобождает эти ресурсы. Распределение происходит по потребности. Доступ к базовым благам обеспечивается через минимальную биометрическую идентификацию. Все данные публикуются открыто, но в агрегированной, обезличенной форме. Это инженерия социальных процессов — пострыночная логистика, основанная на автоматизации и доверии.

Законодательный свод, призванный подвести разные морали разных племён к абстрактному общему знаменателю, также ликвидирован. В Проекте закон перестаёт быть текстом на бумаге и превращается в естественный ритм совместного существования. Зрелому человеку не нужен школьный устав, чтобы понимать, что хорошо и что плохо. Когда каждый несёт в себе точное мерило совести с ясными категориями добра и зла с самого рождения, попытка классифицировать их возможные нарушения становится столь же ущербной и смешной, как та, что описана у Борхеса: монах, вооружённый схоластикой, пытается уложить хаотическое великолепие императорского двора в ячейки собственной классификации.

Технологии в утопиях прошлого либо игнорировались, либо становились инструментом контроля, как в антиутопиях, где «Большой Брат» следит за каждым. У нас искусственный интеллект работает иначе: он не следит за личностями, не строит профили, не выдаёт оценок. Он анализирует агрегированные социальные потоки: частоту конфликтов, уровень участия, эмоциональный тон в общественных пространствах.

Эти данные немедленно обезличиваются и становятся достоянием всех для коллективной осознанности текущей ситуации. Алгоритмы открыты, аудиты проводятся регулярно с участием самых разных голосов — от программистов до художников. ИИ — зеркало, в которое общество смотрится, чтобы не потерять себя. Это редкий пример этичного использования технологий: не для контроля, а для самокоррекции.

Образование и культура в утопиях либо отводились элите (Платон), либо превращались в инструмент идеологического воспитания. В Проекте они возвращаются к своему изначальному смыслу: становлению целостного человека. Школа как учреждение растворяется в повседневности: дети учатся не за партами, а в реальности. Есть специализированные курсы, когда для практических задач необходимо глубокое знание теории. Культура перестаёт быть индустрией и становится формой коллективного осмысления бытия. Авторское право отменено не из догмы, а потому что в обществе без денег творчество теряет коммерческую функцию и обретает подлинную свободу.

Классические утопии либо замыкались в себе, как «Город Солнца», либо требовали глобальной революции, как у Маркса. Проект Человечество выбирает третий путь: открытость без подчинения. Он не изолируется, но и не вступает в рыночные отношения. Взаимодействие с внешним миром строится исключительно на бартере — знания, технологии, опыт в обмен на ресурсы или оборудование. Это автономия без изоляции, влияние без доминирования, расширение без потери целостности.

Проект — не идеал и не статичная форма. Я сознательно не пытался исчерпывающе описать его внутреннее устройство, не расписывал детальные социальные механизмы управления, не проектировал «конституцию будущего». Это было бы не только преждевременно, но и контрпродуктивно: жёсткая архитектура убивает

живую эволюцию. Вместо этого я задал граничные условия и предложил своего рода матрицу реакций: как система может отвечать на вызовы, не теряя себя.

Важно подчеркнуть: Проект — это не коммуна в привычном смысле. Он схож с религиозными общинами в том, что каждый будущий участник проходит некий ритуал вступления и разделяет общие ценности, и схож с коммунами, где «общее выше личного», являясь таким образом некоторым симбиозом этих типов сообществ. Но он представляет собой явление другого, высшего порядка — не локальное убежище от мира, а прототип цивилизации нового типа, построенный на автономии, высоких технологиях и способности к ненасильственной самокоррекции.

Детали реализации, от алгоритмов распределения ресурсов до форм коллективного принятия решений, должны вырасти из практики самих участников. Сейчас их расписывать не только невозможно, но и скучно: это работа будущего, а не сценарий из головы одного автора. Также я не предлагаю единого пути запуска «нулевой фазы», лишь намечаю возможные векторы: НКО, политические инициативы, научные кооперативы. Может быть, их будет несколько. Может, возникнет не один Проект, а целая симбиотическая группа: один уйдёт в океан, другой займётся добычей из примантийного слоя, третий построит первое внеземное поселение.

Я просто хочу показать, что возможна иная система — не в качестве фантазии, а как набор реалистичных условий, при которых человеческие качества, подавляемые капитализмом, могут проявиться без героизма и жертв. Это попытка предложить чертеж корабля из сплава доверия и здравого смысла. И эти качества — забота, сотрудничество, долгосрочное мышление — диаметрально отличны как от имеющейся капиталистической повестки, так и от тщательно выстроенных карточных домиков утопий прошлого.

Всё это вместе — не утопия в старом смысле. Это эксперимент, запущенный снизу, в котором каждый участник одновременно исследователь и объект исследования. Он не требует, чтобы люди стали ангелами. Он просто создаёт условия, в которых реальный, несовершенный, травмированный человек может проявить свои лучшие качества — не потому что он «должен», а потому что ему, наконец, позволено.

Глава 15

Как начать

— Вы всё хотите решительных действий... Вам бы всё разом... Это трудно. Надо соображаться с обстоятельствами, надо выжидать...
— Ждать! Кто ж дождётся?.. Ведь если ждать минуты, когда всё, решительно всё будет готово — никогда не придётся начинать.

И. С. Тургенев, «Новь»

Я не могу назвать точную дату старта, не могу обозначить маршрут, по которому Проект придёт в реальность, и даже не стану предполагать, какой будет дверь в это пространство. Не потому, что не думал об этом, а потому, что любое предсказание обречено на ошибку — реальность всегда сложнее замысла. Но одно я знаю наверняка: Проект Человечество не ждёт единого сигнала и не требует всемирного одобрения. Он может начаться тихо, в одном месте, с нескольких сотен людей, которые верят в его будущее и готовы его создать. Однако он не может начаться в юридическом вакууме — он сын нашей цивилизации и ему нужны ресурсы. Ему нужны три вещи, без которых чистая идея остаётся мечтой: территория, пусть даже небольшая, но с ясным юридическим статусом; устойчивый доступ к энергии, желательно возобновляемой и не зависящей от внешних поставок; и группа людей, обладающих теми знаниями,

без которых автономия невозможна — от выращивания еды до поддержания замкнутых технологических циклов, — и разделяющих этические принципы Проекта. Только при этих условиях идея становится анклавом, а Проект — реальностью.

Забудьте эпитет нереалистично. Проект реалистичен в первую очередь потому, что рационален в использовании ресурсов. Это не рациональность фашистской диктатуры из романа Оруэлла, когда все ходят в одинаковых робах и спят в клетушках размером с прихожую на узких кроватях. Это рациональность, преводящая к максимально комфортному уровню жизни, недостижимому для 80% населения Земли.

Позвольте анекдот.

Прилетают на Землю инопланетяне и спрашивают:

— Вы изобрели ядерную энергию, ИИ, генную инженерию… но при этом 1 млрд. людей голодает, а дети в трущобах дышат смогом. Как вы это объясняете?

И мы отвечаем:

— У нас не хватает места.

А они смотрят на пустыни, леса, степи, горы и говорят:

— Нет, у вас не хватает совести.

Общая площадь, которая требуется Проекту, тысяча квадратных метров на человека. Это число может показаться несуразным и невозможным, ведь это не просто тысяча квадратных метров на одного жителя, в неё входят и энергетический сектор и промышленный сектор и агросектор и научно-исследовательский и зоны воспитания и образования и зоны отдыха, нетронутые природные зоны, и наконец, надо где-то жить. Вы удивитесь, но при использовании современных технологий, 3д-печати, модульного строительства, гидропонники, вертикальных агроферм, пастбищ, полей и садов с грамотным агнономическим управлением, медсектора с телемедициной и базовым фармпроизводством, у вас еще останется 30 квадратных метров на жилье, с перера-

боткой отходов, утилизацией, энергией и прочим. При этом, около 400 квадратных метров из исходной тысячи останутся нетронутыми, как зоны восстановления. При закладке тысячи метров на человека, будет где отдохнуть в «дикой» природе, где провести досуг, получить образование и медицину буквально в шаге от дома, и при этом жить в малоэтажной застройке. Если привести в исполнение проекты глубоко подземного строительства, куда переносится большая часть производств и агроферм, то комфорт вырастает многократно. Почему же мы видим гигантские жилые комплексы в развитых странах? Почему наблюдаем человеческую давку и нищету в том же Бангладеш, с его 900-ми квадратных метров на человека? Поищите ответ самостоятельно, у меня нет ответа, кроме как к цитаты из анекдота выше. При плотности 1 человек на 1000 кв.м. можно жить в комфортных условиях и с хорошим достатком, разумеется, при использовании современных технологий. Всё население Земли можно свободно разместить на территории такой страны, как Бразилия. Да хотя бы на всем континенте Южной Америки. Представьте теперь нашу планету, когда всё население живёт на одном континенте в максимально комфортных условиях, не в давке, не испытывая ни в чем недостатка. Сколько освобождается территорий для сельского хозяйства, проивзодств, исследовательских комплексов, отдыха? Что произойдет с экологией, изменениями климата, озоновым слоем? Это не фантастический бред — это реальность. То, что мы наблюдаем в окно сейчас — это побочный эффект гигантской ловушки потребления, в которую нас загнал капитализм.

Поэтому Проект — реален. Потому что он рационален и гарантирует достойную жизнь, полную свободы и смысла.

Таких анклавов может быть несколько. Они могут возникать одновременно в разных уголках мира — в пу-

стынях, на островах, в горах, океанах, на территориях, выделенных по договору, в нейтральных зонах. У каждого будет своя экология, свой климат, своя история взаимодействия с ближайшим окружением. Но их будет объединять не центр и не устав, а общий язык этики, обмен опытом и готовность поддерживать друг друга, когда это необходимо. Это сеть, созданная доверием. Проект не строит стен. Он растёт, как лес.

Первым практическим шагом может стать создание Фонда Человечество — некоммерческой международной структуры, которая не будет владеть ресурсами и не будет принимать решений за сообщества, но сможет обеспечивать их связь и защищать их право на существование. Его роль служить, а не управлять: поддерживать популяризацию идеи, решать юридические вопросы, аккумулировать добровольные пожертвования для выкупа новых территорий, ресурсов и технологий. Совет Фонда — это не орган власти, а инструмент, который помогает и координирует, но не управляет.

В странах с сильными демократическими институтами естественным станет появление политических инициатив — движений или партий, — цель которых изменение законов, чтобы добиться признания права на существование территорий, где деньги и частная собственность отменены как практический выбор сообщества. Они будут требовать права на эксперимент — право жить по-другому, не нарушая ничьих границ.

Важно, что ни одна страна, ни одна нация не должны априори исключаться из поля действия Проекта. Как бы идеалистически это ни звучало, как бы возвышенно-наивно не выглядело, даже самая авторитарная диктатура не должна быть ограничена в праве предоставить свою территорию или ресурсы в обмен на технологии, разработанные в рамках Проекта, или услуги им оказываемые. Может быть глупо, может быть вызовет недопонимание и политическую конфронтацию с другими

странами, но повторю еще раз, Проект не имеет единого центра управления и принятия решений, не имеет правительства в прежнем понимании этого слова, не имеет собственной законодательной базы. Проект — это сеть самоуправляемых и самокорретирующихся анклавов. И самое главное в их существовании на первых этапах, качественный рост и создание космической инфраструктуры. А для этого надо показать зрелость и мудрость, не отвергать тех, чьи правительства «недостойны».

Первые два года могут привести десять тысяч человек, готовых не просто поддержать идею, но включиться в её реализацию. Это не элита и не отборная когорта — это те, чьи знания жизненно важны для автономии: инженеры, агрономы, врачи, педагоги, строители, программисты, мастера. Но главное — не их компетенции, а их внутренняя готовность жить в системе, где блага не покупаются, а совместно создаются и делятся. Профессионализм необходим, но вторичен по отношению к способности ставить общее выше индивидуального — не из долга, а из убеждённости.

Через два года — первые модули, первые тысячи участников, работающий Фонд. Через пять-десять лет — сто тысяч человек, полная автономия в еде, энергии, медицине и образовании. Через десять-двадцать лет — миллион, сеть анклавов, первые шаги за пределы Земли. Этот рост возможен не потому, что мир внезапно изменится, а потому, что альтернатива станет осязаемой. Как только один анклав докажет, что можно жить без страха и денег, другие возникнут сами. Главное — не снижать этическую планку барьера, иначе всё превратится в ещё один социальный проект, обречённый на вырождение. Поселение на пятьдесят тысяч человек — это не город будущего с футуристическими башнями, а интегрированный организм, где энергия, еда, производство, здравоохранение и знания образуют замкнутый, но живой цикл. Для его поддержания потребуется около двадца-

ти тысяч человек, то есть менее половины населения. Остальные будут заняты в образовании, культуре, исследованиях, уходе, творчестве — в том, что делает жизнь достойной, а не просто выживаемой. Никто не «работает на пропитание». Труд — это участие, и каждый, вне зависимости от роли, имеет равный доступ ко всем благам.

Общая капитализация для запуска такого анклава — около тридцати миллиардов долларов. Это много, если мерить по меркам благотворительности, но мало, если мерить по масштабу цивилизационного сдвига. Эта сумма сопоставима с бюджетом одного космического телескопа, но она закладывает основу не для одного полёта, а для нового способа быть людьми. Людьми космической эпохи, не надо забывать об этом. В земных условиях оттачиваются технологии космических станций и поселений на других планетах, астероидах.

Проект открыт всем — без исключения по происхождению, вере, статусу. Но он не может быть мгновенно доступен всем. Каждый новый человек требует не только жилья и еды, но пространства, внимания, времени сообщества на адаптацию. Чтобы не превратить доверие в надзор, а труд — в обязанность, рост должен быть управляемым. Поэтому очереди неизбежны. Но они будут прозрачными: приоритет получают те, чьи знания критически важны на данном этапе, а также те, кто уже живёт рядом и проявляет добрую волю. Никто не отсеивается навсегда — заявка остаётся активной, и каждый год кандидат получает обратную связь и возможность подготовиться дистанционно. Очередь — это не отказ, а пауза, в течение которой Проект строит новый анклав.

Нет идеального момента. Нет готового плана. Есть только решение начать — несовершенно, но честно. И как только это решение принимается, Проект уже существует.

И это начало новой истории человечества.

И новой надежды.

Глава 16

Критика Проекта

— Здесь, знаете ли, приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте. А если вы хотите попасть в другое место, вы должны бежать по крайней мере вдвое быстрее!

Льюис Кэрролл, «Алиса в Зазеркалье»

Проект Человечество не претендует на непогрешимость — он вообще не претендует ни на что, кроме права быть проверенным. Он не догма и не пророчество, а гипотеза, запущенная в плоть реальности: можно ли жить без страха, конкуренции и иерархии, если базовые потребности удовлетворены? Но любая гипотеза, особенно такая дерзкая, немедленно сталкивается с сопротивлением — не только внешним, но и внутренним, не только политическим, но и психологическим.

Самое серьёзное внешнее сопротивление придёт от самой глобальной экономической системы как метаболизма цивилизации, построенного на страхе, дефиците и вечном росте. Существование зоны, где эти механизмы отключены, подрывает главный миф капитализма: «Иначе невозможно». Даже если Проект не будет агитировать, не станет призывать к бунту и не предложит миру свою модель в качестве замены — сам факт его бытия уже станет вопросом, на который система не сможет дать

убедительного ответа. Поэтому его неминуемо начнут демонизировать: назовут сектой, зоной подавления личности, угрозой национальной безопасности. Медиа, финансируемые крупным капиталом, нарисуют картину общества, где «всё решают алгоритмы», а люди «лишены свободы выбора». И это сработает — не потому, что в этом есть правда, а потому, что страх всегда громче факта, в плохое верится легче, чем в хорошее.

И всё же глобальная система — не монолит. США, Китай, Индия, Бразилия, страны Африки конкурируют не только за рынки, но и за технологии, престиж, выживаемость. И если одна из них согласится предоставить территорию под Проект в обмен на передовые решения в замкнутых циклах, регенеративном сельском хозяйстве или — что особенно важно — в полной утилизации всех типов отходов, другие будут вынуждены отреагировать. Не из идеализма, а из страха отстать. Уже сегодня есть страны, готовые экспериментировать с новыми формами управления: Эстония — цифровое гражданство, ОАЭ — министерство по делам ИИ, Руанда — экологические инициативы. Одна такая лазейка — и пилотный запуск возможен. Особенно, если предложить не просто «альтернативу», а практическое решение глобальной проблемы, с которой капитализм не справляется даже в теории.

Государства, даже те, что изначально согласятся на эксперимент, рано или поздно почувствуют угрозу своему суверенитету. Проект отрицает основы государственности: налоги, гражданство, монополию на насилие, культурную гегемонию. Он не платит налогов, не признаёт паспортов, не нуждается в полиции и заменяет национальный язык нейтральным эсперанто. Такая автономия на национальной земле будет воспринята как вызов, особенно если Проект начнёт привлекать беженцев, диссидентов, тех, кто разочаровался в системе. Но ключ в формате: Проект не требует признания как нового государства. Пока что он предлагает себя как автономную

исследовательскую зону, аналог научно-технической особой экономической зоны, только без денег. Его статус — не политический, а экспериментальный. Это позволяет обойти многие юридические ловушки, особенно если договорённости строятся на основе международного научного сотрудничества или экологических обязательств. Даже в перспективе будущего Проект становится неогосударством, и этот термин еще предстоит осмыслить. Не новое государство, а иная форма суверенитета: основанная не на территории, налогах и насилии, а на добровольном участии, взаимной ответственности и общей цели. Это не замена нации, а её «преодоление».

Правда, на старте Проект не будет самодостаточен. Ему нужны редкоземельные металлы, микросхемы, специализированные материалы, доступ к научным базам данных. Ни одна крупная корпорация не захочет поставлять ресурсы «антикапиталистической зоне» из страха перед репутационными и юридическими рисками. Достаточно неофициального эмбарго, и цепочка снабжения оборвётся. Однако зависимость от внешних поставок — временная. Цель Проекта: максимально быстрый переход к замкнутому циклу. Первые 5-7 лет — фаза интенсивной интеграции внешних технологий, но уже к 10-му году планируется полная автономия в базовых ресурсах. Кроме того, бартер знаний и технологий позволяет обходить рыночные ограничения: например, обмен системы переработки отходов на доступ к редкоземельным металлам. Это не идеально, но это реалистичная стратегия выживания в условиях глобальной зависимости. Внутренняя уязвимость, она же главная, — барьер Кьеркегора. Год испытания без статуса, без гарантий, без формальной оценки звучит как акт доверия. Но для человека с глубокими травмами, а таких будет большинство, это может стать ловушкой. В условиях, где «никто не оценивает», легко возникает чувство невидимости: «Меня

не замечают — значит, я никому не нужен». Если поддержка окажется недостаточной, начнётся тихий коллапс доверия. Именно поэтому психологическая поддержка — не дополнение, а ядро инфраструктуры. На каждые 200-300 кандидатов предусмотрен круг сопровождения: терапевты, модераторы, наставники. Это не «лечение», а сопровождение процесса раскрытия. Современная нейробиология демонстрирует, что хронический стресс, особенно связанный с чувством небезопасности, подавляет активность префронтальной коры — области мозга, критически важной для эмпатии, долгосрочного планирования и самоконтроля. Напротив, данные свидетельствуют о том, что создание безопасных и стабильных условий способствует восстановлению функций префронтальной коры. В таких условиях у человека значительно повышаются нейробиологические предпосылки для просоциального поведения, включая способность к сотрудничеству. Это видно в скандинавских странах с сильной социальной защитой: там ниже уровень агрессии, выше доверие; в кризисных сообществах взаимопомощи, где на время исчезает конкуренция; даже в тюрьмах Норвегии, где условия приближены к человеческим, уровень рецидивов в разы ниже. Проект просто масштабирует этот эффект и делает его постоянным, а не временным.

Проект предполагает, что сообщество, прошедшее через барьер Кьеркегора, обладает достаточной зрелостью, чтобы замечать и корректировать скрытые иерархии, без указаний сверху, просто потому что видит: «Так хуже всем». Но это гипотеза. Что, если зрелость окажется фрагментарной? Что, если «все видят проблему», но никто не хочет быть первым, кто заговорит? Что, если даже в условиях изобилия человек продолжит искать, кто «важнее»? Кто будет координировать деятельность, принимать решение о включении новых участников, вести переговоры, принимать координаторские решения о ближайших стратегиях разви-

тия — а их необходимо принимать, потому что всегда есть несколько равноценных стратегий с разной расстановкой приоритетов. Сейчас нет ответов на все эти вопросы, есть один ответ. Проект создаёт условия, где ответы можно будет увидеть вживую — и попробовать разные варианты этих ответов. Не в теории. Проект — это самокорректирующийся и саморегулирующийся социальный организм, построенный на единственном принципе всех участников «общее значимее частного». Отказ от денег не отменяет иерархий, он лишь делает их невидимыми. Возникнут новые формы статуса: кто работает в космической лаборатории —«важнее», чем кто убирает туалеты; кто говорит убедительно на собраниях — получает влияние; кто дружит с «ключевыми фигурами» — имеет неформальный доступ к решениям. Труд как «этическое обязательство» — благородная идея, но в замкнутом пространстве она может стать формой мягкого принуждения. Человек, переживающий кризис, депрессию или просто усталость, формально не будет наказан за отказ участвовать. Но его социальное отчуждение станет невыносимым. Именно для этого и существует система ИИ-рефлексии. Она не следит за людьми, но фиксирует паттерны неравенства: кто чаще участвует в принятии решений, кто избегает рутинных задач, кто получает больше внимания. Эти данные публикуются открыто, без привязки к личностям, и становятся основой для коллективной коррекции. Если возникает теневая иерархия, сообщество видит её и обсуждает, не дожидаясь кризиса. Кроме того, ротация ролей и обязательное участие в разных сферах деятельности (агроферма, ремонт, забота о детях и больных) разрушают профессиональную изоляцию и престижность труда. Уборка туалета — не «низкий» труд, а необходимая функция, которую выполняет каждый. Это не уравниловка, а практическая солидарность. Проект лишён одного из самых мощных объединя-

ющих факторов — общего врага. В благополучные времена это благо. Но в кризис — уязвимость. Когда наступит засуха, эпидемия или сбой в системе жизнеобеспечения, не будет внешнего «они», на которое можно свалить вину. Вся ответственность ляжет на сообщество внутри. И тогда начнётся поиск внутреннего врага. Но именно в этом и заключается ставка Проекта: не на идеальных людей, а на возможность их появления при правильных условиях. Если барьер Кьеркегора действительно работает, если он формирует не просто «лояльных», а зрелых людей, способных нести ответственность за общее без внешнего давления, тогда кризис станет не расколом, а поводом для углубления доверия. Отказ от внешнего врага — не слабость, а признак зрелости. А зрелость делает возможной не только жизнь на Земле, но и выживание в космосе. Структурное противоречие лежит в требовании обязательного роста. Проект не может остановиться на 50 000 участниках, он обязан расширяться, чтобы сохранять норму 1000 м² на человека. Но рост требует новых территорий, новых переговоров, новых ресурсов. А государства не заинтересованы в множестве таких зон. Рост — не цель, а условие. Если Проект не может расти, он теряет этическую основу: каждый человек имеет право на пространство, тишину, природу. Поэтому стратегия — не только наземное расширение, но и вертикальное освоение (подземные уровни, океанические модули), и внеземное развитие (лунные и орбитальные автономные поселения), и создание других автономных зон. Космос здесь — логистическая реальность. SpaceX планирует запускать по 100 ракет в год. NASA, ESA, CNSA планируют базы на Луне к 2030-му. Артемис, Starship, добыча воды из реголита — всё это уже не фантастика. А значит, космическая экспансия перестаёт быть делом далёкого будущего. И тут возникает ключевой вопрос: какие люди нужны

для колонизации других миров? Не те, кто умеет максимизировать прибыль. Не те, кто привык к иерархии страха. А те, кто умеет строить доверие в замкнутом пространстве, распределять ресурсы без конфликта, принимать решения без лидера, заботиться о других без выгоды. Именно таких людей готовит Проект Человечество. Он не «готовится к космосу» — он выращивает космическую цивилизацию здесь, на Земле. Всё это вместе делает Проект опережающим своё время. Он требует уровня зрелости, который пока не является массовым. Собрать вместе для общей идеи 50 000 устойчивых, ответственных, готовых к доверию людей — возможно. Найти 500 000 человек — уже проблема. А миллионы — наверное, пока невозможно.

Поэтому судьба Проекта Человечество укладывается в четыре реалистичных сценария: элитарный анклав, изолированный заповедник, коллапс из-за внутренних противоречий — или успех. Причём успех измеряется не глобальной трансформацией мира, а разрушением одного из самых прочных его мифов: что другой мир невозможен, что по другому жить нельзя. Он станет тем знаковым примером, на основе которого начнут формироваться новые сообщества, новые практики, новые законы. Он докажет: человек не враг себе и другим по природе. Он становится таковым под давлением. И последняя, но самая мощная надежда: скорость распространения факта. Раньше утопии гибли в изоляции. Сегодня любой факт мгновенно становится глобальным. Достаточно, чтобы один журналист, один учёный, один блогер побывал в Проекте и сказал: «Там нет голода. Там нет полиции. Там дети учатся не за оценки, а потому что им интересно. И при этом всё работает». Этого будет достаточно, чтобы миллионы задумались.

А когда появляется альтернатива, которую можно увидеть, потрогать, проверить, миф о «незименности» мира рушится. Не сразу — но необратимо.

Потому что люди устали. Они устали от тревоги, от конкуренции, от ощущения, что мир — это арена, где ты либо побеждаешь, либо исчезаешь.

Проект Человечество не предлагает спасения. Он предлагает другой способ быть. И если хотя бы один человек увидит это и скажет: «Я хочу жить так» — тогда надежда уже не будет абстракцией.

Заключение

От диагноза к проекту

Эта книга началась с простого вопроса: должно ли то, что мы называем «нормой», быть нашей окончательной судьбой? Мы прошли долгий путь — от диагностики системного кризиса до разработки проекта по его преодолению. Теперь, в финале, стоит собрать ключевые выводы воедино.

Текущее состояние нашей цивилизации — не случайность, а закономерный результат системы, возведшей конкуренцию, бесконечный рост и товарный фетишизм в ранг добродетели. Как мы видели, эта система:

- Экологически самоубийственна, что приводит к превышению планетарных границ.
- Психологически разрушительна, что порождает эпидемии одиночества, тревоги и отчуждения.
- Экономически иррациональна, что заставляет тратить до четверти всех ресурсов не на созидание, а на учёт и перераспределение того, что уже создано.
- Цивилизационно тупикова, что блокирует подлинно долгосрочные проекты, подобные космической экспансии, в угоду краткосрочной прибыли.

Нам веками внушали, что «человек человеку волк», возводя эту идеологическую конструкцию в ранг естественного закона. Однако наша подлинная, эволюционно проверенная природа — это «сросшаяся бдренная кость»: способность к заботе, сотрудничеству и долгосрочной поддержке. Капитализм не вырастает из человеческой сути, он является системным искажением этой сути, её программным подавлением в угоду механизму накопления.

Наша цивилизация застряла на стадии ребёнка в песочнице, который не хочет делиться игрушкой. Мы вы-

строили глобальную экономику, политику и культуру вокруг этого инфантильного импульса — «моё!». Но человечество не может вечно оставаться в этой песочнице. Чтобы выжить, ему необходимо сделать то, что рано или поздно делает каждый человек, — повзрослеть.

И этот переход к зрелости — не просто моральный императив. Как убедительно показала «Математика солидарности», это вопрос эффективности выживания. Логика «волка», доведённая до абсолюта, загоняет общество в ловушку «равновесия Нэша», устойчивого, но наихудшего для всех состояния. И напротив, стратегия кооперации, основанная на доверии и долгосрочном взаимодействии, является единственным путём к «оптимуму Парето», состоянию, при котором невозможно улучшить положение одного, не ухудшив положение другого. Достичь этого оптимума в условиях жесткой конкуренции принципиально невозможно. Свободное, основанное на доверии общество — вот стратегическое преимущество вида.

Современное общество опасно заблуждается, считая себя свободным, в то время как его сознание тотально контролируется им же самим, программируя себя на невозможность и неудачу. В точности по Оруэллу, где министерство правды объявляет войну — миром, а рабство — свободой: капиталистическая медиа-культура десятилетиями целенаправленно создавала штампы, где «коммунизм» — это исключительно «тоталитарный СССР», а «утопия» — «опасная наивность». Результат налицо: в западном книгоиздании почти невозможно найти серьезных работ о коммунизме как о философской идее, а в массовой культуре образ коммуниста стал карикатурным злодеем. Пока мы считаем любую идею о лучшем мире «невозможной утопией», а ее сторонников — «опасными мечтателями», мы сами добровольно отказываемся от будущего. Мы становимся «мыслеполицией» для самих себя. Это и есть диктатура нового уровня. Не цензура с дубинками, а цензура нашего со-

знания. Нам не запрещают мечтать. Нам внушили, что мечтать — стыдно и глупо.

«Проект Человечество» — это сознательный разрыв с утопической традицией. В отличие от проектов Платона, Руссо или Маркса, он не пытается «переделать» человека, а меняет условия, в которых его лучшие качества могут проявиться естественно, предлагает концепцию технического задания с конкретными параметрами: территорией, бюджетом, ресурсами и поэтапным планом, а так же строен в исторический контекст, признавая провалы прошлого, предлагая механизмы для их преодоления и механизмы саморегуляции.

Мы показали, что один из вариантов перехода возможен через создание автономных анклавов, для постепенного выращивания иной социальной ткани, но не как акта революционного насилия. Эти анклавы, объединённые общими принципами (отмена денег, ротация труда, этика доверия), сделают Проект успешным, даже если в первых реализациях он провалится. Потому что Проект является социальной лабораторией, предоставляющей бесценные данные для психологии и социологии. Он является технологическим хабом, разрабатывающим решения для замкнутых циклов и автономного выживания, для создания необходимой космической инфраструктуры, для создания и испытаний агротехнологий, освоения и развития территорий. А так же он будет «предохранительным клапаном» для глобального экономической системы, легально перенаправляя протестную энергию в конструктивное русло. Да, Проект может собрать всех недовольных и развиваться по взаимному принципу «вы не лезете к нам, мы к вам».

Космическая экспансия — это испытание на зрелость вида. Ни одна цивилизация, раздираемая внутренней конкуренцией, страхом и жаждой сиюминутной выгоды, не сможет её осуществить. Молчание космоса — это, возможно, не свидетельство нашего одиночества, а немой укор. Возможно, именно в этом и состоит Великий

Фильтр: не каждая цивилизация способна преодолеть собственную жадность, страх и эгоизм до того, как научится строить реальные звездолёты. В конечном счёте, «Проект Человечество» — это не просто способ улучшить жизнь на Земле. Это тренировка перед главным экзаменом.

А как именно мы пройдём этот экзамен — зависит не от системы, не от технологий и даже не от идей, а от нас самих.

Мы живём в мире, вывернутом наизнанку. Ценности перевёрнуты, решения принимаются по абсурдным причинам, а нормой стало то, что ещё вчера казалось кошмаром. Мы привыкли называть белое чёрным. Наш мозг научился воспринимать негатив как данность, а позитив считать наивным отклонением.

Эта книга была попыткой отодвинуть шоры с глаз. Не для того, чтобы отвергнуть реальность, а чтобы увидеть, что та «реальность», в которую нас заставляют верить, — лишь одна из возможных версий. «Проект Человечество» — это не утопия в навязанном нам смысле, а практическая модель, построенная на иных принципах. Это не отрицание реальности, а её продолжение в новом качестве, где доверие становится выверенной стратегией, а технология служит не контролю, а рефлексии.

Мы стоим на пороге. Один путь ведёт вниз по спирали. Другой путь требует мужества — мужества вообразить реальный иной способ жить и попробовать воплотить это в реальность. Нас на этой планете восемь миллиардов. Даже если в новую возможность поверит одна сотая процента, это восемьсот тысяч человек. А ведь экспансия из Африки сто тысяч лет назад началась гораздо меньшим числом. Если мы позволим этой возможности осуществиться, мы не просто избежим коллапса. Мы наконец-то станем тем, кем всегда были в своих лучших проявлениях, — единым человечеством, готовым к звёздам.

Но это уже совсем другая история.

Список литературы

Привожу два списка литературы, основной и дополнительный. Было очень нелегко распределить книги между ними, поэтому разделение получилось весьма условным, и я не уверен, что через полгода смогу объяснить, почему и какую книгу в какой список включил.

Но это хорошие книги. Критика, альтернативные теории, исследования, мои любимые Стругацкие — кто знает, написал бы я эту книгу, если бы совершенно случайно не наткнулся на их «Полдень» в библиотеке в пятом классе.

И бесконечно-нежная «Голубая точка» — которая попала в дополнительный список. Если захотите погрустить, и поразмышлять, и снова погрустить.

1. Фрэнсис Фукуяма — «Конец истории и последний человек» (1992)

Классический текст после окончания холодной войны, провозглашающий победу либеральной демократии и рыночной экономики как «конца» идеологической эволюции. Книга стала символом капиталистического триумфализма 1990-х — и сегодня читается как исторический документ о кризисе воображения: если «история кончилась», то будущее можно только регулировать, но не проектировать.

2. Карл Маркс — «Экономическо-философские рукописи 1844 года» (раздел «Отчуждённый труд»)

Здесь Маркс вводит понятие отчуждения: человек теряет связь с продуктом своего труда, с другими людьми, с самим собой и с природой. Труд превращается в средство выживания, а не выражение сущности. Эта идея лежит в основе критики собственности, gig-экономики (модель занятости, основанная на краткосрочных контрактах и разовых заданиях — гигах) и превращения знания в товар.

3. Эрих Фромм — «Бегство от свободы» (1941)

Фромм объясняет, почему люди добровольно отказываются от свободы в пользу авторитарных систем: свобода порождает тре-

вогу, изоляцию, ответственность. Чтобы избежать этого, человек «бежит» в конформизм, потребление или подчинение. Ключ к пониманию, почему общество принимает логику капитализма даже против своих интересов.

Эту книгу можно читать и спорить. Я спорил по той позиции, что изучаются реакции людей, которые живут в рабстве или рядом с рабством, то есть в обществе, где свобода сведена к трем альтернативам: стать хозяином, стать рабом, стать свободным и голодным. Тем не менее Эрих Фромм очень вдумчивый автор и хорош уже тем, что находится в известной оппозиции к Фрейду, которого в этих списках вы не найдете. Для меня он где-то на том же уровне, что и маркиз де Сад, — вроде бы и правильные вещи пишет, но выплескивает очень много своих подсознательных сублимаций.

4. Жан Бодрийяр — «Общество потребления» (1970)

Бодрийяр показывает, что в современном мире мы потребляем не вещи, а знаки: статус, идентичность, принадлежность. Потребление становится языком, а человек — его носителем. Это объясняет, почему «иметь» важнее, чем «быть», и почему одиночество усиливается даже в условиях изобилия.

К сожалению, автор не исследует причины, оставляя их на уровне некой «магии» или бессознательного. В целом можно применять только к весьма узким слоям, но книга интересна тем, что есть где поспорить, а так как большинство рассуждений легко опровергаются контрпримерами — это достойный учебник по их нахождению.

5. Йозеф Шумпетер — «Капитализм, социализм и демократия» (1942)

Шумпетер вводит понятие «творческого разрушения» — двигателя капитализма, который постоянно уничтожает старые структуры, чтобы создать новые. Но он же предсказывает: капитализм сожрёт сам себя, подорвав культурные основы (семью, традиции, этику), на которых держится. Пророческий взгляд на внутреннюю неустойчивость системы.

6. Марк Фишер — «Капиталистический реализм» (2009)

Краткий острый анализ того, как капитализм стал «единственной реальностью», в которой невозможно даже представить альтернативу. Фишер называет это «пост-политическим» состоянием: «It is easier to imagine the end of the world than the end of capitalism» (Джеймисон).

7. Роберт Патнэм — «Боулинг в одиночку» (2000)

Социологическое исследование упадка социального капитала в США: исчезновение клубов, профсоюзов, соседских связей. Патнэм показывает, как индивидуализм и телевидение разрушили «толстую ткань» общества. Подтверждает тезисы об одиночестве как системном явлении.

8. Бернард Стиглер — «Память будущего», «Техника и время» (1990-2010-е)

Философ техники, который связывает кризис внимания, образования и воображения с логикой индустрии внимания. Для Стиглера внимание — это «движение души», а капитализм превращает его в ресурс.

9. Элинор Остром — «Управление общим» (1990)

Нобелевский лауреат по экономике, доказавшая, что общины способны управлять общими ресурсами (лесами, водой, рыболовством) без государства и рынка. Опровергает «трагедию общин» Хардина. Прямая теоретическая основа для «Проекта Человечества» как самоорганизующегося сообщества.

10. Аркадий и Борис Стругацкие — «Полдень. XXII век» (1962)

Не академическая работа, но ключевой культурный текст советской утопии: мир, где наука, этика и космос едины, а человек — участник общего дела. Контрапункт западному киберпанку.

11. Роберт Аксельрод — «Эволюция кооперации» (1984)

Математическое обоснование «Математики солидарности». Аксельрод показал, что в повторяющихся играх стратегия «Око за око» (начинай с доверия, отвечай на предательство, но прощай) побеж-

дает эгоизм. Доказывает: кооперация — не мораль, а рациональная стратегия выживания.

12. Сьюзен Джордж — «Доклад Лугано» (2005)

Книга жанра, близкого к фантастике, написана в форме сатирического доклада, который некая группа экспертов готовит для мировой элиты. Вопрос: как сохранить глобальную капиталистическую систему в XXI веке? Ответ: путем сознательного углубления неравенства, контроля над ресурсами и подавления социального недовольства. Это хлесткая и прозорливая критика, предсказавшая многие черты современного мира.

Дополнение к списку литературы

Философия и антропология

13. Пётр Кропоткин — «Взаимопомощь как фактор эволюции» (1902)

Прямой антипод «социал-дарвинизму» Спенсера. Кропоткин на огромном биологическом и историческом материале доказывает, что взаимопомощь, а не конкуренция, является решающим фактором выживания и прогресса видов, включая человека.

14. Алексей Лосев — «Диалектика мифа» (1930)

Глубокий анализ того, как мифы (вроде «человек человеку волк») структурируют сознание и социальную реальность. Помогает понять процесс «социального конструирования реальности» не как абстракцию, а как мощную силу, формирующую цивилизацию.

15. Иван Иллич — «Освобождение от школ» (1971) и «Потребность» (1978)

Иллич — критик индустриализированных социальных институтов. Он показывает, как школа учит зависимости от системы, а медицина — зависимости от врачей. Идеи об «конвивиальности» (способах совместного существования принимающие культурное разнообразие).

Экономика и теория игр

16. Янис Варуфакис — «Беседы с дочерью об экономике» (2023)

Доступное объяснение, почему капитализм неотделим от неравенства и почему для его преодоления нужны не реформы, а смена парадигмы. Варуфакис говорит о «посткапитализме» как о необходимости, а не утопии.

17. Дэвид Гребер — «Бредовая работа» (2018)

Антропологическое исследование десятков занятий, которые сами работники считают бессмысленными. Гребер показывает, как капитализм создаёт занятость ради занятости, подтверждая тезис о колоссальной растрате человеческого потенциала.

Психология, нейробиология и изменение сознания

18. Брюс Александер — «Глобализация зависимости» (2008)

Автор знаменитого эксперимента «Крысиный парк», доказывающего, что зависимость — это не химия, а отсутствие связей, смысла и альтернатив. Хорошая научная база для объяснения, почему смена среды («экологии повседневности») способна изменить поведение.

19. Джонатан Хайдт — «Гипотеза счастья» (2006)

Современная психология, находящая точки соприкосновения между древней мудростью и научными данными. Книга о том, что счастье и смысл действительно кроются в связи с другими и служении чему-то большему, а не в потреблении.

Технологии, кибернетика и управление

20. Стаффорд Бир — «Мозг фирмы» (1972)

Практик кибернетики управления, создавший модель реального времени для чилийского проекта «Киберсин» при Альенде. Его работы — конкретные инженерные прототипы того, как может работать распределённое, неиерархическое управление сложными системами без командно-административного центра.

21. Тим Джексон — «Процветание без роста» (2009, 2017)

Экономист, десятилетиями доказывающий, что бесконечный рост на конечной планете невозможен, и предлагающий конкретные модели «постростовской» экономики, основанной на благополучии, а не на ВВП.

Космос и цивилизационный контекст

22. Карл Саган — «Голубая точка» (1994)

Классика, формирующая космическое сознание. Саган напоминает о хрупкости Земли и единстве человечества перед лицом космоса. Его работа даёт эмоционально-философское обоснование необходимости цивилизационной зрелости для выживания в космическом масштабе.

23. Ник Бостром — «Суперинтеллект» («Искусственный интеллект. Пути. Угрозы. Стратегии» (2014)

Хотя Бостром пессимистичен, но его анализ экзистенциальных рисков и стратегий их преодоления бесценен. Он показывает, что выживание вида — это сложная инженерная и этическая задача, а не данность.

Эксперимент «Живая книга»

Вы дочитали эту книгу до конца. Вы уже начали. Первый шаг — позволить этой идее жить в вашей голове не как фантазии, а как возможному варианту будущего. Второй — говорить о ней. Делиться этой книгой, обсуждать её с друзьями в повседневном общении. Искать единомышленников. Создавать в своём доме, в своей работе микроклимат доверия и кооперации — ту самую среду, о которой мы говорили. Проект Человечество начинается не с подписания декларации.

Он начинается с того момента, когда два человека договариваются, что их общее будущее важнее сиюминутного выигрыша одного из них. Начните с этого. Прямо сегодня. Проект Человечество существует, только пока о нём думают, спорят и — главное — строят.

Эта книга не просто носитель идей, которые мне досталась честь аккумулировать и изложить. Она инструмент.

1. Напишите.

В конце этой книги вы найдёте несколько чистых страниц. Возьмите ручку и напишите там свой отклик.

Это может быть:

Гневная критика или восторженная поддержка.
Вопрос, на который вы не нашли ответа.
Просто слово «Надежда» или «Бред».
Не редактируйте. Пусть это будет сырая, живая реакция того человека, которым вы были, закрывая последнюю страницу.

2. Оставьте след.

Каждый экземпляр этой книги имеет уникальный номер (посмотрите на заднем форзаце). Сфотографируйте вашу запись и вместе с номером книги и опубликуйте на сайте проекта: projecthumanity.space. Теперь ваша мысль стала частью коллективного диалога.

3. Передайте эстафету.

Не оставляйте эту книгу на полке. Передайте её тому, кому, по-вашему, необходимо это прочесть. Другу, с которым вы спорите до хрипоты. Коллеге, уставшему от бессмысленной офисной гонки. Незнакомцу в кафе, если хватит смелости. Просто скажите: «Мне нужно, чтобы ты это прочёл. А потом — передай дальше».

Что получится в итоге?

На сайте проекта вы сможете:

- Отследить «путешествие» вашего экземпляра: Куда он отправился после вас? Что написали другие люди на его чистых страницах?
- Как менялся диалог с каждой новой записью?
- Увидеть «карту мыслей»: Полистать отклики из других книг, из других городов и стран. Узнать, что чувствуют люди, которых вы никогда не встретите.
- Сделать следующий шаг: Найти единомышленников в своём городе, записаться на офлайн-встречу для обсуждения или предложить свою экспертизу для будущих расчётов.

Почему это важно?

Потому что первый принцип Проекта «доверие и действие». Передавая книгу, вы совершаете акт доверия.

Оставляя публичный отклик — преодолеваете внутреннего «демона», который шепчет: «Твоё мнение никому не интересно» или «всё это чушь, следующий читатель выбросит эту книгу». Это микро-тренировка перед большим прыжком. Это мост между идеей и практикой. Эта книга теперь общая. Её история пишется не мной, а вами. Напишите её вместе.

Мы стоим на пороге. За одной дверью — знакомый мир, где мы продолжаем быть умными обезьянами

в песочнице, сжирающими собственный дом в борьбе за блестящие безделушки. За другой — тишина. Тишина вакуума, в котором слышно только биение сердца. Тишина, в которой нужно услышать не приказ, а просьбу соседа. Это не выбор между утопией и реальностью. Это выбор между детством и взрослением. Между страхом и ответственностью. Между концом истории и её настоящим началом.

Проект Человечество — это не инструкция. Это приглашение. Приглашение повзрослеть. Вместе.

Возьмите эту идею. Посадите её в себе, как семя. Поливайте разговорами, сомнениями, мечтами. И однажды вы поймёте, что корни уже проросли. Что вы не просто верите в этот Проект. Вы уже в нём. Потому что он начинается там, где заканчивается страх и начинается доверие к другому человеку. А это можно практиковать где угодно. Даже на тонущем корабле старого мира. Особенно — на тонущем корабле. Наше путешествие к звёздам начинается не на космодроме. Оно начинается здесь. На этой странице. В вашей голове. В вашем следующем поступке. Вас ждут. Добро пожаловать в Проект.

Сайт: projecthumanity.space
TG:@projecthumanity_space

P. S. Если чистые страницы в вашем экземпляре уже исписаны — не беда. Вклейте новые. Напишите на полях. Или просто передайте книгу, сказав: «Я верю, что ты найдёшь, что добавить». Идея дороже формата. А ваш голос — дороже моих слов.

Эта книга распространяется на условиях открытой лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International (CC BY-NC 4.0) с дополнительным разрешением от автора.

Вы можете:
- свободно читать, копировать, распространять и цитировать текст целиком или частями;
- использовать его в образовательных, общественных и некоммерческих проектах;
- перерабатывать, адаптировать, включать в лекции, подкасты, статьи, видео.

Кроме того, автор прямо разрешает: цитирование и частичное воспроизведение текста, включая краткий пересказ содержания, в коммерческих медиа (блогах, YouTube-каналах, подкастах, газетах, книгах и т. п.), в том числе монетизированных, при условии, что цитата служит обсуждению, анализу, критике или популяризации идей книги — а не используется как декоративный или рекламный элемент без смысловой нагрузки.

Обязательные условия во всех случаях:
- указание авторства (Игорь Егоров, «Проект Человечество: реальная утопия», 2025);
- запрет на продажу текста как самостоятельного продукта (включая печатные и электронные книги, PDF, аудиокниги и т. п.) без письменного согласия автора;
- запрет на использование в мерче, графическом дизайне, NFT и иных форматах, где текст превращается в чисто эстетический или спекулятивный объект, без письменного согласия автора.

Пока мы ещё живём в мире денег, поддержка автора возможна через перевод по QR-коду ниже.

Любая сумма приветствуется. Переводы физических лиц на личные счета в РФ не облагаются налогом.

+7 993 362 44 61
2200 2425 2241 5316

Спасибо, что читаете.

This book is distributed under an open license: Creative Commons Attribution NonCommercial 4.0 International (CC BY-NC 4.0) with additional permissions granted by the author.

You are free to:

- read, copy, share, and quote the text in whole or in part;
- use it in educational, public, and non-commercial projects;
- adapt, remix, and include it in lectures, podcasts, articles, videos, and other derivative works.

In addition, the author explicitly permits: quoting and partial reproduction of the text — including brief summaries — in commercial media (blogs, YouTube channels, podcasts, newspapers, books, etc.), including monetized content, provided that the use serves the purpose of discussion, analysis, critique, or promotion of the book's ideas — and is not employed as a decorative, promotional, or purely aesthetic element devoid of meaningful engagement.

Mandatory conditions in all cases: — Attribution must be given as: Igor Egorov, Project Humanity: The Reality of Utopia, 2025;

- Selling the text as a standalone product (including printed or e-books, PDFs, audiobooks, etc.) is prohibited without the author's prior written consent;
- Using excerpts in merchandise, graphic design, NFTs, or similar formats — where the text becomes a purely aesthetic or speculative object — is prohibited without the author's prior written consent.

While we still live in a world of money, you can support the author via the QR code below. Any amount is welcome. In Russia, personal transfers between individuals are not subject to income tax.

Thank you for reading.

Страницы для читателя

ББК 63.3(2)
УДК 316.3

ISBN 978-5-6054409-3-2

Автор: Игорь Егоров
Верстка: Екатерина Дородных

Подписано в печать 26.12.2025. Заказ №000965.
Формат А5 (148*210 мм.) Блок 240 стр.
Тираж 150 экз.
ООО «Типография «Печатных Дел Мастер»

ISBN 978-5-6054409-3-2

